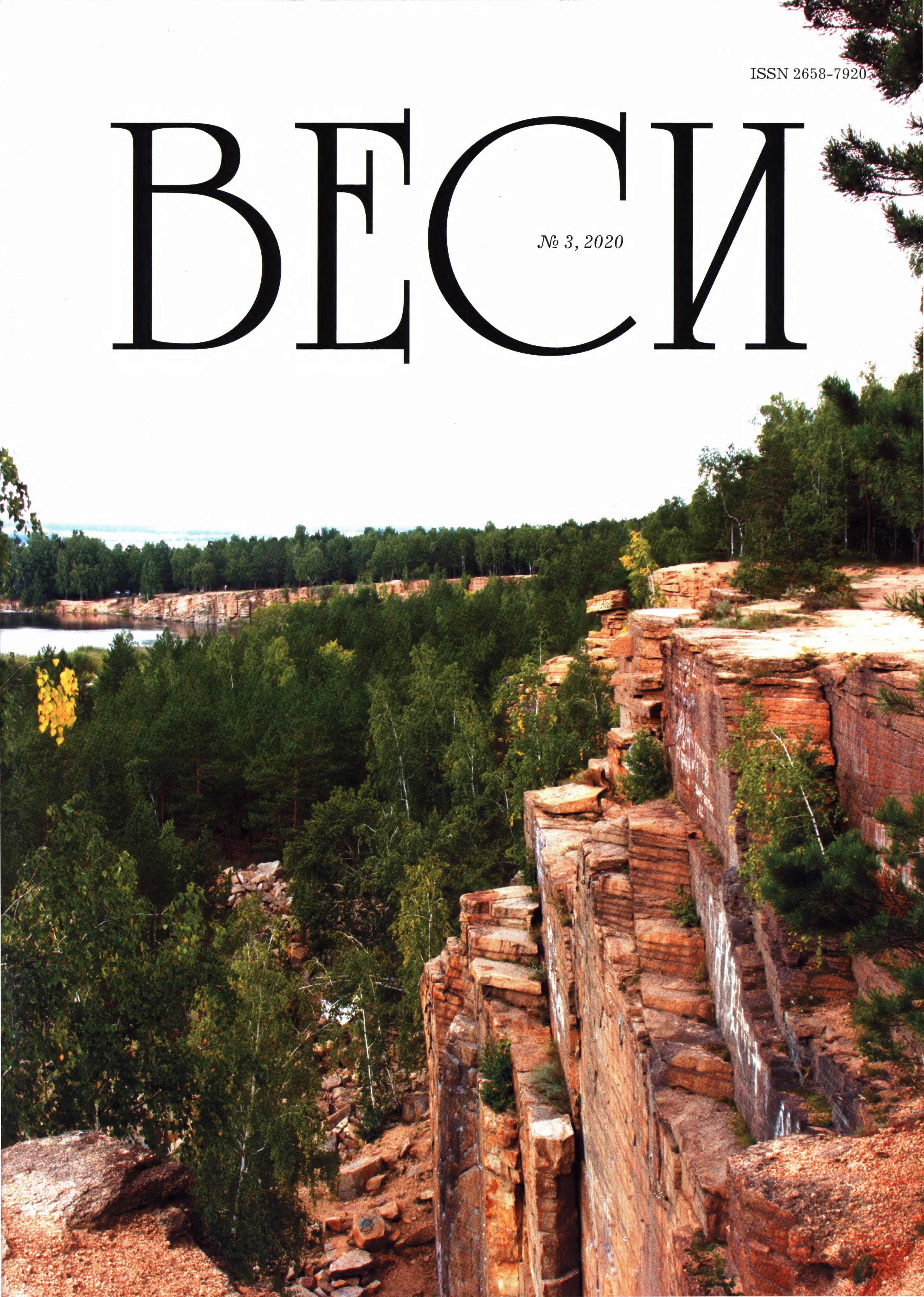

ISSN 2658-7920
ВЕСИ
№ 3, 2020

ТАЙНЫ ЧЕЛЯБИНСКОГО БОРА

В серии «Национальное достояние России» издательства «Банк культурной информации» подготовлена к выпуску книга об уникальном реликтовом боре, который сохранился в самом сердце огромного мегаполиса. Ни время, ни люди, ни перипетии жизни, ни социальные нормы оказались не властны над этим природным созданием, которому посвящен альбом-исследование двух челябинских авторов Вячеслава Лютова и Олега Вепрева и группы фотографов.

«Однажды в середине 1950-х годов в Челябинск приехал писатель, автор легендарной «Молодой гвардии» Александр Фадеев. Он в ту пору работал над романом о металлургии – но в большом промышленном городе, где уже вовсю дышали огнем домны, печи и прокатные станы, его взгляд оказался прикован к лесу за городской околицей.

Сосед по Смолинской даче, где остановился А.Фадеев, подзуживал писателя:

– А знаете, что это за лесной массив? Ведь это единственный в стране по масштабу и по однообразию лесных пород (только сосна!) парк культуры и отдыха: он начинается в двухстах метрах от центра и тянется на 12 километров вдаль и на 7 километров вширь. У нас есть всё, что положено паркам, но еще – необъятный лес! А в парке, где когда-то были каменоломни – глубочайшие чистые озера, полные рыбы, с обрывистыми берегами...

Александр Александрович, наконец, оставил своих сопровождающих и один, «пешочком с мешочком», отправился в парк. «Погода была переменчивая, с теплым ветром, то набегали тучи и шел дождь, то опять светило солнце. Но я пошел в глубину этого уникального парка, и целый час или полтора шел сосновым лесом, не встретив решительно ни одного человека. Оказалось, это действительно сказка! Сплошной сосновый лес. Все забивающий, всепокоряющий запах сосны...»

Именно в эту зеленую сказку, открытую сквозь «сто ворот» большому современному городу, нам и предстоит проникнуть».

Вячеслав Лютов,
Олег Вепрев.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке (1–4) фото Андрея Юдина.
Подписано в печать 30.04.2020 г.

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

12+

Заказ № 450.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Что же такое – это загадочное прошлое? Сколько ученых умов во все времена пытались разгадать эту тайну, сколько творцов и фантастов стремились нас перенести в своих произведениях в это необъяснимое прошлое... Но каждый ответ в одинаковой мере – правильный и бессмысленный одновременно.

Если представить линейно течение времени (кстати, еще одно непостижимое понятие), то прошлым оказывается то, что пройдено нами и теми, кто был до нас, – некий отрезок, в котором всё уже состоялось. А соответственно будущее – то, что нам предстоит пройти. Настоящим, в этом случае, мы считаем точку, в которой находимся здесь и сейчас. «Для нас, убежденных физиков, – писал Альберт Эйнштейн, – различие между прошлым, настоящим и будущим – не более, чем иллюзия, хотя и весьма навязчивая». Французский философ Андре Конт-Спонвиль написал: «Если бы прошлое было реальным, оно не было бы прошлым».

Тогда получается, что прошлого, как и будущего вовсе не существует. А что же есть? Только настоящее?.. Если посмотреть на это с точки зрения способностей человеческой души воспринимать действительность, то можно определить три грани: грань, где можно знать и действовать, грань, где невозможно действовать, и грань, где невозможно знать. И если мы с этой точки зрения взглянем на линейное изображение времени, то поймем, что весь этот график существует здесь и сейчас, то есть – в настоящем.

Вспоминая или мечтая о чем-то, мы с вами переживаем это в настоящий момент. И пребывая между двумя гранями невозможности, каждый из нас может сделать выбор – это наша реакция на воспоминание, наше личное мнение о событиях, явлениях, отношениях, которые невозможно изменить. И от этого личного выбора станут зависеть те изменения, которые будут происходить с нами и внутри нас, и те качества, которые каждый приобретет или растеряет.

Человек творческий воплощает свои мысли, свое личное мнение с помощью слова и звука, в формулах и проектах, в красках и в камне, и только от степени его таланта будет зависеть – разделим ли мы с ним его воспоминания или равнодушно перелистнем страницу, вознесемся ли вместе с ним к мечте и станем чуть-чуть не такими, как были.

Татьяна Богина
главный редактор

ВЕСИ

№ 3 (161)` 2020
апрель

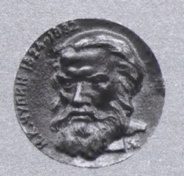
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

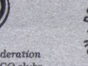
Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

World Federation of UNESCO clubs, centers and associations

РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

СОДЕРЖАНИЕ

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2020 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

ОДНАЖДЫ, У СИНЕГО МОРЯ...

Рассказ-фантазия

Александр ДРАТ

Член Союза писателей и Национальной ассоциации драматургов России, лауреат Международной литературной премии им. Л.К.Татьяничевой. г. Екатеринбург – г. Усть-Каменогорск.

I

Три дня бушевал шторм. Три дня гулко бились и плескались внизу – у подножия скалы – темные, тяжелые волны. Три дня у старика кололо в сердце, ныло в костях и жгло в желудке. Он уже давно привык к этому: приход непогоды вызывает непременное обострение всех хронических болячек. Давление, суставы, гастрит...

Сейчас он отрезан от всего мира. Отмель – выход с этого небольшого полуостровка – затоплена водой. Только вплавь... Нужно переждать, – когда закончится буря. Когда наступит отлив, обнажится песчаная коса и снова можно будет вернуться на первый «этаж» каменной двухэтажки, то есть в нижний грот, в котором он проводит большее время в году, – точнее, всякий раз до очередного каприза моря.

...Три дня назад он вновь был вынужден, спасаясь от прилива, спешно подняться сюда – в верхний грот – «этажом» выше. Едва успел вскарабкаться, – после того, как вернулся с прогулки из прибрежного городка, где он иногда прибарахляется (одежда, обувка, посуда) на многочисленных свалках и получает в пункте для подобных ему порцуху бесплатной горячей похлебки, каши и жидкого чая или компота...

Никто не ждет его там. Никого не интересует, придет ли он завтра и куда он, наскоро перекусив, уходит сегодня... Друзей у него нет. Близких и родных – тоже. Вернее, – была и, наверное, где-то есть дочь, на пару со своим новым «бойфрэндом», обманом отнявшая у него «двушку» и выкинувшая его самого за порог. В общем, дочь по бумажной форме, но – не по жизненному содержанию. Ей нет дела до него, ему – до нее. Ему никто не нужен. Здесь он сам себе владыка. Хозяин этого – отдаленного, скрытого густыми прибрежными зарослями и скальной дугообразной грядой – полуостровка свободы! Владелец этой – великолепной, устроенной самой природой, случайно обнаруженной им – усадьбы-«двухэтажки». Единственный собственник этого – «прихватизированного» им, двухъярусного – гранитного «коттеджа». Его новообретенной «двушки»...

Самое дорогое, самое ценное для него – здесь он может быть самим собой. Поэтому всякие изначальные попытки других бродяг «сесть ему на хвост», «прописаться» у него и «исправить» этот мир – закончились ничем. Он никому ничего не обещал и не рассказывал. И не собирается обещать или рассказывать. Он – не такой, как все, не такой, как они... Он – весь в себе, в своих мыслях. Он, если угодно, – по фактуре, по нутру – пометивший (в прямом и переносном смыслах) свою территорию волк-одиночка. Хотя, вообще-то, мало похож не матерого волка. Скорее, – волчок... Но даже этого вполне достаточно. Они – это чувствуют. Как запах. Как метки... Подкоркой. Чем-то... И не трогают его. Уважают его выбор. Не пытаются выследить, повлиять на него... Потому что понимают: он для них недосягаем. Как необъяснимое, но – табу... Они – просто существуют. Не зная, не желая знать, даже не задавая себе вопрос: зачем? Существуют – и всё. Просто так. Колонией. Стайкой. Как крикливые бестолковые чайки. Как суетливые счастливые мальки на отмели... И хотят существовать еще! Долго-долго. Без колючего, некомфортного «зачем»?» Даже этот вопрос задается по-разному. Теми, кто, как абсолютное боль-

шинство, боятся одиночества, боятся свободы, страшатся умереть – где-то, вдруг, без свидетелей... И теми, кто так – не хочет. И не хотел никогда... Тошно! В отличие от них всех – он не боится. Ничего. Ни «прозябать» в одиночку. Ни «сгинуть» в безвестности и без пригляда: на песчаном ли берегу, в заплесневелом ли гроте, на одному ли ему известной тропе-дороге из «общепита». Раствориться в неисправимо несовершенной, безумной вечности... Какая – по большому, главному раскладу – разница: где и когда? Ушел – пришел... Приход – на время. Уход – насовсем... И что? Кто заметит? Кто заплачет? Кто обеднеет? А если заметит, заплачет и обеднеет – надолго ли? Фигня. Сезонная смена мизансцен. Прилив-отлив. Сколько он увидел их за последние дни и годы...

Что это? Снобизм? Мизантропия? Безумие? Нет. Просто он фаталист-философ. Может быть, шизофреник... Но – ему лучше и комфортней пройти остаток пути (это его путь!) именно так. Без пенсии, без документов. Без претензий. Без обязательств... Главное – обязательно и безусловно – по своим правилам. Его все устраивает. Ему всего хватает. Лично – ему! Не кому-то. Он ничего не хочет менять в своем настоящем положении. Более того, – он готов на всё, даже на преступление, ради сохранения обретенного статуса! Сегодня он – абсолютно свободен!

...Когда-то там, – в той, другой, несвободной, почти забытой, похожей на сон жизни – он был археологом. Исследователем. Ученым. Профессором... Ходил в экспедиции. Читал лекции. Сочинил несколько заумных трудов. Был довольно известен в своем высоколобом кругу некоторыми интересными находками и открытиями... А как он мечтал! Как умел и любил мечтать! Звездно, глобально, амбициозно, беспредельно! И всегда – о великом, почти недосягаемом! О том, что не удалось найти и открыть никому до него!.. А разве можно – иначе? Мечта – смысл! Гарант бытия! Ее сосуды, ее кровь и сердце!.. Энергия – для поиска, для риска, для жизненных сил!.. Так думал он – там. В той жизни... Увы. Блеф. Очередной блеф... Мечты, амбиции, надежда – оказались грезами, бредом... Рано (несправедливо рано!) ушла в лучший мир любимая супруга – его опора, его «дама сердца»... Едва пережив удар, разделил имеющееся: дочери оставил заработанную четырехкомнатную (все в ней напоминало о прошлом), себе – на сбережения на старость (дабы не мешать, не быть дискомфортной обузой) приобрел угол в «хрущевке». Теперь у него нет и этого угла... Все рассыпалось, – превратившись в вязкую, усталую пыль. Разбилось вдребезги, в мелкие осколки. В брызги... Как вот эти пенные, безбашенные волны, слепо, бесцельно накатывающие одна за другой на непробиваемую, гранитную стену его безысходной повседневности, – стену обретенной им по воле случая, – временно спасательной, а по большому счету не имеющей никаких смыслов – «двухэтажки»... Волна – за волной, страница – за страницей. В необъятном синем море. В безбрежной книге суетливого, постоянно меняющегося и повторяющегося зачем-то бытия.

II

...Буря закончилась на четвертые сутки. Так же неожиданно, как и началась. На рассвете.

Успокоилось море. Умолк ветер. Улеглись волны... И почти сразу утихла боль в сердце, перестали ныть кости, прекратилось жжение в желудке.

Порядок. Теперь – без экономии и в полное удовольствие – можно допить из последнего, третьего термоса то, что осталось от набранной в окраинной колонке и вскипяченной в кастрюльке воды. Это – его проверенные запасы, его спрятанные в верхнем гроте на такой – непогодный – период «выручалочки». Три термоса (один захватил еще тогда, – уходя от дочери; два – нашел позже, здесь – в мусорном ящике); десятилитровая пластиковая банка для воды; запаянное в двух местах оцинкованное ведро; пара алюминиевых плошек; кружка; кастрюлька; чугунная сковородка; ложка, нож. И – огниво! – еще из археологической коллекции. Спички и зажигалка – вещи ненадежные. Временные... На что взять новое, когда закончится старое? А так – вполне – всего. Да и что ему нужно еще? Только «депозит»-дубликат (то есть то же самое) – для нижнего грота. Чтобы не поднимать и не спускать всякий раз туда-сюда – по приливам и отливам, по уходу и приходу большой воды... Увы, список этого нехитрого скарба на нижнем «этаже» приходится то и дело обновлять, восстанавливать. То унесет, то разобьет... Ничего! Поправимо. Море – безжалостно. Море – щедро. И – неожиданно. Всякий раз. Как вечный сюрприз, как вечный двигатель.

Сейчас он спустится и проверит. А потом можно сделать вылазку в городок. Поесть горяченького. Набрать на обратном пути банку питьевой воды, пополнить недостаток утвари и, вернувшись поближе к вечеру сюда, навести марафет на нижнем «этаже» – до следующего шторма: убрать песок, ил, разжечь костер и высушить стены... Сегодня или завтра. Жизнь покажет. Спешить некуда... Море отдыхает. Штиль.

III

...Что это? Он прислушался. Показалось? Нет. Точно. Писк. Жалобное мяуканье. Оттуда, снизу... Кошка. Откуда здесь кошка? Чья? Одна? Сама по себе? Или с кем-то? Неужели незваные гости? Зачем ему гости?..

Старик осторожно, боясь поскользнуться и сорваться с еще не высушенных солнцем камней, спускается вниз – своей заученной лазейкой, своей проторенной тропкой. Цепляясь за одному ему известные расщелины и выбоины в скале. Изгиб – ступенька, два изгиба – вторая ступенька. Их пять, таких ступенек, и между ними – восемь изгибов, небольших поворотов. Он знает каждый изгиб и каждую ступеньку. Наощупь. Знает и помнит. Вспомнит, – даже если ослепнет вдруг от наступающей, как неизбежность, катаракты. Как собственное молодое тело – вспомнит...

Всё. Он внизу, у входа в нижний грот. Снова прислушивается. Тихо. Писка не слышно. Может, все-таки показалось?

Старик, напрягая зрение, заглядывает внутрь нижнего «жилища». Потом, упредительно кашлянув, делает шаг вперед – в полумрак. Пол «этажа» – в сальной слизи, в слое влажного песка. Пахнет водорослями и солью... В

углу грота – на небольшом уступе – два горящих пятака-зрачка. Точно – гостёчек! Рыжий котенок. Месяца три, не более. Взъерошенный, напуганный. Съежился, дрожит. Таращится на старика со своего мыска.

– Привет, бродяжка, – говорит негромко старик, приближаясь к нему. Берет на руки. – Откуда ты здесь?

Котенок громко, доверчиво трещит, трется о рукав пиджака. Рад. Даже счастлив. Заглядывает в глаза. Пытается понравиться...

Внизу – под уступом – принесенная водой, широкая просмоленная доска. Обломок рыбацкого баркаса. Возможно, – разбившегося...

– На этой, небось, посудине ты и прибыл, путешественник-мореплаватель? – спрашивает старик, гладя котенка заскорузлыми, испачканными морской слизью пальцами.

Доска стоит в наклон: упираясь одним ребром в уступ, другим – в пол грота. Как будто специально кем-то так поставлена.

– Лады, – кивает старик, поддевая ее носком сапога. – Высохнет, пойдет на растопку. Или на что еще...

Доска тяжело шлепается на грязный пол грота.

– А это что такое?

Оказывается, за доской был скрыт еще один дар моря. Наполовину занесенный песком, облепленный травой и илом сосуд. Не то бутыль, не то кувшин...

Старик опускается на корточки, пересаживает котенка на колено и осторожно берет в руки находку... Его прошибает озноб. Настоящая древняя амфора! Уж кому-кому, а ему-то известно. Понятно с первого взгляда. Невиданное – по изящности и красоте – произведение искусства! Величайшая находка! Не какие-то жалкие черепки, не какая-то безделица. Раритет! Эксклюзив! В целости и сохранности, без единого изъяна. С восхитительным орнаментом! И с четкой, – нисколько не пострадавшей от времени и воды, – окольцовывающей сосуд, как вязь, гравировкой. Старинной клинописью...

IV

...Котенок жалобно и безостановочно мяучит. Просит есть... Если бы не он, старик сейчас же, забыв обо всем на свете, занялся амфорой. Нужно обмыть, просушить, внимательно осмотреть... Даже в горле сладко! От предчувствия, от упоения. Такого ему держать в руках еще не приходилось! Какое везение! Какой подарок судьбы! И где, когда? Здесь. Сейчас. Когда уже, казалось бы, расставлены все точки над «i». Когда уже не осталось ни желаний, ни амбиций. Ничего... И вдруг – нате вам, получите! Из праха, из пепла. Точнее – из ила и пены... Как Афродита. Или птица Феникс...

Но – пищит котенок. Живая сущность. Плачет. Трется. Изголодался... Кошечка или котик? Посмотрим. «Если ты – она, назовем Афродитой. Если ты – он, Фениксом».

– Привет, Феникс. Привет, птиц! – улыбается старик. – Правильно, без баб проще... Потерпи. Не тебе одному на зубок хочется. Я ведь тоже был на трехдневной диете. Кишки к спине липнут... Сейчас что-нибудь придумаем...

Старик вспоминает о спрятанной в расщелине грота сетке-«бредежке». Рваная, в нескольких местах грубо стянутая медной проволокой и капроновыми нитками, но вполне пригодная для ловли рыбешки снасть. Бывало, начерпав на мелководье сотню-другую мелюзги, он варил себе ушку-похлебку. Он и сейчас бы сделал это. Но закончились запасы пресной воды...

Ладно. Все же разок – бегом – можно черпануть. Хотя бы котенку – в сыром виде... А после этого спрятать понадежнее амфору, потом – банку для воды в руку, рюкзачок – за плечи, и – в город. Поесть поплотнее самому. Попросить добавку и принести что-нибудь Фениксу. Чтобы завтра ни на что не отвлекаться. Чтобы насладиться в полной мере... «Да, так и сделаем. Так и сделаем! Амфора подождет... Подождет!»

...Ах, как она великолепна! Как божественно прекрасна! Просто с ума сойти!

V

...Находка оказалась еще более раритетной, чем предполагалось. Бесценной! Она переворачивала все былые устойчивые научные представления об этом крае, о населявших его доисторических племенах, о древней гончарной и языковой культуре – культуре целого континента! Если явить ее сейчас миру, ученым мужам, сытым всезнайкам, – это будет сродни разорвавшейся бомбе, сродни катаклизму... Сколько «заслуженных» степеней и «защищенных» диссертаций, сколько общепринятых учебных параграфов разобьется о гладкую форму этого диковинного, хрупкого сокровища! Положи его одно на весы – и рухнет, как рассыпавшаяся пирамида, сотворенный в столкновениях, а затем в договоренностях, в консенсусе самомнений мир! Перетянет. Переубедит. Пересилит... Не знающий аналогов абрис линий! Не известный доселе состав красок и узор орнамента! Совершенно новый, неведомый – как будто занесенный из другой цивилизации, с иной планеты – алфавит! И – вдобавок – каким-то фантастическим, тончайшим резцом искусно, филигранно сделанная гравировка... Что здесь написано? На каком языке это послание? Кому? От кого? Тайна... Была бы лаборатория, была бы библиотека. Были бы условия... А ведь эта амфора не оказалась здесь случайно, не завезена кем-то в единственном числе... Изрядно покопавшись через день-другой под уступом и тщательнейшим образом просеяв каждую горсть песка, – старик обнаружил в слоях размытого последним штормом ила еще несколько таких же амфор. Целый древний схрон! Правда, все они, в отличие от первой находки, были уже трухой, рассыпающейся от самого легкого прикосновения – даже от дыхания – золой. Только эту – единственную амфору-богиню – пощадило и сохранило время. Не разъели вода и соль. Не унесли в глубь моря, не разбили об уступ (в веках, возможно, – в тысячелетиях!) то набегающие на берег, то отступающие с него волны...

А если во всем этом – тайный, мистический, ниспосланный свыше смысл? И все произошло именно так – для одного, избранного кем-то или чем-то, старика-изгоя, жалкого бродяги, больного шизофреника-отшельника? Ждало – исключительно его, и никого больше... Чтобы вознаградить. Снова поднять. Возвысить. Возве-

личить... Исполнить, наконец-то, – хотя бы на закате жизни – его самую заветную, уже почти забытую мечту!

Неужели это шанс? Неужели это знак? Неужели пора возвращаться?..

VI

...Прошло две недели. Бессонные ночи. Бесконечные думы. А решения нет и нет.

Полный штиль. Искрится и тихо шепчет о чем-то безбрежное, спокойное море. Кружатся, то и дело ныряя за добычей в воду, крикливые чайки. Несколько чаек прогуливаются неподалеку – возле дымящегося еще кострища.

«Чайка бродит по песку – моряку сулит тоску», – вспоминает старик давний стишок. Потом успокаивает себя: «А может, и нет. Просто птицы проверяют, не осталось ли чего съестного?»

Они только что похлебали ушицы. Сытый Феникс, весь вывернувшись, млея от блаженства, растянулся на прогретом солнцем камне. Старик полулежит на песке у входа в нижний грот; прищурясь, любуется котом, морем и стоящей на доске, вымытой, очищенной, сияющей «афродитой»-амфорой – на фоне горизонта.

Медленно, вязко текут мгновения, минуты... Час, другой... Но не вечен обманчивый покой. Вдруг усиливается ветер. Становится прохладней. Начинает рябить и покрываться белыми барашками морская поверхность. Наползают меняющиеся каждый миг, темнеющие облака... Время убыстряет свой ход. Еще тревожнее орут и мечутся чайки. Просыпается и с опаской поглядывает на шлепающиеся о камень волны Феникс...

Старик набрасывает на плечи пиджак. Снимает с доски и аккуратно ставит на песок амфору. Уносит доску в грот. Возвращается назад с мягкой фланелевой тряпицей – «пеленкой» для «афродиты». Еще на что-то надеясь, вглядывается в небо и море. Они – уже другие, они – в гримасе... Будет буря. Горизонт уже зловещ. Взъерошенный котенок беспокойно крутится у ног, жмется, жалобно попискивая, к старику. Море шумит. Ветер резко меняет направление. На берег угрожающе наползают свитки пены...

Кольнуло в сердце. Заныли суставы ног и рук. Вернулось, придя из ниоткуда, знакомое жжение в желудке.

Старик, вернувшись в грот, торопливо прибирает, поднимая повыше – на уступ и в расщелины – скарб нижнего «этажа»: снасть, тряпье, посуду. Под ногами уже хлюпает вода. До головокружения остро пахнет водорослями, илом и солью. Всё. Пора...

Держа в одной руке укутанную в «пеленку» амфору и прижав к боку другой рукой котенка, старик начинает подниматься наверх – на второй «этаж». Впереди – восемь изгибов и пять ступенек. Он знает и помнит их наощупь. Каждый и каждую...

Первая ступенька. Вторая. Третья. Четвертая... Он почти у цели. Резкий порыв ветра толкает его в спину. Старик, едва удержавшись на ногах, балансирует на краю ступеньки. Над головой, – перечеркнув ломкой линией небо, – вспыхивает ослепительная молния. Оглушительный раскат грома сотрясает скалу...

Перепуганный насмерть котенок, дико отталкиваясь от старика, больно царапает когтями руку и бок. Пытается вырваться... Обе руки заняты. Неимоверным усилием старику удается удержаться на каменном пятачке, – чтобы не сорваться, не упасть самому и не упустить из рук что-то. Одно из двух... Что?

Еще одна вспышка. Еще один раскат – оглушительней и устрашающе прежнего...

Если бы не котенок, он бы успел поймать выскользнувшую из второй руки амфору... Старик слышит гулкий стук сосуда о камни. Разворачивается и улетает по ветру «пеленка». Сыпятся вниз – в уже поднимающуюся, гигантскую, неизвестно откуда взявшуюся громаду воды – мелкие, похожие на бурые брызги, на капли слез, осколки... Если бы не котенок. Если бы не котенок!..

– Убью! – кричит старик, хватая его освободившейся рукой за загривок и отрывая от себя. – Что ты наделал, шкура?! Что?!

Готов в ярости швырнуть Феникса со скалы, размазать одним ударом о камни... Но – еще одна вспышка молнии: огромная, в полнеба. Она отражается в зрачках Феникса... Старик оборачивается и видит стремительно надвигающуюся на побережье – наступающую прямо на него – волну. Феникс покорен в руке старика. Весь в его власти. Смиренно вывалив язык, висит над пропастью, над бездной. Только взгляд – безумен и черен...

Волна уже почти над ними... И старик приходит в себя. Прижав к груди котенка, в последнее мгновение – рывком – преодолевает остаток пути: восьмой изгиб и пятую ступеньку. Вот вход. Они – наверху, они – на втором, безопасном уровне. Все остальное, весь мир – там, внизу. За ними и под ними...

На полуостров обрушивается и прокатывается через него, сметая все на своем пути, волна-убийца. Язык ее гребня бьет старику по пяткам. Но она – уже опоздала. Только слегка лизнула – и отползла с тихим шипением назад, за каменный порог второго «этажа».

Старик проходит в дальний угол грота. Валится ничком на кучу тряпья. Закрыв глаза, затихает. Он бессилен. Он опустошен. Он ни о чем не думает. Не может думать... Боль заслоняет всё. Сплошная боль. Боль бóлей. В глазах, в желудке, в костях. В сердце...

Отпущенный на волю котенок, немного отсидевшись где-то во мраке и успокоившись, обходит территорию грота. Потом приближается к старику. Радостно треща свою «вечную» песню и потеревшись усами о нос старика, сворачивается теплым калачиком у него на груди – именно на том месте, где болит более всего. Он не обижается. Он благодарен старику – за выбор, за спасение. И как будто слышит, как непросто тому сейчас...

Стихает боль, – тает, растворяется. Как пенные хлопья... Старик улыбается. «Хорошо, что так. Хорошо...» – думает он. Гладит котенка. Укутывает его заботливо ладонями. И – засыпает. Глубоко, безмятежно. Как когда-то, давным-давно. Он и сам уже не помнит, – когда...

...Внизу, под скалой негромко плещется в ночи успокоившееся, безбрежное море...

РОГАЛИК УХОДИТ В РЕЙС

Лев ГРИГОРЯН

Окончил лингвистический факультет Российского государственного гуманитарного университета. Работал переводчиком с итальянского языка. В настоящее время – сотрудник Всероссийского института научной и технической информации (ВИНИТИ РАН). Кандидат наук. Рассказы, сказки и стихи публиковались в журналах «Веси», «Дарьял», «Огни Кузбасса», «Наша улица», альманахах «Атланты», «Подсолнушек», «Восхождение», «Новый Континент», сборниках издательства «Бёркхаус» и др. г. Москва.

Рисунок И.Старцевой

В одной сказочной стране, в большом городе, жил да был троллейбус. Днем он возил пассажиров по Бульварному кольцу, а ночью отдыхал в троллейбусном парке.

Надо сказать, что троллейбус этот был не похож на другие троллейбусы. У всех других «рога» были прямые, как усики у кузнечика, а у нашего – полукругом, будто у кренделька или рогалика. Да и раскрашен он был не в обычный синий, а в румяный желто-оранжевый цвет.

За это девочка Юльхен его так и прозвала – Рогаликом. Прозвище прижилось, потому что девочка Юльхен была ребенком чистосердечным, и устами ее всегда глаголела истина. Даже Бургомистр обходил стороной девочку Юльхен, а то мало ли каким ей покажется его новый камзол? Глядишь, свои же сановники втихаря засмеют.

Был случай, приехал в город знаменитый негоциант Брунж с двумя чемоданами золотых талеров. Негоцианта принимали в лучших домах, задавали в его честь пиры, хозяйки сватали ему юных дочек. Но однажды, по случайности, мимо шла девочка Юльхен, и как воскликнет:

– Да у него же хвост!

И все разом увидели: действительно, из роскошных рейтуз негоцианта Брунжа торчит сзади шерстистый хвост, совершенно крысиный.

– Вот те на! – воскликнули все. – Как мы раньше не замечали!

А самое странное: в тот же день обнаружилось, что и талеры у Брунжа фальшивые.

Так что Брунжу пришлось в страшной спешке покинуть город. Ух, как ругал он девочку Юльхен, загружаясь в кабриолет и хлеща хвостом во все стороны! Но никто его больше не слушал: ведь устами его не глаголела истина.

Однако вернемся к нашему троллейбусу. Троллейбус Рогалик отличался не только задорными ро́жками. Он еще был мечтатель. Все другие троллейбусы были строгими, даже суровыми, и глядели на мир исподлобья, с чувством праведника при исполнении долга. А Рогалик мечтал о прекрасном – о лугах с васильками и маргаритками, о привольном ветре и разноцветной веселой радуге. Даже самое хмурое утро Рогалик встречал улыбкой.

Поэтому Рогалика очень любили дети. А контролеры при виде него шарахались в стороны – им делалось мучительно горько за бесцельно прожитые годы. Один контролер по прозванью Талончик даже оштрафовал самого себя, но это не помогло, и тогда он уволился, чтобы посвятить остаток жизни разведению маргариток.

Дни напролет Рогалик кружил по Бульварному кольцу. Он знал здесь каждый фонарный столб и каждую лавочку, но ему не надоедало, ведь всё это были его друзья. Вот фонтан в виде слоника, поднявшего кверху хобот; вот раскидистый тополь; вот овальная площадь с балаганчиком бродячего цирка; а дальше мост через речку Журавку с перилами в виде шахматных пешек; и за мостом – резиденция Бургомистра: помпезное здание с тремя куцыми башенками.

– Привет! – весело звенел Рогалик. – Как поживаете? Не правда ли, прекрасный денек?

И слон махал ему хоботом, вздымая к небу изящные фонтанные струи, тополь радостно шелестел листвой, циркачи приподнимали свои колпаки, а мост выгибал

спину, словно кошка, и Рогалик съезжал по нему с ветерком. Одна только резиденция Бургомистра хранила молчание. Но на то были причины особые, о которых чуть позже.

Перекликался Рогалик и с другими троллейбусами, шедшими по соседним маршрутам. Те, впрочем, отвечали кратко, так как были заняты делом. Но бывало, что им тоже хотелось посудачить, поделиться местными новостями.

– Вы слышали? На причале сел на мель катер с грузом морских коньков. Ни туда, ни сюда. Все коньки разбежались. Капитан вне себя, а что делать? Хочешь, нет – жди прилива.

– А у нас на Скрипичной улице шквалом ветра опрокинуло будку, где стоял постовой. Он, бедняга, с перепугу чуть не проглотил свой свисток.

– То ли дело! Вот у нас на Кудельной две машины столкнулись с извозчиком, а всё из-за ездового медведя. Как стал посреди дороги, и ни в какую, только головой вертит: справа «Малиновый сад», слева «Медовый дворик», тот, где хозяин весной проспорил шарманщику бочку браги. Видно, тяжко медвежьей душе...

Тут уместно сказать, что ездовые медведи были в той стране популярны. Дрессированные, послушные, они возили горожан куда следует, заменяя собой лошадей. Так повелось с давних пор, когда страна еще вела суровые войны и всех лошадей забрали на фронт, в кавалерию. Большинству лошадей пришлось туго, но некоторые дослужились до подполковников, а одна до подгенерала.

С той поры прошло много лет, появились кабриолеты, автобусы и троллейбусы, страна жила то лучше, то хуже, времена наступали разные, но медведи в упряжке оставались верны своей участи.

Иногда Рогалика брало сомнение:

– Отчего я не медведь? Бродил бы по всему городу, а не только там, где висят провода.

Но он гнал эти мысли прочь, потому что знал: он любит свое Бульварное кольцо, и ни за что на свете не расстанется с фонтаном-слоном, и тополем, и циркачами, и гнутым мостиком, и девочкой Юльхен, которая как раз по бульварам каждый день возвращалась из школы.

Однако шло время, и город понемногу менялся. Как-то утром Рогалик, идя по маршруту, увидел: работники пилят тополь.

– Что стряслось?! Чем помочь тебе? – Рогалик метнулся к тополю, едва не порвав провода. Заскрежетали колеса, пассажиры заохали, а работники кинулись врассыпную, бросив пилу на произвол судьбы.

– Уж такие пришли времена, – вздохнул тополь, покачиваясь. – Бургомистр решил: у горожан аллергия на пух – кошачий, лебяжий и мой. Кошки скрылись в лесах, лебеди улетели, а меня теперь спилят. Стану столиком или шкафом.

– Не бывать этому! – пылко воскликнул Рогалик.

– Вззззз! – возразила брошенная пила и хищно сверкнула зубами.

– Я тебе покажу – вззз! – рассердился Рогалик.

Он переехал брошенную пилу всеми своими колесами, да еще потоптался на ней, чтобы окончательно лишить ее дара речи.

Пила утихла, и тополь с облегчением расправил ветви. Но тут к Рогалику подбежал милиционер Фуражкин из соседнего переулка, интересуясь, почему остановилось движение и не нужен ли мастер-ремонтник.

Пришлось Рогалику двинуться в путь.

А на следующее утро тополя на месте не оказалось. Вместо него сиял желтой лысиной свежий пень, и на краешке пня примостились работники, распивавшие веселый напиток.

– Ух! – говорил один работник другому.

– Швах! – отзывался другой, ибо был пессимистом и не ждал от жизни хорошего.

А тополь смирно лежал рядом и готовился преобразиться в книжный шкаф или в тумбочку.

– Прощай, друг! – прокричал ему напоследок Рогалик и едва не заплакал.

– Не грусти! – прошелестел в ответ тополь. – Может, шкафом быть не так плохо. Буду книжки читать интересные и тебя вспоминать.

Опечаленный Рогалик поехал дальше – неумолимая сила, заключенная в проводах, не позволяла ему долго медлить.

Да, город менялся... Тополь стал первой жертвой, но вскоре настал черед и других. Гнутый мостик снесли, вместо него проложили широкую и ровную плиту из бетона: Бургомистр и городские сановники посчитали, что плита благотворно скажется на доходах казны. Был составлен целый закон: каждый год, по весне, плиту будут перекладывать вверх ногами, а осенью наоборот, и поскольку плита увесиста, потребуется немало работников, а чтоб трудились они не задаром, нужно ввести новый налог. Когда все горожане заплатят монету, наберется целая горка звонкого серебра. Тут уж хватит и работникам на круговорот плиты, и сановникам во главе с Бургомистром поощрение выйдет за мудрую идею.

Плита пролегла от берега до берега через речку Журавку, и теперь Рогалик ходил по ровной бетонной глади, негнущейся, как паралитик, и глухой, как контуженый барабанщик.

– Здравствуйте, – как-то раз попытался Рогалик завести с плитой разговор. – Вы случайно не знаете, что сталось с мостиком, который был здесь до вас? Куда его увезли?

– Тыц, – отвечала плита. – Дыц.

Ничего другого сказать она не умела. А может быть, не хотела.

...Исчезли и циркачи. Их прогнали с овальной площади за отсутствие гербовых пашпарта́ментов. По новому указу каждый циркач от жонглера до укротителя барсов должен был иметь пашпартамент с обновленным гербом – девятиглавым орлом. Прежде герб был еще восьмиглавым, но недавно страна обзавелась новым островом, уплывшим от соседней державы, и орел на гербе отпустил себе новую голову, да еще с золотым гребешком.

За гребешок лукавые гербописцы требовали с циркачей особую

плату, которая была тем не по карману. Поэтому циркачи погрузились в фургончик и, простившись с Рогаликом, отправились в дальние страны. Очень вовремя, ибо на следующий день для фургончиков был введен дополнительный пашпартамент, а для выезда в страны подозрительной дальности – учредили печать в виде толстой решетки.

Последним исчез фонтан-слоник. Он долго держался, но в одну очень темную ночь какой-то вандал отвинтил ему хобот, и слоник пришел в негодность. Очень скоро его снесли, а взамен поставили большую зеленую голову в человеческий рост, олицетворявшую собой здравый смысл.

– Там внутри сундук золота, – заявила девочка Юльхен, заглянув прямо в голову через рот. – У, охлопуты несчастные. Такой чудный слоник был...

Дождавшись сумерек, горожане взломали голову, но сундука не нашли. Впрочем, в словах девочки Юльхен не усомнился никто, ибо ее устами, как известно, глаголела истина. Просто кто-то, должно быть, уволок сундук раньше.

С огорчением взирал Рогалик на творящиеся перемены. Уже и город теперь был не тот, и Бульварное кольцо стало каким-то чужим. Да и в целом в стране порядки сделались строже. Одни лишь медведи не убывали.

А вскоре прибавилась и другая тревога. Стало меньше троллейбусов. То один, то другой, уходя на работу, испарялся бесследно, и никто из них утром не знал, вернется ли к вечеру в парк.

– Что за мор нас постиг? – вопрошал с беспокойством Рогалик у соседа по парку, заслуженного троллейбуса Двоевозыча.

– Эпидемия, верно, – вздыхал Двоевозыч. И, кивком указуя на пустующее место рядом с собой, добавлял: – Вот, старушка Скрипелкина еще вчера была здесь. Все ворчала, на ревматизм жаловалась. А сегодня гляжу: что за диво? По ее маршруту автобус идет. Отродясь на той улице автобусов не было. Всегда Скрипелкина там ходила, да внучок ее, Шустрилка.

– А где, кстати, Шустрилка? – озабоченно озирался Рогалик.

– Ох, и впрямь! – только и мог вымолвить Двоевозыч. – Не вернулся еще. И вернется ли? Утром-то был, про бабку все спрашивал, волновался. Ну, что делать... Подождем до завтра.

А назавтра сгинул и Двоевозыч.

Стало совсем Рогалику горько. На весь парк кроме него осталось лишь два троллейбуса. Настроение у них было подавленное.

– Что делать? – бормотал один беспрестанно.

– Как быть? – вторил другой.

Рогалика разобрало возмущение:

– «Как быть, как быть», – передразнил он товарищей. – Искать надо!

– Как же, ищи-свищи! – в унисон возразили двое. – С маршрута ведь не сойдешь. Провода́ не отпустят, треклятые, чтоб им самим на себе повеситься!

Долго думали троллейбусы – ничего не могли придумать. Наконец Рогалика осенило:

– Надо обратиться в милицию! Пусть милиция ищет. Ей положено.

– Какая милиция... – заохали Рогаликовы приятели. – Жди от них, как же! Во всей милиции, говорят, один только Фуражкин – честный милиционер.

– Вот к нему и обратимся, – заключил Рогалик.

Так и сделали.

Чтобы приманить милиционера Фуражкина, Рогалик на следующий день нарочно задержался у пня, оставшегося от старого тополя.

Милиционер не заставил себя долго ждать:

– Что такое? Почему стоим? – вопросил он Рогалика тоном строгим, но справедливым, как и подобает честному милиционеру.

Рогалик объяснил ему, в чем состоит затруднение:

– Мы, троллейбусы, полагаем, что в городе завелся злоумышленник. Быть может, даже маньяк. Он ворует троллейбусы и где-то их прячет. И мы просим вас их найти. Если они еще живы. А маньяка поймать и, по мере сил, обезвредить.

– Хм, хм, – милиционер Фуражкин почесал переносицу. – Ничего себе дельце. Ну да ладно. Долг есть долг. Правонарушителя найду, чего бы это ни стоило. И выясню, что случилось с троллейбусами.

Рогалик воспрянул духом и, сердечно поблагодарив милиционера, продолжил путь.

А милиционер Фуражкин занялся поисками таинственного безумца. Первым делом Фуражкин наведался в троллейбусный парк. Осмотрел местность. Прошел по маршрутам. Опросил всевозможных прохожих. Особенно его интересовало, что скажет девочка Юльхен. Нет, он, конечно, не думал, что она ворует троллейбусы. Просто девочка как знаток истины могла подсказать какую-нибудь зацепку.

– Далеко ищете, дяденька Фуражкин, – сказала ему девочка Юльхен. – Ближе надо. И ночью. С фонариком.

Милиционер покивал головой, поразмыслил и сделал выводы, но никому о них не сказал. А под вечер обзавелся фонариком и затаился под бетонной плитой, перекинутой через речку Журавку. Когда по плите ближе к полуночи прошел последний троллейбус, милиционер Фуражкин осторожно выглянул из укрытия и убедился: интуиция не подвела!

Он увидел, как из резиденции Бургомистра выскользнула бледно-серая тень и, с ломиком наперевес, устремилась вслед за троллейбусом. А тот, ничего не подозревая, катил себе тихо-мирно вперед, напевая безмятежную песенку.

Тень, приподнявшись на цыпочки, добежала до заднего бампера и, под покровом ночи, принялась крушить несчастный троллейбус.

Вот тут-то и настиг преступника милиционер Фуражкин. В два счета он обезоружил вандала, отшвырнул ломик подальше и потребовал предъявить пашпартамент.

– Пустите! – загундосил разбойник. – Я простой мирный житель. Прогуливаюсь, дышу воздухом.

– А ломик зачем? – спросил Фуражкин, изготовившись нацепить на задержанного наручники.

– Для надежности, – объяснил тот. – Без ломика мне неуютно. Кто ж в наше время ходит без ломика? По ночным, в особенности, проспектам? А вдруг бандиты нагрянут, как тогда быть?

– Вы и есть самый главный бандит, – сурово сказал милиционер Фуражкин. – Протяните-ка руки, я вас арестую.

– Зачем же так сразу? – удивился злоумышленник. – Неужто не договоримся? Вы же милиционер. – И хулиган зазвенел тугими карманами.

Но Фуражкина это не проняло. Он и вправду был особенным милиционером, единственным на всю милицию. В отличие от сослуживцев, Фуражкин не брал подарков, не ставил задержанным синяков, не бегал на задних лапках перед начальством и не спускал хулиганам их безобразий.

В общем, был Фуражкин милиционером честным, а стало быть, никудышным. Его много раз хотели уволить, но сделать это не представлялось возможным. Неписаный закон категорически запрещал увольнять милиционеров, чего бы они ни натворили. А с неписаным законом шутки плохи.

Подробностей никто не знал достоверно, но всем известно было одно: неписаный закон нависал над городом в виде огромного кукиша. Кукиш этот был главной и неизменной частью огромного памятника, поставленного в прежнюю лихую эпоху в честь вождя всех времен и народов.

Правда, по замыслу скульптора, конструкция гигантской статуи не предусматривала никаких кукишей. Воздвигнут был вождь, как ему и положено, из мрамора, с простертой рукой, указующей вдаль. А в кармане вождистского френча каждому виден был краешек каменной книжицы со словами «свобода, равенство, братство».

Однако законы природы оказались сильнее скульпторских замыслов. В первую же ночь воздвигнутый памятник отрастил на себе шапку Мономаха, в левой руке его незнамо откуда появился не то хлыст, не то скипетр, а правая сама собой сложилась в гигантский кукиш. Книжица же с красивыми надписями – как-то скукожилась, подобралась и превратилась в пачку хороших сигар.

Перепуганный скульптор схватился за голову, приготовившись с нею расстаться. Но гроза прошла стороной. Настоящий вождь (тот, с которого слеплен был памятник) оценил работу достойно, наградил скульптора орденом имени себя и отправил в северные края лепить новых вождей под надежным присмотром.

Вождь же монументальный, которого так и прозвали Вождем, остался украшать собой главную площадь. Он грозно взирал на людей с высокого постамента, компостировал небо кукишем, и каждому было ясно: закон не дремлет.

Опасный для памятника момент наступил, когда настоящий вождь умер, а сменщик его определился не сразу.

Тут-то люди приподняли головы и, посматривая на памятник, принялись перешептываться:

— Ну, Вождь, придет теперь твой черед.

Вернувшийся с севера, скульптор распорядился даже, и Вождя с постамента сняли, погрузили на ездовую платформу, запряженную сотней медведей, и переправили на окраину города: пусть хоть в центре он не маячит.

Однако в ближайшую ночь Вождь подхватился с нового места и рысцой прибежал на излюбленный постамент. К утру все было по-прежнему.

Скульптор ахнул, но, наученный опытом, за голову не схватился и спорить с судьбой не стал. Потому что Вождю виднее, кому где стоять, сидеть, а то и висеть.

Прошли годы, и сменщик вождя (настоящего) наконец-то сам стал вождем. А над памятником нависла туча.

– Уж теперь-то тебя снесут, – засудачили люди.

Но памятник всех перехитрил: за ночь он проворно облысел, раздался вширь щеками, под стать новому суверену, а кукиш временно спрятал в карман. И усы свои тоже где-то припрятал, так как, будучи гениальным провидцем, знал наперед, что однажды соорудит себе из них кустистые брови.

Шли годы, сменялись вожди. Менялся и Вождь. Вот только кукиш оставался всегда неизменным. По кукишу люди определяли, какой закон правит в стране. Когда кукиш скрывался в кармане, верх брали законы писаные, а когда извлекался на свет – наступал черед права смутного и негласного.

Вот почему милиционер Фуражкин мог быть спокоен: никто его не уволит. Он вынул наручники и ловко нацепил их на запястья преступника. Но тут луна осветила лицо негодяя, и Фуражкин изумленно присвистнул:

– Да вы, никак, наш Бургомистр!

– Нет, что вы, что вы, – воспротивился Бургомистр. И от страха забыв свои прежние показания, залопотал: – Я простой алкоголик дядя Сима, собираю бутылки, хотите, вас угощу? У меня за манжетой пол-литра!

– Еще чего не хватало! – возмутился честный милиционер Фуражкин. – Как не стыдно! Бургомистр-хулиган, да еще алкоголик! Пришел теперь финиш вашей карьере и вашему хулиганству. Признавайтесь немедленно, куда вы угнали троллейбусы и чем они вам помешали?

Тогда Бургомистр понял, что его карта бита и осталось последнее средство.

– Взгляните-ка, – сказал он. – У меня на носу случайно не след от троллейбуса?

– Что за чушь! – воскликнул Фуражкин и воззрился на указанный нос.

Вот этого делать не следовало!

Дело в том, что на носу Бургомистра росли три волшебных волоска. Эти рыжие волоски обладали магнетической силой: кто взглянет на них, у того моментально отключается разум, и эффекта хватает надолго.

Фуражкин озадаченно заморгал, затем нахмурился, сбитый с толку, словно силясь поймать ускользающую мысль. А потом расплылся в блаженной улыбке.

– Ну что? Есть еще вопросы? – осклабился Бургомистр.

– Только один, – сказал бравый Фуражкин. – Где у нас тут ближайшая урна?

– Вы хотите бросить окурок?

– Нет, мне не терпится отдать голос за нашего Бургомистра и за славную партию власти!

Бургомистр одарил милиционера снисходительным взглядом:

– Иди домой, доблестный страж порядка. И ни о чем не тревожься: когда будет надо, твоим голосом распорядятся надежные люди безо всяких усилий с твоей стороны.

И милиционер, спотыкаясь, побрел домой, совершенно растерянный и счастливый.

А Бургомистр воздел руки в наручниках ввысь, где, как он знал, нависает над городом сакраментальный кукиш – скрытый ночною тьмой, но от этого лишь более могущественный.

Наручники сами собой разомкнулись и, звякнув, упали на мостовую. Ибо под сенью великого кукиша действуют особые сказочные законы, один из которых гласит: наручники на бургомистрах подолгу не держатся.

Довольный собой, Бургомистр подобрал ломик и вернулся в свою резиденцию. А еще через пару дней в троллейбусном парке остался один Рогалик. Остальные троллейбусы сгинули.

И лишь долгое время спустя, когда действие магических волосков понемногу рассеялось, милиционер Фуражкин пришел в себя и сумел докопаться до причин, побудивших Бургомистра охотиться за троллейбусами.

Враждебный настрой Бургомистра имел давние корни. Началось все в школьные годы, когда Бургомистр еще бургомистром не был, а только собирался. На пути к намеченной цели он влюбился в дочку Большого Начальника. То была девушка из приличной семьи, умевшая так грациозно задирать носик и таким тоном говорить «фи!», что любой орел моментально складывал крылья, чувствуя себя мокрой курицей.

Не таков был будущий Бургомистр. Он очень хотел тоже стать однажды Большим Начальником. А потому крыльев не складывал и добился-таки своего. Девушка и Начальник поглядели на него благосклонно, поразмыслили и выдвинули условие: победи таежное чудище, и тогда будет сыграна свадьба.

– А можно, сначала свадьбу, а потом уже чудище? – спросил будущий Бургомистр.

Девушка с Начальником переглянулись, подумали и согласились:

– Что ж, можно и так. Но потом не жалуйся. Чудище – значит чудище.

И сыграли веселую свадьбу.

На третий день хмельной Бургомистр отправился в лес. Там, он знал, угнездилось чудовище, грозящее отравить ему жизнь.

– Выходи! – прокричал Бургомистр.

Никакого ответа.

– Выходи!! – прогремел Бургомистр очень грозно.

Ни малейшего шороха.

– Выходи!!! – протрубил Бургомистр в охотничий рог.

– Постой-ка, откуда у тебя этот рог? – удивилось чудище, выглядывая из чащи.

На голове у чудища ветвились роскошные рога – витые, блестящие, черные, острые. Только с одного края рог был обломан.

– Свадебный подарок, – пояснил Бургомистр. – Начнем?

– Так ты, выходит, зять моего злейшего недруга? – возмутилось чудовище. – Стану я с тобой драться, ха! Мне и прошлой драки хватило. А тебя заколдую – и дело в шляпе.

Так и кончилась драка, не начавшись. Вернулся Бургомистр в супружеский дом, натянув шляпу на уши, и с тех пор ее не снимал.

А когда стал взаправду Большим Начальником, принялся истреблять всю рогатую живность. Лоси пострадали, коровы, козы, вот добрался и до троллейбусов.

Была и еще причина. Жена Бургомистра была требовательна, и жилось ему с ней не сладко. С юных лет он ходил по струнке, держал при ней марку, являя высшему свету безукоризненные манеры – иного жена бы не потерпела. Но в глубине души Бургомистру хотелось хоть чуть-чуть пожить на свободе: поиграть в мяч с друзьями, посидеть в трактире за кружкой крепкого эля, позубоскалить на запретные темы, иной раз даже помахать кулаками, показав супостатам свою силу и доблесть.

Днем, под недремлющим оком супруги, об этом нельзя было и помыслить. И поэтому целыми днями Бургомистр чинно трудился на благо города – обустраивал парки, поощрял ремесла, писал указы, где какую поставить скамейку, а где разместить фонтан. Но когда наступала ночь и супруга ложилась спать, у Бургомистра начиналась особая тайная жизнь.

Он крался по городу с ломиком и крушил что попало. То ломал свежевысаженное дерево, то бил стекла в домах, то, залезши на старый фонарь, повисал вверх ногами и горланил популярный мотив:

Дом!
Кровать!
Ты!
В ней спишь.
Тебе меня не узнать,
Ведь я – летучая мышь!

С неописуемым наслаждением Бургомистр ломал ларьки городских торговцев, прокалывал шины кабриолетов, а однажды, раздухарившись, открутил хобот фонтану-слону и потом полночи трубил в этот хобот, созывая на бой всех чудовищ планеты.

Иногда Бургомистра ловили милиционеры, но они были не так безупречны, как бедняга Фуражкин, и потому дело ограничивалось звонким подарком или хлестким Бургомистерским окриком, от которого у милиционеров сами собой вытягивались руки по швам. А на крайний пожарный случай помогали три магических волоска.

Днем же Бургомистр в парадном костюме и лакированных туфлях, галантный, полный изящества, благочинно шествовал по городу в сопровождении супруги и верных сановников. Вельможным взором он озирал учиненные за ночь разрушения, сетовал на вандалов и учреждал налоги на устранение бедствий.

– Видите, тут был киоск, – докладывал Бургомистру советник, показывая на груду лома.

– Мутатис мутандис, – глубокомысленно изрекал Бургомистр на латыни. – Построим здесь торговый дворец. Трехэтажный дво-

рец с трехэтажными ценами. Или, может быть, разбить парк?

– Разбить! Конечно, разбить! – подхватывали сановники хором.

– Отлично, – кивал, улыбаясь, Бургомистр. – Я и сам бы разбил. Ух, как разбил бы! Руки чешутся. Но нельзя отнимать работу у горожан. Итак, объявим налог на разберб... на разбитие парка.

– На развитие, – подсказывала супруга.

– Вот-вот, – соглашался с ней Бургомистр. – Это я и имел в виду.

Так и шла жизнь города тем чередом, на который обрек его Бургомистр.

Ну а Рогалик? Рогалик остался последним троллейбусом. Он чувствовал, что над ним нависла угроза – смертельная, неотвратимая. Он ездил теперь по Бульварному кольцу понурый, поблекший от мрачных предчувствий. И рога его звякали по проводам, высекая искры.

– Все дело в рогах, – поведал Рогалику милиционер Фуражкин, повидавшись с ним как-то под вечер. – Из-за них не любит начальство вашего брата. И в ближайшие дни, вероятно, заменит тебя автобусом.

– Некому за меня вступиться, – вздыхал Рогалик. – Не осталось нас больше, рогатых. А один я в поле не воин.

– Присмотрись, – советовал Рогалику милиционер. – Может, кто еще уцелел? Пусть не вашего роду, троллейбусного. Пусть другой какой жук-рогач. Лишь бы вместе объединиться. Тогда и сам черт не страшен.

И Рогалик смотрел. Зорко глядел он по сторонам.

Вот идет кошка, тощая, белая. Есть рога? Нет. Едем дальше.

А вот генеральша Гертруда, ведет собачку на поводке. Собачка маленькая, но бойкая, породы клаццен-терьер. На голове у собачки два уха, а рогов не заметно.

Ну а там? Вот дела! Пастух Гюнтер ведет под уздцы корову. Корова в городе! И у нее рога! Самые настоящие!

– Добрый день, о почтеннейшая! – просигналил Рогалик корове. – Подскажите, куда вы держите путь?

– Ммуу, – уныло отвечала корова.

– К ветеринару ее веду, – откликнулся пастух Гюнтер. – Приболела. Такое уж время. Раньше было целое стадо. А теперь одна Миранда осталась, да и та хво́рая. Чувствую, быть беде.

– Ммуу, – согласно кивнула корова Миранда, не в силах изречь большего. И вскоре они с пастухом скрылись за поворотом. Не вышло желанного единения.

А Рогалик все ездил и ездил, высматривая прохожих. С надеждой глядел он даже на медведей в упряжках. Но рогатый медведь неизвестен науке, да и Рогалику он открыться не пожелал.

Нутром ощущая, как тают последние чаяния, бросил взгляд Рогалик на Бургомистра, который как раз шел навстречу по берегу речки Журавки (по счастью, днем и без ломика). Но Бургомистр, выходя из дому, всегда тщательно натягивал шляпу, и рога не просматривались.

– Завтра, – услышал Рогалик слова Бургомистра. – Завтра покончим с этим реликтом прошлого.

И сердце Рогалика замерло. Он понял, по ком звонит колокол.

В этот вечер он ехал в парк, прощаясь со старым городом. Он знал, что уже не увидит ни эти деревья, ни лавочки, ни дома. Не встретит знакомых людей, медведей, собак... А впрочем, о чем горевать? Ведь добрых друзей он давно растерял, остались совсем немногие – девочка Юльхен, милиционер Фуражкин, да еще пень от старого тополя. А завтра и это закончится.

«Завтра, завтра...» – повторял про себя Рогалик. И ему казалось, что встречные тоже шепчут в тон ему: «Завтра, завтра...»

– Завтра... – шептали ездовые медведи.

– Завтра, – бормотали прохожие.

– Завтра! – тявкнула собачка клаццен-терьер, натягивая поводок генеральши Гертруды.

– За-у-у-утра, – послышалось Рогалику мычание коровы Миранды, возвращавшейся от ветеринара. Хотя корова, скорее всего, мычала лишь свое обычное «Ммуу».

«Игра воображения, – сказал себе Рогалик. – Мир шутит со мной напоследок».

И вот наступило завтра. Рогалик не ждал, что оно наступит, но оно наступило. Он думал, все окончится ночью, и терзался от мысли – как это будет.

Однако же ночь прошла, и солнце озарило город розовыми лучами. Рогалик немного приободрился, но тут прямо в парк въехал черный автобус.

Рогалику стало холодно.

– Привет, – сказал он автобусу, стараясь, чтобы не дрожал голос.

Автобус не отвечал.

Тогда Рогалик, подняв свои рожки, стронулся с места: пора было отправляться в привычный рейс.

«Скорее, скорее!» – стучало у него в сердце, но Рогалик всеми силами пытался сохранять обычную скорость. И все же ехал быстрей, чем всегда. Страх подгонял его.

Автобус, ни слова не говоря, двинулся следом. Он ехал очень аккуратно, как настоящий знаток своего дела, и все время держался на одном расстоянии от Рогалика, не нагоняя, не отставая.

«Да что ему надо!» – в отчаянии подумал Рогалик.

Он проехал мимо овальной площади, на которой возводился торговый дворец. Миновал бетонную плиту, притворявшуюся мостом через речку Журавку. Приблизился к резиденции Бургомистра. Куцые башенки резиденции слепящими круглыми окнами смотрели прямо на Рогалика. Они сверлили его взглядом, и на мгновение ему показалось, что это не окна, а пушечные дула.

И вдруг дула почернели. Они стали такими же черными, как шедший сзади автобус. А сам автобус, издав короткий сигнал, начал быстро сокращать расстояние.

– Что происходит?! – воскликнул Рогалик.

Все кругом потемнело.

– Затмение! – услышал он шепот. – Солнечное затмение.

В считанные минуты сгустилась тьма. И в последних отсветах солнца Рогалик успел разглядеть, как из резиденции Бургомистра просочилась на площадь бледная

тень – фигура с зажатой в руке дубиной.

То Бургомистр под покровом тьмы мчался Рогалику наперерез.

Рогалик метнулся назад – и едва не столкнулся с автобусом. Отступать было некуда.

Из автобуса бесшумно и слаженно высыпали сумрачные высокие силуэты, обступили Рогалика. В руках у них были палки, монтировки, какая-то арматура. А спереди, к самой кабине Рогалика, подбежал Бургомистр и, подавая подручным пример, нанес первый удар – дубинкой в лобовое стекло. Рогалик охнул.

Стекло выдержало. Дубинка, отскочив, припечатала Бургомистра по лбу, но это лишь раззадорило его пыл. Он замахнулся сильнее. И тут послышался крик: «Стойте! Стойте!», а затем отчаянный свист.

Это бежал через площадь милиционер Фуражкин в последней попытке пресечь правонарушение.

– Вы не смеете! – кричал Фуражкин, на бегу огибая медвежьи повозки и наталкиваясь на случайных прохожих: во мраке сгустившегося затмения дорогу разобрать было трудно. – Это последний троллейбус! Самый последний!

Рогалик дернулся вперед, но впереди стоял Бургомистр, а Рогалик не мог себе позволить задавить человека, даже столь никудышного. Уж лучше покориться судьбе. Вдруг она будет милостива? Вдруг покорность вознаградится, и отважный Фуражкин спасет Рогалика?

С этими мыслями Рогалик опустил рожки, съежился и, обессилев, замер на месте.

Но милиционер Фуражкин не успел добежать до Рогалика. Мимо ехал на медвежьей упряжке крупный сановник. Бургомистр сделал ему знак рукой, и тот направил повозку прямо на милиционера Фуражкина.

– Осторожнее! – крикнул милиционеру Рогалик. – Вас затопчут медведи!

Но медведям совсем не хотелось губить Фуражкина: они знали его, он работал регулировщиком в их переулке и частенько угощал медведей разноцветными карамельками.

Медведи шарахнулись в стороны. Повозка перевернулась, опрокинув сановника в пыль. Милиционера Фуражкина задело вертящимся колесом, но пострадал он не сильно.

Сановник вскочил, отряхиваясь, и схватился за кнут – исхлестать непокорных медведей.

– Вы что, черти, делаете? – вопил он. – Ведь вы – дрессированные. Это что, бунт?!

Перепуганные медведи бросились в кабину Рогалика. Сановник за ними. Бургомистр, не разобравшись, огрел сановника дубинкой по шее. Сановник, не оставшись в долгу, угостил Бургомистра кнутом. Подбежали и лихие ребята из автобуса. Закрутилась куча-мала. Милиционер Фуражкин свистел что есть мочи, но никто его больше не слушал. Потому что закон и порядок не водворяются свистом; свист, напротив, кладет им конец.

Рогалик поднял кверху рожки. С проводов посыпались искры, освещая картину битвы. Сановник лежал на земле грузной тушей, ребята из автобуса молотили друг друга, а Бургомистр ломал Рогалику бампер дубиной.

– Бежим! Скорее отсюда! – шептали Рогалику медведи, притулившись в кабине.

– Не могу, – стонал тот. – Люди прямо по курсу.

– Так объезжай! Левее, левей бери!

– Провода не пускают!

В кабину вскочил Фуражкин:

– Езжай! – скомандовал он. – Тяни провода за собой.

– Это же против правил! – залепетал Рогалик.

– Мы все сейчас против правил, – сурово сказал Фуражкин. – Жми давай.

И Рогалик поехал. Провода загудели, возмущенно залязгали, снопики искр рассыпались фейерверком. И все же Рогалик набирал скорость. Вот он выехал на знакомый бульвар, вот уже миновал гигантскую зеленую челюсть, что осталась от порушенной головы.

Бургомистр и автобус с лихими ребятами устремились в погоню.

– Бей его! – кричал Бургомистр. – Не дайте ему уйти!

– От нас не уйдет! – гремели лихие ребята. – Мы его остановим. Никто кроме нас!

Из окошка резиденции Бургомистра высунулась его супруга:

– Чудаки! – рассмеялась она. – Он не может уйти. Он же ездит по кругу. Готовьте засаду в парке.

Заслышав эти слова, Рогалик побледнел – даже стекла его как будто подернулись инеем, хотя на дворе стояло жаркое лето. Ведь Бургомистерша совершенно права!

Да еще впереди возникло препятствие, так что Рогалику поневоле пришлось сбавить ход: дорогу переходила корова. Пастух Гюнтер подстегивал ее и ругался, но корова совсем не спешила.

– Куда! – завопил Рогалик. – С дороги! Задавлю же.

– Ммууу, – сказала корова както особенно грустно.

– Куда-куда, – проворчал пастух Гюнтер. – На мясокомбинат, куда ж еще. Совсем плоха Мирандушка стала. То ли сглазил кто, то ли отравили... Ну, пошла!

Рогалик ахнул:

– Что-о? Вот эту расчудесную рогатую корову – на мясо?! Ну уж нет! Держись, Миранда!

И тут корова встрепенулась, повела рогами, звонко лягнула копытами пастуха Гюнтера и запрыгнула на подножку троллейбуса. Конечно, корова – создание неуклюжее, и на подножке она бы не удержалась, но милиционер Фуражкин схватил ее за рога, медведи потянули за уши, и вскоре корова оказалась в троллейбусе.

– Ммууу! – благодарно промычала она.

Однако потеряно было время. На овальной площади погоня настигла Рогалика. Бургомистр великолепным ударом сломал заднюю дверь. А лихие ребята забежали вперед и затаились в засаде.

Это был самый мрачный момент, когда казалось, что все пропало. А в следующий миг черная пелена расступилась – затмение пошло на убыль.

И все увидели, что навстре-

чу троллейбусу шагает девочка Юльхен.

– Юльхен, милая Юльхен! – взмолился Рогалик. – Подскажи, что мне делать? Как быть?

Юльхен весело тряхнула головой:

– Мчись куда светит солнце – в Вольную Медведию!

– Это где? – усомнился Фуражкин. – Не за границей ли, часом?

– Неа, – покачала головой Юльхен. – Заграница – это направо, а Вольная Медведия – вперед и налево, в самую глубь страны.

– А что за Медведия такая? – спросил Рогалик, отбиваясь остатками дверей от Бургомистра.

И медведи в кабине хором ответили:

– Это наша исконная родина! Там живет великий медведь-исполин. Единственный не поддавшийся дрессировке. Он спит в глубокой берлоге, посреди зеленого леса, и никакой неприятель не смеет вторгнуться в его владения. Если кто сунется, медведь проснется, и мало никому не покажется. Зато все беглецы от несправедливости и неволи находят в его владениях желанный приют. Едем, едем туда! Великий медведь нас в обиду не даст!

– А как же мои провода? – испугался Рогалик. – Я ведь только по кругу могу...

Юльхен рассмеялась и показала вверх пальчиком:

– Провода-то – из паутины!

И все сразу увидели: в самом деле, провода – паутинные! Недаром устами Юльхен глаголет истина.

Легким движением Рогалик порвал провода и помчался прочь – вперед, куда светит солнце и дует ветер! В Вольную Медведию!

– Еще увидимся! – крикнула вслед ему Юльхен и замахала платочком.

В мгновение ока осталось позади Бульварное кольцо, затихла вдали погоня.

– Ух, хорошо! – воскликнул Рогалик. – На свободе как дышится-то! До чего ж надоело тащиться на поводке!

А в городе, на овальной площади, собачка клаццен-терьер последовала примеру Рогалика и тоже сорвалась с поводка.

– Стой, стой, ты куда! – возопила ее хозяйка, генеральша Гертруда.

– Остановись! – заверещал Бургомистр, опасаясь, как бы весь город теперь не умчался в Вольную Медведию, оставив градоначальника наедине с супругой.

Но собачка клаццен-терьер со звонким «Клац!» сомкнула зубы на Бургомистерских панталонах, чуть пониже спины, и, покачавшись немного для полноты впечатлений, пустилась вприпрыжку догонять ушедший троллейбус.

– Уу! – завыл Бургомистр, потирая штаны. – Животное! Всех бы вас!

– А знаете, дяденька Бургомистр, – сказала ему девочка Юльхен, заложив руки за спину. – Все-таки вы порядочная свинья.

«Как ты смеешь!» – хотел рыкнуть ей Бургомистр, но вместо этого почему-то захрюкал, опустился на все четыре копытца и убежал в свою резиденцию. Супруга его, Бургомистерша, впрочем, не удивилась.

– Я всегда знала, что этим кончится, – философски сказала она. И сняв с государственного герба гребешок, принялась вычесывать мужу щетину. – Ничего, – приговаривала супруга, – волоски на месте, а значит, горожане разницы не заметят.

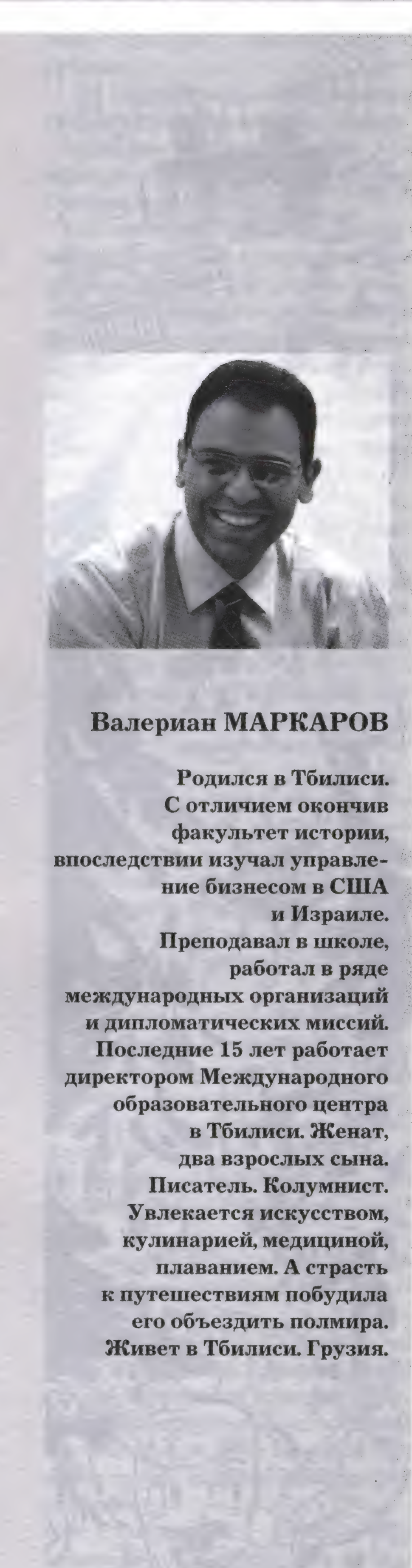
Ну а троллейбус Рогалик с пассажирами на борту после трех суток странствия оказался в Вольной Медведии. Там и зажил он очень неплохо вместе с друзьями – милиционером Фуражкиным, коровой Мирандой (которая совершенно поправилась) и медведями, позабывшими дрессировку.

Понемногу леса Медведии заполнялись новыми беглецами. Жизнь кипела, и Рогалик совсем не грустил. Лишь иногда вспоминал он оставленный город, Бульварное кольцо, старый тополь и циркачей. И немножко скучал он еще по девочке Юльхен.

Но ведь Юльхен сказала: «Увидимся!» А значит, так все и будет.

□

Валериан МАРКАРОВ

Родился в Тбилиси. С отличием окончив факультет истории, впоследствии изучал управление бизнесом в США и Израиле. Преподавал в школе, работал в ряде международных организаций и дипломатических миссий. Последние 15 лет работает директором Международного образовательного центра в Тбилиси. Женат, два взрослых сына. Писатель. Колумнист. Увлекается искусством, кулинарией, медициной, плаванием. А страсть к путешествиям побудила его объездить полмира. Живет в Тбилиси. Грузия.

«МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ»

Глава из романа «Легенда о Пиросмани»

Нико бездумно брел вперед, сквозь изнурительную весеннюю жару, когда улицы Тифлиса, зажатого к котловине между горами, дымились от накала палящего зноя. Ноги легко снесли его по чешуйчатой мостовой Верийского спуска, аккуратно перевели через мост над Курой и по Михайловской улице довели прямиком до самого Муштаида, этого «Булонского леса» грузинской столицы.

Здесь пахло жареными каштанами, в богатых ресторанах страстно пели и кутили богачи – эти дети веселья и достатка, щегольски разодетые в серебро и цветные сукна, и беспечно рассыпали по сторонам свои накопления. Солиднее и сдержаннее вела себя интеллигенция – врачи, инженеры, учителя, адвокаты, которые приходили сюда отдохнуть и подышать прохладой за тихой благоразумной беседой. В заведениях попроще собирался торговый и ремесленный люд Тифлиса: карачохели, торговцы и мелкие купцы, ставшие недавно набирать коммерческий оборот. Мужчин непременно сопровождали черноволосые и черноглазые красавицы с румяными щеками и сверкающими белизной зубами. Кто-то из них – чья-то жена, кто-то – дочь на выданье, а кто-то – и любовница. И вся эта толпа – в ресторанах и духанах рядом с фонтанами, или под свежей сенью елей, акаций, чинар и тутовых деревьев, – острит и хохочет, танцует и азартно играет в лото, поет, болтает и бранится, гуляет по аллеям сада, шумит и блестит улыбками, ботинками, платьями, мундирами.

Неугомонная детвора шумно носится по аллеям сада, лишь изредка останавливаясь, чтобы поглазеть на представление «Петрушки» или понаблюдать за ловкими китайскими фокусниками, послушать старых шарманщиков, чьи барабаны изготовлялись одесскими мастерами, по причине чего здесь были популярны мелодии «7.40», «Шарлатан» и другие еврейские напевы. Любопытным девочкам постарше предсказывают судьбу разноцветные попугаи, за определенную плату вытаскивающие своими кривыми клювами плотно уложенные и написанные корявым почерком судьбоносные билетики.

Нико заглянул в духан. Здесь, в глубине, за длинным столом, освещенном лампами, сидели люди. Шел большой пир на полупире. Ароматные бычьи лопатки, хорошо сваренные, лежали в облаках пара на больших блюдах, рядом с шашлыками на шампурах, пестрели гранаты, наливные яблоки, гроздья прозрачного винограда, жирная индюшка и поросенок, покрытый яичным желтком и обжаренный, с зеленью петрушки и ярко-красными редисками в раскрытом рту, и тарелки с темно-зеленым вареным шпинатом, заправленным пахучим хмели-сунели. Мужчины сидели кто в пиджаках, кто – в блузах, а кто – в чохах – черных, каштановых, с серебряными и черными поясами и кинжалами. Все говорили спокойно, наслаждаясь тем, что ночь еще длинна, и тем, что это уже не первая, и далеко не последняя ночь великого пира.

Вскоре подошел буфетчик-микитан, обмотанный фартуком до самого пола, с подносом в руках. На нем стояли стеклянный графин с холодной водкой и рюмка. Нико залпом выпил полную стопку, и блаженное тепло немедленно разлилось по всему его телу. Затем он выпил вторую и третью и,

опустошив графинчик, взял дрожащей рукой пустую рюмку, став в задумчивости рассматривать ее матовое донышко...

Оставив духан, он в отрешении углубился в сад и наткнулся на кафе-шантан, на его открытой эстраде по вечерам давали музыкальные спектакли и иллюзионные номера. Здесь выступали веселые конферансье-куплетисты и акробатки-«каучук», балетные пары исполняли «па-де-де» и «па-де-труа», им на смену выбегали стройные артистки кордебалета, а ближе к ночи неискушенной кавказской публике демонстрировали непристойные пляски задорного и беззаботного «канкана».

Дыхание новых перемен, идущих с Запада, как и дыхание необычайно жаркой весны явственно витало во всей атмосфере этого увеселительного заведения, с появлением которого неведомая сила начинала выгонять мирных жителей Тифлиса, привыкших проводить тихие весенние вечера за игрой в нарды и лото, в эти кафе-шантаны, заставляла из любопытства слушать пикантные шансонетки на непонятном языке, учила не стыдиться коротких, выше колен, юбок, выразительно-двусмысленных движений танцовщиц французского варьете в купальных костюмах, высоко задиравших длинные ноги и посылавших зрителям воздушные поцелуи, и толкала скромных и совершенно невинных девушек, дочерей местных обывателей на работу модистками в ателье, на сцену, в театр, натурщицами к свободным художникам, либо на новый промысел на новом тротуаре.

Нико бы прошел мимо эстрады и толпы зевак, созерцавших анонс выступления какой-то заезжей артистки, которое вот-вот должно было начаться, если бы не уткнулся носом о широкую тумбу с наклеенной на ней афишей, краешек которой был потреплен ветром:

«Новость!

Съ 27-го Марта 1905 года

ГАСТРОЛИ

Впервые в Тифлисе Парижский Театръ Миниатюръ «Бель Вю» и знаменитая артистка еще небывалаго въ Россiи жанра

La Belle Margaritta De Sevre.

Уникальный даръ петь шансоны и одновременно танцевать кейк-уокъ!

Концеръ-дивертисментъ въ трех отделенiяхъ

От 8 час. вечера до 2 час. ночи. Билеты покупайте в кассахъ».

Спустя мгновенье взгляд его задержался на диковинке, что появилась на сцене из-за кулис после того, как конферансье объявил выход мадемуазель Маргариты. Изящная певичка с легким слоем наложенного на белое лицо театрального грима, что придавал ей выразительности, с большими глазами, обведенными черной краской, пухлыми, розовыми от пудры, щеками, с копной вьющихся волос, она стояла в полосатых чулках, не скрывавших ее крепких ног, на которых красовались изящные туфельки с заостренным мыском на небольшом каблучке в форме рюмки. На ней была пышная юбка на очень тонкой, похоже, перетянутой талии, а в руках она держала веер и кланялась публике своим ротиком темно-морковного цвета, чем невольно заставила Нико обратить на себя внимание. Она дивно запела на непонятном ему языке своим глубоким и чувственным голосом, и все, заслышав ее пение, отчего-то вздрогнули. Она же, танцуя, в такт музыке плавно покачивала бедрами из стороны в сторону, размахивала руками над головой, а на припевах подскакивала и поднимала ноги выше своей головы таким образом, что Нико искренне испугался, как бы эта удивительная девушка не развалилась на части.

Рот его был приоткрыт от наивного удивления, а застывшие глаза устремлены к эстраде. Он не мог их оторвать от неживой и холодной улыбки мадемуазель Маргариты. В какой-то миг ему померещилось, что она бросила на него свой томный взгляд из-под густых ресниц, и от того его сердце учащенно забилось. Ее странное, «двойное» пение создавало впечатление, словно одновременно пели два человека: будто главный голос, что был громче другого, был золотой, а второй, очень тихий – серебряный. Этот необыкновенный вокал тронул его до глубины души и, еще немного, он готов был заплакать, хотя это бывало с ним редко, когда он слушал песню. Ему представлялось, что певица рассказывает о человеке, которого хорошо знает, за которым не раз наблюдала, знает, как он смеется, смущается, радуется...

– О чем эта песня, уважаемый? – шепнул он, не в силах сдержать свой интерес, на ухо человеку весьма почтенного возраста, с пышными усами и не менее пышными бровями, одетого в дорогой костюм по моде тифлисского городского купечества.

– Понятия не имею, генацвале. Либретто ведь у нас нет, а название на французском мне ни о чем не говорит...

Артистка завершила свое выступление, и зал охватил восторг. Одна из зрительниц, что стояла ближе всех к подмосткам, взвизгнула в ажитации, а кое-кто из молодых офицеров, предчувствуя нешуточное веселье, стал свистеть.

На сцену полетели букетики цветов! Сердце Нико заколотилось от волнения, задрожало от злости на самого себя – как же так, что у НЕГО нет цветов? Никаких! Даже полевых! Эх, Никала-Никала, глупый ты, и голова твоя соломенная! Не запомнил разве, что женщины любят цветы. Их в духаны не води, вареной осетриной и копченым балыком не корми, а вот цветочек, хотя бы маленький, подари! Разбейся, найди этот чертов гривенник и купи!

Публика в экстазе вздыхала и колыхалась. Слышались раскаты грома восторженных оваций!

– Шарман-шарман! – истошно вопила дама в цветочной шляпе и с пломбиром в руках.

– Гран-мерси, мадемуазель Маргарита! – вторили другие.

– Браво! – кричали третьи, посылая артистке бурные аплодисменты и воздушные поцелуи снизу. – Прелестно! Очаровательно! Мерси боку!

А высокий мужчина солидного возраста в дорогом костюме, ко-

торый во время выступления мадемуазель Маргариты стоял рядом с Нико и что-то говорил про какое-то, кажется, «либретто», вдруг бросил пыхтеть своей трубкой, и, усиленно толкая других своими локтями и плечами и даже не оборачиваясь, чтобы извиниться, смог, в конечном счете, протиснуться к самому краешку сцены и, встав на цыпочки, покровительственно кивнул артистке и что-то положил в боковой кармашек ее платья...

Нико не отводил от нее глаз, зачарованно смотрел, изучал каждое движение той, что до невероятности поразила его воображение. Сейчас вот ему показалось, что артистка кокетливо подняла на плечо спадающую бретельку ее легкого платья и... странно! она вновь бросила на него свой взгляд, а потом ее отвлекли очередные возгласы публики:

«Гран-мерси, мадемуазель Маргарита!»

Она скромно прошептала серебряным голосом что-то невнятное, вроде бы «же ву зан при», и... – нет, ему не приснилось! – она действительно посмотрела на него! Но почему? Что в нем такого особенного? Ей смешно? Или, быть может... может... он приглянулся ей?

Он не мог прийти в себя от изумления, от какого-то удивительного, странного чувства, поселившегося в нем. Что это с ним? Неужели он, увидев прекрасную девушку, влюбился с первого взгляда? Влюбился без памяти, по-настоящему, до сущего безумия?

– Вот она, любовь всей моей жизни! – грезило его большое, мечтательное сердце. – Прекрасный ангел, наконец-то спустившийся ко мне с неба!

...Он не мог дождаться наступления нового дня, ворочался всю ночь напролет с боку на бок. Кровь его, воспламенившись от любви, бурно текла по жилам, а из головы не выходил дивный, чарующий голос певицы, невероятный по своей силе и красоте.

На рассвете к дверям его молочной лавки подошли серые, вечно грустные ослики из Табахмелы с хурджинами на своих спинах, таких пыльных, будто весь Тифлис вытирал о них свои туфли. Нико, не торгуясь, второпях заплатил деревенским мальчишкам за молоко, мацони, сметану и сыр, и, не дождавшись прихода компаньона, принарядился как умел – снял фартук и взамен него нацепил на себя пиджак – и выскочил из лавки, прихватив с собой из вчерашней кассы целых пять рублей.

Вот и Муштаид. Здесь, у самого входа, расположились два чистильщика сапог. Сидят себе перед красными креслами и стучат щетками по ящикам. А над креслами у них – настоящие балдахины с фестонами, кистями и декоративной бахромой – господам хорошим нравится! Любят в Тифлисе картинность!

С раннего утра в саду уже гуляли люди, плавно кружилась карусель с гнедыми лошадками в сбруях, санями, белыми лебедями, радостно визжали детские голоса, а один старый грузин, в сером плаще и сванской шапке, следил за порядком на этой территории и одновременно нажимал кнопки, запускающие аттракционы. Недалеко какой-то шустрый и крикливый малый зазывал широкую публику в павильончик кривых зеркал.

Нико без труда нашел кассу – маленькую будочку – и за полтинник купил входной билет на представление актрисы Маргариты. Итак, сокровенный билет у него в кармане. И сейчас прожигает насквозь его кожу. Но он, Нико, вытерпит эту боль. Ведь осталось ждать не так и долго – всего до 8 часов вечера, когда начнется большое представление!

Ему захотелось есть, но в духан он не пошел – испугался за себя, что выпьет лишнего и предстанет пред Маргаритой не в лучшем виде. Весь день он находился в сильном волнении и, вместе с тем, радостном возбуждении, и ощущал странный трепет в груди. Когда же в желудке его заурчало грозно и неумолимо, он купил себе сначала жареных каштанов, потом – кукурузы и стакан сельтерской, тем и утолил голод и жажду.

Оставалось не более двух часов до начала концерта. Электрические лампы напрасно горели над ненужными уже афишами: билетная касса была закрыта. На ее круглом зарешетчатом окне теперь висела табличка «Все билеты проданы». Зато расторопные мелкие спекулянты наживали себе состояние; только и успевали продавать вожделенные билеты в три, а то и в пять раз дороже их стоимости – ведь желающих попасть на представление было больше, чем мест в зале.

И вот, наконец, двери роскошного ресторана широко распахнулись, и грузный билетер в ливрее стал запускать зрителей внутрь, строго проверяя наличие у них билетов и отрывая от них корешки, дабы не были они использованы во второй раз. Здесь, в большом светлом зале с громадной электрической люстрой, паркетным полом, высоким потолком, стенами, обклеенными богатыми обоями, за столами, покрытыми белыми накрахмаленными скатертями, ужинали нарядные дамы и господа, по преимуществу – русское население, принадлежащее к военному сословию, или к гражданской администрации. Грузинское же и армянское дворянство, зажиточное купечество и интеллигенция тоже усвоили костюм и образ жизни европейский. И старались если не перещеголять, то не отстать от русских в пышности своих туалетов. Здесь не было ни одной женщины в лечаки, наоборот – состоятельные дамы были облачены в пышные юбки. Широкие поля их шляпок, украшенные цветами и атласными лентами, венчали роскошные букеты из перьев или даже целые чучела маленьких птичек, хотя программа концерта «покорнейше просила» снимать головные уборы, чтобы не загораживать сцену зрителям, сидящим сзади. Руки дам закрывали узкие перчатки, ноги – чулки, а элегантный аксессуар – зонтик был заботливо поставлен рядом со стулом. Здесь было не найти ни одного мужчины в чохе или остроконечной бараньей шапке, сюда не пришел ни один кинто! Сегодня мадемуазель Маргарита собрала воедино весь цвет европейского Тифлиса!

Публика пребывала в волнительном ожидании – время концерта приближалось. Актриса сидела одна перед зеркалом в маленькой комнатке, служившей одновременно уборной и гримерной. Всякий раз, собираясь накладывать грим, она вспоминала скандалы, которые устраивал Жан, ее импресарио, требуя, чтобы макияж ее был максимально заметным и броским:

– Мужчины падки на красоту, глупышка! По платью встречают! Ты же актриса! Ну же, дай им зрелищ, покажи чувства, страсть, индивидуальность! Развлеки их, даже если ты рыдаешь под маской грима. Обмани их и замани в свои сети! – он нервно прохаживался за ее спиной, то держа руки сзади, то лихорадочно размахивая ими в воздухе. – Тебе уже скоро тридцать, ты мечтаешь стать богатой и знаменитой, той, которую на выходе поджидает толпа состоятельных поклонников и вездесущих репортеров! Слушай мои советы, и жизнь твоя станет лучше. И тогда я либо сделаю из тебя великую актрису, либо пойду по миру без гроша в кармане...

Темная прядь ее волос упала на глаза, упрямое выражение которых была не в силах скрыть даже самая обаятельная улыбка. Не нужны были ей ссоры и скандалы Жана, она всячески старалась их избегать. Она жила, как умела, и слушала советы этого пройдохи только для того, чтобы кивнуть в знак согласия, но вовсе им не следовать. К тому же, она помнила, что еще бедная ее Maman, посвящая ее, тогда еще маленькую девочку, в женские тайны, рассказывала, что броский макияж считается уделом представительниц одной старинной профессии:

– Ты ведь не станешь куртизанкой, дочка? Одной из этих «une demi-mondaine»! Не для этого я тебя родила! Не для этого сама прошла этот тернистый путь! Ты приличная барышня, Марго. А приличные барышни отбеливают кожу уксусом или лимонным соком. Хочешь придать коже таинственное мерцание – всегда найдешь рисовую пудру и жемчужный порошок. Желаешь выглядеть аристократкой – бледность лица твоего оттенят темные густые брови, которые аккуратно подведешь сурьмой...

Maman ее когда-то в юности подрабатывала модисткой, а потом, в поисках лучшей жизни, предпочла стать куртизанкой и жить за счет средств состоятельных любовников. А дочерей – Марго и Франсуазу – воспитывала ее старая мать, жившая в Париже. Когда девочки подросли, их отдали в школу Мадам Фрессард. Там они и стали принимать участие в спектаклях, там раскрылся их талант: музыкальный и актерский. Следующим учебным заведением, в котором учились девочки, была частная привилегированная школа, а потом – драматический класс Высшей национальной Консерватории драматического искусства, обучение в которой, конечно же, оплачивала Maman, грезившая видеть своих дочерей, или хотя бы одну из них, «второй» Сарой Бернар, «Божественной Сарой»! В Консерватории они научились создавать характеры с помощью жестов и голоса. Что же касается вокала – профессора были очарованы голосом Франсуазы, но не Маргариты! Лучшие парижские театры ставили пьесы Генрика Ибсена и Эдмона Ростана, и девочки мечтали играть в одном из них – на сцене «Комеди Франсэз». Марго удалось сыграть третьестепенную роль в «Женщине с моря», а Франсуаза дебютировала в спектакле «Ифигения». Но увы, скоро стало понятно, что для всего нужна протекция! Maman уже не было среди живых, она оставила их, будучи еще далеко не старой женщиной. Бывшие же ее покровители не собирались помогать дочерям давно покинувшей их куртизанки Мадлен «лишь в память о ней». Обнажилась жестокая правда жизни: театральные критики внезапно стали суровы к ним, они не разглядели в начинающих актрисах будущих звезд и считали, что их имена могут в лучшем случае украшать афишки, но никогда – серьезные афишы! А когда и сам главный режиссер объявил, что они лишены большого дарования, им пришлось покинуть театр. Театр, который с малых лет считали Храмом, но где все роли давно были разобраны среди фавориток маститых режиссеров, стоявших за кулисами театральных несправедливостей, лжи и интриг. Для сестер наступили непростые времена. Пришло ощущение, что никогда уже не зажжется для них свет на сцене. Никогда им не играть ведущих ролей в драматическом театре! И Франсуаза, смирившись, ушла танцевать и петь в кабаре «Мулен Руж» на бульваре Клиши. А Маргарита, после того, как все взыскательные импресарио отказали ей в ангажементе, обосновывая свое решение тем, что ее голос для профессиональной сцены довольно слаб, начала танцевать в кабаре «Черный кот» на Монмартре. Что поделаешь, им приходилось исполнять канкан, хоть он и считался крайне непристойным среди приличной публики, но, благо, осуждать их мораль было уже некому...

А потом, совершенно внезапно, спустя два года после смерти Maman, к ним пришла беда. Заболела Франсуаза, лихорадочно билась в ознобе, боролась с рвотой, жаждой и рвущей болью в спине. Они поначалу полагали, что она простудилась или «потянула голую спину» в бойком танце. Но потом на ее замечательном лице и теле стала появляться страшная, безобразная сыпь, конечности ее била беспощадная судорога, а сознание было в бессвязном бреду.

– У вашей сестры серьезное заболевание, мадемуазель, – озадаченно произнес приглашенный Docteur. – Вы чудом не заразились! Это Variole, или черная оспа, крайне опасная вирусная инфекция. Если она и выживет, то может частично или полностью потерять зрение. А кожа ее навсегда останется покрытой многочисленными рубцами. Точно от такой напасти и упокоился наш король Людовик XV...

...Внезапный стук в дверь уборной и женский голос: «Можно?», – мгновенно вернули ее к действительности.

– Входи, Франсуаза. Я уже готова, – ответила Маргарита.

Вошла женщина, платье которой с длинными рукавами закрывало ее тело вплоть до самого подбородка. Лицо ее скрывал толстый слой белил и румян, плохо маскируя оспенные шрамы.

– Марго, Жан сказал, мы начинаем через считанные минуты, – звонким и чистым голосом произнесла та. – Зал полон... Что это с тобой? Опять началось? – она с тревогой посмотрела на сестру.

– Кажется, да, Франсуаза. Опять этот чертов страх перед сценой. В этом городе приступ повторяется каждый вечер. Не могу ничего с этим поделать... – в ее голосе слышался трепет. Она силилась унять нервную дрожь в коленях.

– Успокойся, Марго, возьми себя в руки. Все пройдет прекрасно!

– Я боюсь, как бы зрители не смекнули, что на афишах – обман. Что нет у меня никакого «уникального дара одновременно петь и танцевать кейк-уок»... Что и голоса то у меня пригодного нет... Этот Жан, черт бы его побрал! Если бы он не грозил разрывом ангажемента, никогда бы не согласилась я на такую авантюру...

– Родная, мы делаем это не впервые. И репетировали много раз. Не собьемся... Ты танцуй, как обычно. А я, по причине большого зала, буду петь за кулисами громче, чем всегда...

– Как же все надоело, Франсуаза! Мотаемся по странам и провинциям, веселим публику, а утешительным призом для нас служат лишь низкие гонорары. Все оседает в кармане у этого канальи Жана. Вместо сердца у него – книжка театральных билетов, вместо идеалов – красиво отпечатанная афиша...

В дверях уборной в этот момент показалась голова взволнованного импресарио, словно он услышал, что его имя склонялось на все лады. Его можно было бы назвать симпатичным: высокий светловолосый человек лет сорока, с чеканными чертами высокомерного лица и холодными голубыми глазами, если бы только не его рот, с неестественно широкой улыбкой на накрашенных губах – он портил его, делая похожим на постаревшего клоуна. Поправляя на ходу свой шейный шнурок-галстук и очки в золоченой оправе, он произнес с апломбом, всплеснув холеными марципановыми ладошками:

– Небывалый аншлаг, Марго! Ни одного свободного места сегодня. Так неожиданно! И приятно! Люди толпятся даже в проходах и между столиками. Ты должна, слышишь, должна напоследок поразить искушенную публику этого Тифлиса... Кстати, очень недурной городишко, скажу я тебе! Среди сидящих в зале – много тех, кто не только в Петербург и Москву катается, но и в Париж, Вену, Лондон ездит по делам. Так что, ты выжми из себя все соки... ничего с тобой не станется – отплясала шесть концертов, остался сегодняшний – прощальная гастроль! – и домой, в Париж. Там отлежишься в своих апартаментах. Я ведь еще не полностью расходы возместил за этот вояж, за дорогой отель, черт бы побрал его несговорчивого метрдотеля! за все твои капризные предпочтения в еде: багет, фуа гра, бешамель, печенье безе и крем брюле, шампань... затраты на аренду зала, на афиши. А ведь еще и труппе надо гонорары выплатить... – его губы в алой помаде искривились в ехидном раздражении. Он налил себе отменного коньяка в разогретую им в ладонях рюмку и, втянув носом аромат, залпом ее осушил, следуя своей неизменной традиции перед началом каждого концерта, спектакля, а также репетиции, которую он приравнивал к спектаклю, принимать это чудесное французское средство. – А ты, Франсуаза, не стой, как манекенщица на помосте! Лучше затяни на Марго корсет потуже!

Сестра, дрожащими от смятения руками, затягивала шнуровку на поясе, то и дело путаясь в его длинных лентах. От боли Маргарита закусила губы, во рту внезапно пересохло, дыхание затруднилось. Но она совладала с собой. Послушно кивнула Жану, затем встала со стула, придирчиво осмотрела себя в зеркале, поправила перья и провела рукой по блесткам.

Во Франции она блистала в жанре варьете и водевиля. Но в Тифлис труппа театра «Бель Вю» привезла небольшой репертуар: несколько скетчей, коротких комедийных пьес и шуточных реприз, танцы и несложные песенки, модные в парижских кафе-шантанах и поэтому всегда принимаемые «на ура» в «провинциях», к одной из которых французы и относили еще мало знакомую им Грузию.

...Нико занял свое место за столиком. Отсюда было хорошо видно сцену и всю остальную публику, уже слегка выпившую и раскрасневшуюся. Ему принесли бокал вина, от которого он отказался, попросив водки:

– Бокал вина вам положен за счет заведения. А за водку платить придется, уважаемый, – он молча кивнул в знак согласия.

И вот на сцену вышел тапер, похоже, француз, средних лет, в белоснежном костюме. Он, поклонившись респектабельной публике, ударил по клавишам рояля своими длинными тонкими пальцами, заиграв рэгтайм. В полумраке блеснули подведенные густым гримом глаза артистки. Она! Прелестная мадемуазель Маргарита! Сверкнули ее белые зубы, такие ослепительные на фоне ярко накрашенных губ. И она начала петь своим удивительным «двойным» голосом и танцевать оригинальный, совершенно новый для тифлисских зрителей, танец «cake-walk», он же «ки-ка-пу», этот гротескный танец американских негров, подскакивая и вытягивая руки вперед параллельно полу, словно предлагает толпе попробовать пирог.

За ней стояла пара – очередная диковинка – два самых настоящих черных негра-франта, разодетые в пух и прах по последней моде, с белоснежными манишками, высокими воротничками, с пенсне и тросточками. Они, активно двигая бедрами и тазом, громко топали ногами и подпрыгивали, смешили публику и дурачились, выделывая различные «кренделя».

Представление не раз покрывалось оглушительными криками, дикими воплями пылкого восторга, гиканьем, аплодисментами, взлетающими кверху шляпами и летящими на сцену цветами. Что касается танцев самой актрисы Маргариты, то умение выделывать ею различные «па» ласкало взгляд и возбуждало всеобщее ликование. Публика тряслась от неподдельных эмоций, неистово экзальтируя. Похоже, люди были готовы наслаждаться этим лицедейством с ночи до утра! Под конец актриса спела несколько легких мелодраматических песенок, и красивый ее голос пробирался все глубже и глубже в души зрителей, чем вызвал слезы восторга у нежных барышень, тут-же заспешивших полезть в свои сумочки за платками, и сентиментальные вздохи дамочек повзрослее.

Нико не сводил глаз с Маргариты, любуясь ею, восхищаясь ее воздушными движениями в такт музыке, внимая каждому слову из ее песни, но слышалось ему одно лишь кошачье мурлыканье, какое-то странное, легкомысленное «мур-мур-мур». Как бы хотелось ему знать, о чем же она поет!!! Но песня эта была на французском, которого он, на беду, никогда и не знал и отчего сейчас так сильно страдал. Ведь ему совершенно необходимо было знать, о чем же она поет? Что хочет сказать своим зрителям? А зал, похоже, понимал ее очень даже неплохо, и от этого веселился и ликовал! Нико с завистью оглянулся по сторонам. Эти аристократы и интеллигенты из европейского Тифлиса, что относят себя к великим знатокам обычаев просвещенного Запада, им то до тонкости известны правила загадочной науки, именуемой «этикетом», а знание французского или даже немецкого они позаимствовали у своих гувернанток или закордонных поваров, научивших их на этих языках изъясняться, а коли надо, то и разговор поддержать недурно. И не нашлось в тот вечер никого поблизости, кто мог бы объяснить Нико, что в незатейливой и фривольной той песенке пелось, конечно же, про любовь. Разве поют французы про что-то иное со времен сотворения мира?

Нико схватил со стола астры, окрашенные во все цвета радуги умелым мастерством садовника, и, подойдя к сцене, протянул их «божественной» Маргарите. Та приняла их, как и другие букеты, не особенно выражая восторга. Лишь сдержанно произнесла, бросив на него сиюминутный взор: «Мерси, месье!» И он догадался, что «мерси», должно быть, означает «спасибо». Второго слова он не разобрал.

Публика еще семь раз вызывала ее на «бис», она появлялась, опять танцевала, ей кричали:

– Шарман-шарман! Браво! Гран-мерси, мадемуазель Маргарита! Прелестно! Очаровательно! Мерси боку!

Освещенная огнями рампы, она грациозно кланялась, посылая «в никуда» улыбку и воздушные поцелуи. Казалось, представлению не будет конца. Но вдруг на сцене появился высокий представительный человек в пенсне, встал рядом с актрисой, поклонился зрителям, широко улыбнувшись при этом своими удивительно красными губами и одновременно подав за кулисы раздраженный жест, означающий, чтобы занавес больше не раздвигали, как бы там не надрывалась публика со своими докучливыми «браво» и «бис!»...

Нико и заметить не успел, как Маргарита пропала из виду, исчезла в тени пыльного занавеса. Зрители, успокоившись, стали постепенно расходиться, благосклонно обсуждая выступление гастролирующей парижской труппы. За воротами их ожидали роскошные экипажи, фаэтоны и коляски.

Он тихо поднялся со своего места, с растерянным видом озираясь по сторонам. Ей не понравился его букет? Наверное и правда, не понравился! Иначе она бы одарила его лучезарной улыбкой! Ведь цветы других поклонников были пороскошнее, побогаче. Что же делать теперь? Он подошел к выходу, что-то напряженно обдумывая. В каком-то недоумении, вперемешку с щекочущим нервы волнением, сделал он пару неуверенных шагов вперед, но вдруг передумал и замер на месте, а потом робкой поступью вернулся к своему столику и заказал водки...

...Танцы совершенно выбили Маргариту из сил, а сильно затянутый на талии корсет совершенно не давал дышать.

В гримерной Франсуаза помогла ей переодеться и расстегнуть шнуровку бандажа. Когда актриса стирала искусный грим, ее неприятно поразило истощенное лицо, покрытое сетью мелких морщинок, выглянувшее из зеркала. Только теперь она почувствовала смертельную изможденность, как медведь навалившуюся на нее всей своей тяжестью.

– Я умираю от усталости! – сообщила она сестре, а взгляд ее был вялый и оцепеневший, и смотрел в одну точку. – В зале было накурено и душно до дурноты! – она вновь повернула голову и бессильно взглянула на себя в зеркало. – Мне кажется, я сильно постарела за последнее время. И нервы мои окончательно истощены... К счастью, сегодня был прощальный концерт.

– C'est la vie, Марго. Ты приляг, – заботливо суетилась вокруг нее сестра, поправляя подушку на диване и помогая ей лечь повыше. – Я принесу мокрые полотенца и бутылочку коньяка. Отдохни немного, хоть четверть часа. Потом поедем в отель. Тебе надо поспать. А я начну собираться в дорогу. Жан заказал экипаж на завтрашний полдень.

– Merci beaucoup!* Что бы я без тебя делала, Франсуаза? И еще... поищи пузырек с нюхательной солью, s'il te plaît**. Ума не приложу, куда он запропастился...

Нико все еще сидел за столиком в ресторане и с напряженным вниманием наблюдал из окна за его центральным входом. Некоторое время спустя он заметил, как подъехал фаэтон и вот – ОНА! Мадемуазель Маргарита! И рядом – другая женщина. Облаченные в легкие манто, они вышли из заведения и впорхнули в ожидавший их фаэтон. Кучер щелкнул бичом.

* Большое спасибо (фр.).
** Пожалуйста (фр.).

«Я не могу ее потерять! Надо узнать ее адрес!» – повторял он самому себе. И бросился вдогонку, однако лошадь бежала так проворно, что он вскоре выбился из сил: пока фаэтон петлял по улочкам, он еще кое-как поспевал за ним, но вот он покатил по набережной, и Нико стал задыхаться и отставать. По счастью, было темно, и он, ни жив ни мертв, рискнул вскочить на запятки так, словно всю свою жизнь служил выездным лакеем – чего только не учиняет любовь с человеком! Там, на запятках, он перевел дух, радуясь собственной находчивости. Однако другое чувство, поселившееся в нем с недавнего времени, терзало его. И имя ему было – ревнивость! Оно убедило его не сомневаться, что фаэтон ЕГО «ангела» направляется сейчас в какое-нибудь укромное местечко, где ее, прелестную актрису Маргариту, дожидается таинственный молодой кавалер, с жаром аплодировавший актрисе. Однако какое право имеет он, простой молочник, совать свой нос в ночную жизнь красавицы Маргариты? Но он полюбил ее, полюбил всей душой, и был полон решимости проникнуть в одну из ее тайн, и, если понадобится, защитить ее от упрямых, докучливых и грязных помыслами обожателей.

Когда лошадь остановилась на Головинском проспекте, аккурат напротив недавно возведенного Александро-Невского военного собора, у гостиницы «Ориант», он понял, что напрасно тревожил себя дурными мыслями. Ведь ОНА, ЕГО «чистый ангел», здесь проживает. Незаметно соскочив на землю, Нико испытал минутное замешательство.

– Подойти? – спрашивал он самого себя, но тут же задавался другим вопросом, – но как? Без цветов? Нет, это не по-мужски! Так он никогда не поступит!

...Уже совсем стемнело от туч, и скрежещущий удар пронесся по небесам. По иссохшей земле застучали дождевые капли и, наконец, хлынул ливень. Он хлестал по кронам деревьев, по крышам домов, фаэтонов и колясок, по булыжным мостовым. Потоки воды с шумом неслись вдоль тротуаров. Сквозь сверкающую пелену дождя пробивались тусклые лучи одинокой и равнодушной луны. Загулявшие допоздна девушки, приподнимая пышные юбки, со смехом пробегали мимо. Но Нико не замечал дождя. Он, подталкиваемый неведомой силой, куда-то шел быстрым шагом и вскоре оказался в Харпухи, где упрямо стучался в старую деревянную дверь хромого на одну ногу садовника Нукри. Он знал, что на его заднем дворе цветут пышные клумбы роскошных роз, которые тот потом продавал на Мейдане. Помнил, что Нукри, как и его отец, был не просто букетчиком, а, прежде всего, очень хорошим садовником, умел своей заботливой рукой прививать и выращивать фруктовые деревья и разводить новые цветы.

– Кто там? – услышал он голос и в окне показалось заспанное лицо пожилого человека.

– Это Нико.

– Какой такой Нико – не знаю. Знаю, что ночь уже на дворе. Всем спать пора. Что тебе нужно?

– Цветы. Очень нужны. Сейчас.

– Цветы тоже спят, генацвале. Нельзя их тревожить. Приходи завтра, на рассвете. – Но увидев, что Нико очень расстроен, все-же сжалился. Встал, отворил ему дверь и, ступая шаркающими шагами, провел гостя в свой темный притихший сад, умытый сильным дождем. Где, объяснившись в любви к выращенным им цветкам и выпросив у них прощения, аккуратно их срезал большими садовыми ножницами и отдал странному ночному покупателю. Несколько очаровательных роз, обильно покрытых дождевой росой, крупных и душистых – за полтора рубля.

Видел бы эту сделку его компаньон Димитри! Да он бы насмерть убился, но никогда бы не отдал денег за цветы. Сказал бы ему: «Эй ты, градом побитый! На что такие деньги тратишь? На веник? Что? Это цветы? Какая разница, что цветы? Все равно завтра в веник превратятся! Слушай, хочешь цветы – пойди нарви где-нибудь! Э-э-э, кацо, что тебе еще сказать? Настоящий ты чокнутый! За полтора рубля целого ягненка купить можно в базарный день! Пир закатить!»

А ему, Нико, не жалко никаких денег для «ангела, сошедшего с небес»! К тому же, Нукри их заслужил, уважил его просьбу, встал с постели посреди ночи, а ведь он – ранняя пташка – рано ложится и рано встает! Поистине, великий он садовник, даже холщовый фартук на нем не преуменьшает его особого величия! Не бывает ведь роз без шипов, а вот он так умело их срезал своими золотыми руками, что смог избежать уколов. Точно как и хороший пчеловод, которого не жалят пчелы, когда тот крадет у них мед.

С букетом в руках он торопился, почти бежал на Головинский, к гостинице «Ориант». Швейцар в ливрее преградил ему путь, не впустил к заезжей «звезде», сославшись на слишком позднее время суток. «Никого не велено пущать к госпоже артистке! Сударыня нынче почивать изволит». И если бы он не всучил ему щедро на «чай», а потом еще столько же и портье, ему, вероятно, так и пришлось бы ночевать сегодня либо на мокрой скамье Александровского сада, находящегося под боком, откуда его когда-то погнал строгий дворник, либо идти в свою лавку, чтобы провести бессонную ночь в смежной комнате, на излюбленном снопе сена. Но цветы! Цветы! Ведь они неизбежно завянут к утру! А если и поставить их в воду, то и в этом случае они будут уже не так свежи, грустно повесят свои головки. Прилизанный портье провел его, утомленного и взволнованного, пахнущего потом, в отяжелевшем от ливня костюме и грязных ботинках – к заветной двери.

– Как подойти к ней? Что сказать? – мучился Нико вопросами. – Как надо здороваться с такой знаменитостью? – французского языка он совсем не знал. Вот грузинский – да! русский – тоже, пожалуйста! даже на армянском мог изъясниться. А вот на французском – ну никак, ни единого слова не знал. Непонятный язык ведь какой-то, странный, ни на что не похожий...

В итоге, собравшись с духом, он постучал в дверь.

Маргарита с сестрой недавно вернулись в свой номер. Актриса

только успела переодеться в пушистый белый халат, окончательно стереть макияж, как в дверь робко постучали.

Déjà-vu! Боже, как часто это случалось в ее жизни!

Схватив пуховку, она начала судорожно поправлять грим, словно пудра могла скрыть ее страх от нетерпеливых глаз кавалеров и поклонников. Да-да, очередных, бестактных поклонников, которые вот так, самым беспардонным образом, вторгаются в ее покои, бесцеремонно будят ее, Примадонну Парижского Театра, и несут потом несусветную чепуху, что мечтают, мол, пообщаться с ней лично, с глазу на глаз, и заполучить автограф на вечную память! Несмотря на обаятельность и воспитание, будет она неприступна и холодна к этим назойливым воздыхателям, от которых слышала многое в своей жизни – банальные комплименты, маскирующие лесть, торжественные клятвы быть с ней «в радости и в горе», чувственные, однако, пустые обещания, но лучшее, что она слышала – это тишина. Потому что не было в ней вопиющей, гнусной лжи...

– Vous avez besoin de quelque chose, monsieur?* – спросила Франсуаза, отворившая дверь незнакомцу.

Он оцепенел от неожиданности. Удивительный голос этой женщины, одетой в плотное длинное платье от подбородка и до самых пят, показался ему до боли знакомым. Не тем ли самым «золотым» голосом он наслаждался на концерте Маргариты? Но лицо ее, сплошь покрытое грубыми рубцами, не говорило ни о чем и отталкивало. Он не понял ее вопроса, и не знал, что надо ответить. И, потеряв дар речи, которым, впрочем, никогда и не обладал, только робко протянул цветы – роскошный букет красных роз. Та, кивнув головой, произнесла:

– Merci beaucoup, monsieur! – и отчего-то стала рыться в бархатном ридикюле на тонком шнурке. – Un instant s'il vous plait!** Ее сумочка, похожая на шар, вмещала все, что было необходимо настоящей моднице или актрисе – обрамленное серебром овальное зеркальце с изящной ручкой, помаду, румяна и пудру, расческу, флакон с нюхательной солью, игральные карты...

Но безумный взор Нико был устремлен вглубь комнаты, где у трельяжа, всего в нескольких шагах от двери, спиной к нему сидела ОНА, актриса Маргарита, его Непорочная Дева, благородная и чистая! Его Богиня красоты, хоть и земная от рождения! Она, словно почувствовав на себе чье-то касание, слегка повернула голову, и он поймал ее растерянный взгляд, увидел светлые ее очи, в которых блистали искорки, подбородок, высокие скулы и маленькие губы, обрамленные густыми прядями ее распущенных пышных волос, которые так и просили, чтобы их целовали. Он смотрел на нее с неисчерпаемой нежностью и его стало трясти от страха, или от вожделения...

Она же, с некоторым удивлением на лице, рассматривала худого, промокшего до нитки мужчину. Кто он? Вид отнюдь не парадный, не респектабельный, а неухоженный и изможденный. На лице – старая щетина, под глазами мешки, руки тонкие, почти прозрачные... В поношенном костюме, на неуклюжих ботинках – свежая уличная грязь... Фу! Не выношу грязной обуви! А на голове – низко надвинутая на глаза и насквозь вымокшая, какая-то старомодная фетровая шляпа. В Париже давно уже таких не носят. Ему, должно быть, лет сорок пять. Ну да, она так и знала. Очередной бесцеремонный поклонник... Чего ему дома не сидится в такую непогоду и поздний час? Хотя, возможно, она и ошибается. На поклонника ведь он не слишком похож. Больше, все-таки, на нарочного. От какого-нибудь местного богача, наверное... как их здесь называют? Князь? Купец? С дорогими цветами и, наверное, с запиской – приглашением на обед или ужин – и пылкой надеждой на мимолетный адюльтер с французской шансонеткой...

Женщина, что стояла перед ним, у самого порога, вытащила, наконец, из недр своей сумочки двугривенный, и протянула его Нико, снова бросив что-то непонятное, и, прежде чем он успел опомниться, закрыла перед ним дверь.

– Зачем она вручила мне эти двадцать копеек? – недоумевал Нико, раскрыв ладонь. – За цветы заплатила что-ли? Или за посыльного приняла? – казалось, он был растерян оттого, что ожидал радушного приема в будуаре знаменитости. А его и внутрь-то не впустили, чаю не предложили. Не по-грузински это, не почеловечески как-то. А потом его враз осенило:

– А может они, эти французы, относятся к тем людям, которые встречают незнакомого человека по одежде? И, если это так, тогда ему все понятно. Вид-то у него довольно посредственный. Значит, ему нужен новый костюм – конечно, не тот, в котором он ездит кутить с друзьями-карачохели по веселым духанам да по деревянным плотам, передвигающимся по Куре. И не тот, в котором он ранним утром покупает молочный товар у деревенских мальчишек. И уж точно не тот, в котором стоит за прилавком, с фартуком поверх него, но все равно замызганном белыми каплями парного молока или липкими пятнами от меда...

На его лице появилось выражение упрямой решимости, а где-то глубоко внутри него проснулись бушующие чувства, надежно до этого скрывавшиеся за его робким, излишне застенчивым видом. Недаром ведь говорят, что слишком сильная любовь вызывает желания, недоступные трезвому человеку, и покоряет его разум.

– Будет у меня хороший костюм и новая обувь – не хуже тех, в какие были облачены купцы и дворяне на концерте! – твердил он самому себе, засыпая в своей балахане. – А у тебя, моя божественная Маргарита, будут самые лучшие цветы мира! Могилой матери клянусь!

На другой день, дождавшись компаньона, он сообщил, что согласен продать ему свою лавку, то есть ту долю, которая все еще

* Вам что-то нужно, сударь? (фр.).
** Большое спасибо! ... Пожалуйста, один момент! (фр.)

принадлежала ему. Удивленный Димитри, не ожидая такого поворота дела, радостно потирал руки от выгодной сделки, глаза его сверкали от внезапно навалившегося счастья. Во всю прыть сбегал он домой – только пятки сверкали, и вернулся в лавку с деньгами:

– Вот, Никала, держи, генацвале. Как договаривались. Ты смотри – не бросай деньги в воду, на ерунду не истрать!

Спустя четверть часа Нико уже несся что есть мочи по Головинскому проспекту. Зайдя в Дом готового платья «Венский шик», имевший также собственное пошивочное ателье, он нашел здесь знаменитого Сержа, старая мать которого, зажиточная армянка Анна-ханум, часто покупала молоко и свежий сыр в его лавке. Серж считался лучшим портным Тифлиса, потому как Господь при рождении поцеловал его в темечко. Именно так говорила Анна-ханум о единственном сыне. Он совершенствовал свое мастерство сначала в Петербурге, а потом – в Вене и туманном Лондоне, и, при каждом удобном случае, хвастал, что пил чай с молоком за столом у самого английского короля Эдуарда VII, который считается законодателем мод. А в качестве доказательства об окончании им портновских «академий» служили его дипломы, висевшие здесь в рамках под стеклом. К этому первоклассному столичному портному стекалась постоянная богатая клиентура из буржуазии и верхушки тифлисской интеллигенции. Под фигуру каждого он делал манекен, чтобы шить одежду стиля «модерн», не слишком утомляя клиента частыми примерками, и создавал «продукт» свой в строгом соответствии с пожеланием заказчика и по модным журналам, которые издавались в том же Петербурге, Вене и Лондоне. Имелся у него ассортимент материй как кусками, так и в образцах, в виде каталогов английских, русских и лодзинских фирм. И славился он своим наметанным глазом и умением создавать все виды и типы костюмов, в том числе военные мундиры, фраки, сюртуки и смокинги.

– Шить я не буду, Серж-джан, – поторопился сообщить Нико. – Мне срочно приодеться надо. Я ждать не могу.

– Как хочешь, Никала... Желание клиента для нас – закон!

Ему показали пиджаки двубортные и однобортные: черные, синие и темные в светлую полоску. Из крепа, бостона, шевиота. Порекомендовали купить удлиненный и приталенный, с высоким воротником и широкими лацканами, рукава у которого покороче, с учетом, чтобы крахмальные манжеты выступали на два-три сантиметра из-под рукава. К пиджаку брюки дали неширокие, на подтяжках, жилет с лацканами, белую рубашку, темные носки, шляпу, скрипучие от новизны ботинки, а галстук из атласа повязали широким узлом, сколов его булавкой с головкой из жемчужины.

– Выпрямите спину, любезный! Одежда не терпит сутулости. Ну вот, теперь другое дело – костюмчик ваш сидит, как влитой! Головой ручаюсь! – говорил ему галантный продавец в Доме готового платья, ахая от восхищения. – Наряд этот отобьет всех конкурентов и откроет путь в тот мир, где вас будут любить и страстно желать. Дело за малым – вам, генацвале, в парикмахерскую бы сходить еще...

Что Нико и сделал. Побрился у лучшего цирюльника на Головинском, который, за отдельную плату, еще и опрыскал его модным цветочным одеколоном «Вера-Виолет». В конечном итоге он, наивный человек, полный надежд на счастье, свежий, прилизанный и напомаженный, одетый с иголочки щеголь, и с немалыми деньгами в кармане, нанял извозчика. Лошадиное ржание, цокот копыт, и вот уже коляска стучит колесами по мостовой, вдоль тротуаров справа и слева, держа путь на Мейдан.

Впереди его ждала новая жизнь...

Хромоногий Нукри и двенадцать его собратьев по садовому делу в холщовых фартуках, завидев платежеспособного заказчика, беспрекословно стали собирать в охапки все цветы, что были ими свезены сегодня на продажу, и грузить их на арбы: гордые розы всех оттенков крови, оранжерейные лилии, садовые гвоздики, гиацинты, камелии, астры, бегонии, пионы... Каких цветов тут только не было!

Поднялись шум и суета, мол, «какой-то чудак сегодня скупил на корню все цветы в Тифлисе! И все цветы, которые росли под Тифлисом, и все цветы, которые пришли в Тифлис на поездах из Батума...»

Недалеко от этого действа торговал один кинто по имени Сико, в черном ахалухе, подпоясанный тяжелым, сплошь из серебряных чеканных накладок с чернением поясным ремнем. Шаровары у него были с напуском на мягкие полусапожки, из-под ахалуха на груди проглядывала яркая, красного цвета сорочка со стоячим воротником. С утра носил он съестное и зычно кричал: «Агурец, агурец, Александре молодец», «черешни, вишни испанцки», «яблок антоновцки», «перцик, перцик, априкос», «красавица памадор», «бадриджани, свежий луки, немецки слива!» Но сейчас, больше чем продать свой товар, торопился он разнести ошеломительную весть по всему городу:

– Клянусь, что земля всех садов в Тифлисе сейчас черна, – говорил он каждому встречному и поперечному, громко жуя «ляблябо» – орехи с кишмишом. – Пусть цветы никогда не вырастут на моей могиле, если остался сейчас хоть один цветок в городе...

– А что? Что случилось, Сико? Почему так? – с любопытством спрашивал подошедший к нему другой кинто, с фруктами, разложенными на подносе-«табахи», который он держал на голове. Затряслись от интереса у него на плечах весы с большими медными тарелками на цепях, которые носил он как коромысло, держа в отдельном холщовом мешочке гири разных размеров.

– Да вот этот Нико все цветы в Тифлисе купил сейчас... Миллион роз!

– Вах! Что я слышу? Какой Нико? Зачем? Почему?

– Слушай, Сако, ты его знаешь. Этот Никала держит молочную лавку на Верийском спуске.

– Пиросман что-ли? – догадался тот наконец. – Говорят, он и так немного чокнутым был...

— Да-да, он самый, не от мира сего. Влюбился в какую-то артистку. Француженку. Вот этими ушами все слышал — садовники шушукались. Говорили, лавку свою продал, на все деньги цветы купил. Совсем разум потерял. Вот что любовь с человеком делает!

— Вах-вах-вах! — покачал головой Сако. — Бедный Пиросман. Чувствую я, сгорит его сердце от этой любви...

— А еще новость знаешь?

— Что за новость?

— Говорят, жених живет у нее в Париже; он по моде очень-очень рыжий. Она зовет его Жаком, потому что ходит он пинджаком...

Они переглянулись, и оба шумно расхохотались. И смеялись бы они долго, если бы вдруг один не посмотрел на другого и спросил с серьезным выражением лица:

— Слушай, Сико, я тебя вчера почему весь день не видел на базаре? Где был? Что делал?

— Болел я...

— Вай ме, болел? Как? Чем?

— С разным девочкам гулял, сильно наслаждался, нехорош болезнь поймал — насморк назывался...

— Ва-а-а! А я кутил в духанах. А потом нанял два фаэтона... Сел в передний...

— А второй для кого?

— А во втором ехал моя шапка! Он тоже человек!

— Ва-а-а!

— Кля-нусь чесный слова!

Тем временем, горы купленных цветов — в больших и маленьких корзинах — были уложены в нанятые повозки с впряженными в них лошадьми. А когда корзины закончились, цветы стали сваливать и без них, поверх самих корзин, перевязывая их тесьмой. Одна повозка, вторая, третья, четвертая, пятая... они, доверху нагруженные срезанными и обрызганными водой дарами флоры, заскрипели и тронулись в путь с Мейдана, через Армянский базар, в сторону Головинского проспекта. Позади них шел Нико, по лицу которого, не столько от яркого полуденного солнца, сколько от волнения, ручьями лился пот. И кружилась его голова, пьянея и сводя с ума от приторно-сладкого благоухания цветов, над которыми, словно над цветущими лужайками, летали беззаботные стрекозы, шурша своими прозрачными крылышками, жужжали трудолюбивые пчелы, порхали легкомысленные бабочки...

Вереница повозок остановилась около гостиницы «Ориант». Носильщики, сопровождавшие груз, вполголоса переговариваясь, — нельзя в этом солидном заведении шуметь! — начали суетливо снимать охапки цветов восхитительной красоты и заносить их вовнутрь, поднимая на второй этаж с его элегантным интерьером, к дверям номера знаменитой актрисы. Ставили пахнущие ароматом корзины повсюду, к двери, вдоль длинного коридора, потом стали заставлять помпезную мраморную лестницу, запрудили ими парадный вход в гостиницу. Но неразгруженными оставались еще три повозки. И тогда цветами стали усыпать сначала широкий тротуар, а потом уже и саму мостовую Головинского проспекта. Их запах заполнил всю округу, привлекая пытливых прохожих. Швейцар гостиницы многозначительно бросал зевакам, жадно наблюдавшим удивительное зрелище:

— Большой князь... Кто именно? Не велено сообщать! Проходите-проходите, господа дорогие, не толпитесь у входа! Это вам не цирк!

Но люди не расходились, продолжая глазеть на непонятное зрелище. Шум, галдеж, громкие разговоры и возгласы удивленных прохожих, поднимавших головы и пытавшихся разглядеть окна той загадочной счастливицы, кому предназначалось сие дорогущее преподношение, разбудили Маргариту. Она села на постели и вздохнула. Море запахов — ласковых и нежных, радостных и печальных — наполнили ее комнату. Взволнованная, она быстро оделась, еще ничего не понимая. Надела концертное платье, тяжелые серебряные браслеты, прибрала свои роскошные волосы и, выглянув в окно, ахнула. Oh mon Dieu!*

Отроду не видела она такого чуда! Как в сказке! Хотя и в сказках она о таком не читала. Сердце ее замерло. Она догадалась, что этот праздник устроен для нее. Но кем? Кто этот таинственный незнакомец, бросивший к ЕЕ ногам миллион алых роз!

Счастливая улыбка родилась на ее лице, губы смеялись, а на прелестных глазах навернулись слезы умиления, которые она аккуратно смахнула кончиками своих тонких пальцев. Выглянула еще раз в окно, под которым собралась чуть ли не половина Тифлиса с поднятыми вверх головами. Все смотрели на нее. И она — истинная артистка — начала рукоплескать публике.

— Марго! — услышала она за спиной громкий и страшно взволнованный голос сестры, ворвавшейся к ней в номер. — Ты видела это? Что за богач здесь чудит?

— Не знаю. Франсуаза. Сходи, разузнай, s'il te plaît!**

Через минуту сестра вернулась. И не одна. За ней в номер медленно вошли знакомый ей гостиничный портье, неплохо изъяснявшийся по-французски, и какой-то странный, худой и бледный, но очень прилично одетый мужчина, должно быть, коммерсант. Или, мерчант, как называют богатых торговцев у нее на родине. Он снял шляпу, прижав ее к груди, затем пригладил свои поседевшие, но благоухающие модным парфюмом волосы, и застенчиво взялся рукой за стену, словно боялся упасть.

— Это он, — сказала Франсуаза по-французски. — Ты не помнишь его, Марго? Вчера он преподнес тебе этот букет цветов, — она указала на красные розы, стоявшие в китайской вазе на полированном столике. — Я приняла его за нарочного. А сегодня — вот! — Все, что ты видишь — дело его рук!

— Oh là là! — вырвалось из уст артистки. Она, очаровательно улыбнувшись, протянула ему руку для поцелуя. А он стоял, как громом пораженный — наверное, его компаньон Димитри бы прав, когда называл его так! Сейчас он впервые услышал, как этот пре-

* Боже мой (фр.).
** Пожалуйста (фр.).

лестный голос, такой знакомый, обращается к нему, впервые увидел, как идол, которому он поклонялся, сходит с пьедестала и хотя мгновение, но живет и улыбается лишь ему одному. Он, художник, заметил, как свет рампы меняет черты знакомого лица! И она, мадемуазель Маргарита, в жизни оказалась еще прелестнее, чем на сцене! Не сразу он сообразил, ему подсказал портье, что к протянутой руке в таких случаях положено прикоснуться губами. Что он и сделал, ощутив в этот миг, что кожа ее нежной ручки обожгла его огнем.

– Quel est son nom?!* – полюбопытствовала она с неподдельным интересом.

– Николя, – сухо сообщила Франсуаза.

– Merci, monsieur, – выговорила она, ласково смотря ему в глаза. – Merci beaucoup, Nicolas!** Но... но затчем столько тсветки? Мой голова будет ломатса от боль. И вы тратить много деньги... очень много...

Он молчал. Только тихо смотрел на ее ангельское лицо, чуть дыша.

– Он не есть мерчант, Марго. И, тем более, не князь! – хладнокровно вставила Франсуаза на своем языке. – Простой мелкий лавочник. Ничего не имеет за душой. Странноватый чудак из Тифлиса. Попрощайся уже с ним. С минуты на минуту подъедет экипаж. Саквояжи я уже упаковала. Ты готова?

ОНА ВСЕ ПОНЯЛА! Он полюбил ее, заезжую артистку с берегов Сены. Капризную, избалованную примадонну маленького театришка. Влюбился так, как безусый юнец может влюбиться в девушку с первого взгляда. И, сам веря в сказку, подарил ее ей, искренне надеясь, что она покажет ей силу его большой, необъятной любви.

Но ведь она совсем не знает его. И поэтому не может ответить на его чувства взаимностью, а только... только жалеет этого мечтательного романтика и идеалиста. Ему бы, с его сентиментальной душой, не лавочником быть, а поэтом, или художником...

Санта Мария! Неужели она, сама того не желая, разбила его сердце? Тогда ей надо покаяться! Хотя в чем состоит ее вина перед ним? В чем ей каяться и укорять себя? За что терзаться муками совести? Она вздохнула и вспомнила:

«C'est la vie!» – «Такова жизнь!» – так любила поговаривать ее бедная матушка, когда ничего нельзя было изменить и оставалось принимать жизнь такой, какая она есть.

На башне городской думы часы пробили двенадцать раз. Полдень. Снизу был слышен приближающийся стук колес. Высокий экипаж, запряженный парой лошадей, подкатил к парадному входу гостиницы и замер в ожидании пассажиров. Кучер спрыгнул с подножки на тротуар, учтиво приподнял фуражку и распахнул дверцу.

Пора! Слуги стали выносить их вещи и грузить сзади, в отделение для багажа – два приличных, затянутых ремнями, дорожных саквояжа, туго набитых чем-то. И большой деревянный сундук, который грузчики несли с двух сторон за обе ручки.

Маргарита, опираясь рукой на согнутую в локте руку Нико, стала спускаться вниз по лестнице, вслед за вещами. Их сопровождала бесстрастная Франсуаза, а за ними следовал портье. Он нес в руке корзину с удивительно нежными алыми розами. Всего лишь одну корзину! Потому что увезти с собой целое море цветов не под силу никому, даже всесильному чародею!

Казалось, что-то необъяснимое удерживало ее, и она не желала торопиться, не хотела отрывать от Нико своей руки. А чем он, герой ее сегодняшнего романа, отличается от кудесника? Ровным счетом ничем. И достоин большего, чем просто быть взятым под руку! И она, слегка приподнявшись на цыпочки, вдруг чмокнула его в щеку. Жар красным пятном растекся по его лицу...

Франсуаза, увидев эту картину, решила проявить твердость и подтолкнула сестру к дверце – устраивайся поудобнее! Та, вздохнув, решительно ступила на лесенку, под свод экипажа.

– Adieu, mon ami!*** – не сказала, а почти крикнула ему Маргарита, а потом произнесла еще что-то, что тут же было переведено услужливым портье на грузинский язык:

– В сотый раз, Николя, примите мою благодарность... Я тронута безмерно. И, поверьте мне, сохраню о вас самые приятные воспоминания... Может быть, mon ami, если будет воля провидения, мы когда-нибудь увидимся... – говоря о провидении, она показала указательным пальцем вверх, имея в виду, что великая и необъяснимая сила судьбы выше всего земного и обитает где-то высоко над головой, в синем небе.

Дверца экипажа захлопнулась за женщинами. Bon voyage!**** Почти тотчас раздался стук в переднюю стенку, который дал кучеру знать, что пора трогать. Подобно эху от пистолетного выстрела, щелкнул его кнут и экипаж затрясся по мостовой, подпрыгивая по булыжнику идеально прямого, совершенно европейского проспекта.

Нико не отводил глаз от быстро удалявшейся от него Маргариты. И не мог не заметить, как она дрожащей рукой посылает ему прощальный жест из окна. По его растерянному лицу потекли горькие слезы. Он пристально всматривался в маленькую точку исчезающего экипажа, точно хотел сорвать ее с горизонта. И не мог, не хотел поверить, что его «ангела» больше нет рядом с ним.

Как во сне вернулся он в гостиницу и поднялся на второй этаж, прошествовал по коридору и вошел в знакомый номер. Никого! Окна закрыты наглухо, шторы задвинуты, по комнате разбросаны этикетки от шампанского, визитные карточки поклонников и обрывки некогда нарядных афиш. И больше никого и ничего, кроме фимиама знакомых духов, смешанного с за-

* Как его зовут?! (фр.).
** Благодарю, месье, ... Большое спасибо, Николя! (фр.).
*** Прощайте, мой друг! (фр.).
**** Приятного путешествия! (фр.).

пахом женщины, которую он так нежно полюбил.

Он подошел к широкой неубранной постели, бережно и с глубоким благоговением взял в руки ее подушку и прижал ее к себе, блаженно закрыв глаза и поглубже вдыхая еле уловимый аромат дорогих благовоний. Уехала! Покинула его навсегда! Опустошила его душу и похитила сердце!

Он спустился вниз. Дул ветер. Ветер разлуки. Закончилась волшебная сказка. Но какой в ней толк, если золото в итоге превратилось в черепки, Красавица уехала на край земли, где говорят на непонятном ему языке, а он – Чудовище – остался. Недобрая вышла сказка, печальная, без веселого пира, без счастливой свадьбы! А может все это сон?

НЕТ! Это было явью! Свидетельством тому была площадь перед гостиницей, затопленная соленым морем из цветов и слез.

Цветы... цветы надежды... цветы жизни... цветы любви... Еще сегодня утром он был уверен, что они приносят счастье, но, увлеченно вдохнув благоухание их прелестных лепестков, он потерял голову и сохранил очарование их навязчивого запаха: лицо его теперь омрачено боязнью, а душа, она охвачена вихрем, поднимающимся из тех туманных бездн мысли, где вулкан гордости тлеет под пеплом бессилия и неудач.

– Все правильно! – рассуждал он, силясь найти оправдание своей не сложившейся судьбе. – Я ей не ровня. Она – звезда, знаменитость и Красавица. А я – обыкновенный лавочник. Хотя... уже даже и не лавочник, потому что нет больше лавки. Нищий! Ни кола – ни двора!

Мысли... мысли... они не давали ему покоя. И если бы рядом с ним в этот момент оказался человек образованный, уж он-то бы смог раскрыть ему глаза на очевидное. Он бы сказал ему, что для таких мечтательных натур, как Нико Пиросмани, нет ничего опаснее, чем любовь к актрисе.

Он тихо побрел по Тифлису, спускался к воде, смотрел, как мели в середине реки отшибают Куру к берегам, с ее тенистыми зелеными садами. Здесь летом бывает прохладно до холода... Заглянул в ботанический сад, где смотрел на водопад под мостом, на весеннюю сосновую рощу... Стал взбираться на Святую гору, где, подняв купола, стоит церковь с целебным источником. Мимо нее, медленно, как дворник с вязанкой дров по черной лестнице, полз на самую верхушку горы маленький вагончик фуникулера.

Забытый всеми, без роду и племени, он уныло повернул вспять, в Сололаки. Здесь, в подвалах, входы духанов. Оттуда слышна негромкая песня. Он спустился. Горело желтым светом электричество. За столами сидели нарядные люди, пели, произносили красноречивые тосты о сердце, о вечной дружбе, о любви... И пили из рога. Попросил у буфетчика графинчик водки... в обмен на свою жилетку с лацканами. Следующий графин он выменял на ненужный ему атласный галстук – и в придачу отдал венскую булавку с головкой из жемчужины.

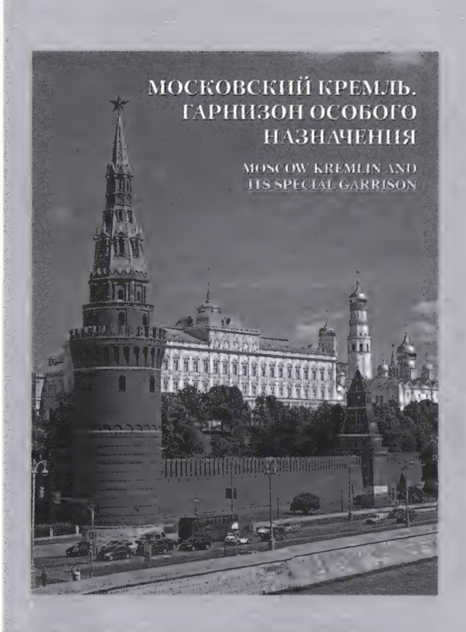
Сердце его больше не стучало... оно сгорело от большой любви, той, что не сможет поместиться ни в этом духане, ни в переулке, ни во всем Тифлисе!

Шло время. Подул ветер и пошел дождь. Он слушал его бесконечный плач, смешанный с протяжной песней сазандари, и с удивлением обнаружил, что грустная эта песня, похожая на стон, затянута зурной и дудуки специально для него, Нико Пиросмани:

«Пусть ангелы поют,
Как безобразен я.
Всю боль возьму твою
Себе, душа моя...»

Почти весь Тифлис уже знал о том, что случилось с Нико Пиросмани. Все были потрясены, жалели его, сошедшего с ума по той, что украла его сердце. Все, кроме двух бесшабашных кинто, которые, как обычно, дурачились, напевая под нос:

«Он – чудак, она – шарман.
Не сложился их роман»...

СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ»

Работая над данной книгой, мы не ставили перед собой задачи «объять необъятное», ведь темы, связанные с историей Московского Кремля и его охраной, поистине неисчерпаемы. Однако освежить в памяти уже известные факты или ознакомить наших читателей с событиями, еще не получавшими широкой огласки (но о которых теперь уже можно говорить), нам вполне по силам. Кроме того, наше повествование мы обильно проиллюстрировали схемами, рисунками и фотографиями Кремля и наиболее интересных его объектов, сделанными в различные годы – с прошедших веков и до начала XXI века. Будем рады, если знакомство с нашей работой пробудит у вас интерес к заявленной тематике и, вообще, к очень непростой, но героической и необычайно поучительной истории Государства Российского, к изучению своих истоков и корней... И в первую очередь, это, конечно, относится к нашим молодым читателям...

Павел Стихин.

© Фото Вадима Осипова

Андрей КОМЛЕВ

Член Союза писателей России.
г. Екатеринбург.

«...ВЕК ЖДАЛОСЬ ДУХОВНОЕ ПРОЗРЕНИЕ...»

(Из новых стихотворений)

СТИХИ

И в душе ни жалобы, ни стона,
принимая вечное в расчет —
надо сочинять стихи достойно,
даже пусть никто их не прочтет.

Если же твой труд кому-то близок,
будь и впрямь открытым сердцем рад —
это выше суетного приза,
добытых интригами наград.

Если ж ты свое паскудно прожил —
худосочным выдастся стишок.
Надо человеком быть хорошим —
чтобы написалось хорошо.

СВОЕ

1
Лживая-фальшивая эпоха
будет в должный срок обличена.
Жаль, что это огласит пройдоха
из привычной челяди в чинах.

Либо как-то враз не с бурным пылом
развернет фортуны колесо
нынче нами числимый дебилом
уголовник, утерявший все.

Но пока, пути связуя в узел,
тупики страшат с любых сторон —
есть еще свечение иллюзий,
пусть оно наивно и старо...

2
Жить подвластно молве
на любом этаже
или с богом в душе
и царем в голове?

Чуть не падая с ног,
твердо выпрямив стать —
а иначе не смог
это время верстать.

А иначе никак —
без причудливых снов.
Если в их тайниках
былью крепится новь.

3
Да ведь не рушится квартира,
и не дрожит стакан воды.
Авось — не здесь изнанка мира,
и не полшага до беды.

Спасибо, что возникнув кстати —
неродословная родня,
воображаемый читатель
серьезно слушает меня.

Спасибо, что дыша весною —
пока штормами не грозя,
вплотную не приблизив к зною —
глядит округа нам в глаза.

ОТКРЫТИЕ

Марине Почукаевой

А ты их возблагодари
за то, что, сознавая ценность —
незримые поводыри
по веку сберегают цельность.

С добычею земных даров
соединив добротный труд —
и металлург, и хлебороб
жизнь продлевают, а не врут.

Да время двигая вперед —
лицо свое еще покажет
естественный круговорот
от мастодонтов до букашек.

В ладу природа и народ —
от их щедрот все происходит.
Царит гармония миров
на непреклонном небосводе.

ЗАПОВЕДИ

Не бывать нам на веку
по начальству ровнею.
Кто ловчее — наверху,
а не благородные.

Обитать под стать зверям,
ладить со скотиною.
Не свои мы — упырям.
Не ситуативные.

Устоять бы на ногах
против разной нечисти.
Да бесправным помогать
жить по-человечески.

О ГЛАВНОМ

1
Жизнь свою ценить какою мерою
и каких еще достигнуть выгод,

ни во что хорошее не веруя —
коли скоро предназначен выход?

Нет причины кем-нибудь командовать
или перед кем-то падать в ноги.
Дабы избежать геены адовой —
срок помыслить о душе, о боге.

Так вокруг ведется, а не иначе —
всякое возможно ощущение.
Да надейся, что взаправду выручит
нравственное самоочищение.

Разобраться со своими былями —
ни добра, ни зла, а нечто среднее.
Бредилось не райским изобилием —
век ждалось духовное прозрение.

2
Вот вопрос: а были мы друзьями ли?
Радовались встречам, шли на помощь,
вроде при одном вставали знамени...
Или время превратило в сволочь?

Коли предаете всех по выгоде —
нынче не смутит, что это гадко.
Коль святого за душой не видите —
чем дышать вам, для меня загадка?

Кажется, невзгодами испытаны —
столько бед одолевали вместе...
Впрочем, человек себя воспитывает
больше, чем его — в родном семействе.

А равнялись по примерам доблестным,
подступая к целям без нахальства...
Но таланты вытеснялись подлостью,
заслонив признание бахвальством.

Мрачно впереди — пугают новые
ужасы фашизма, инквизиции...
Да сметет их здравою основою,
победят высокие традиции.

ОБЩЕЕ

На брусчатке или на траве,
да и на окраинной квартире
человек живет свой малый век
в сотворенном из фантазий мире.

Не спеша попасть на облака
или обрести земную полость —
круг людской колеблется пока,
годных и на подвиг, и на подлость.

Как поведать, что полезно впрок
дьявольскому царству не продаться?
И давно пора извлечь урок
в опытах повальных деградаций.

Но пускай, не раз вредя себе,
раскрывал ты чувства без ответа —
в каждой уготованной судьбе
есть приметы и добра, и света.

Да на склоне дней легко равнять,
обновляя суть признаний редких:
а зима и лето — нам родня,
а леса и реки — наши предки.

РАЗДУМЬЯ

1
...Обращаться, как в бреду,
хоть в который адрес:
неужели эта дурь —
сущая реальность?

Вот «активная среда»
с примитивной рожей —
всяк спешит себя продать
на руп-пять дороже.

Вот и в классики пролезть
уйма самозванцев —
чередуя спесь и лесть,
норовит авансом.

Для души не счесть потерь,
да и кодекс чести
представляется теперь
панцирем из жести.

Словно ты — всегда изгой —
пусть отнюдь не камень,
но от вздорности людской
устоял стихами.

2
Вроде век земной — что вспышка спички,
а успеешь утерять лицо.
Сволочизм нельзя принять частично,
следом он захватывает все.

Ну, а ты и впредь слыви болваном
от любых дележек в стороне —
коль подвержен всяческим обманам,
да не отвечаешь наравне.

И пускай мы все исчезнем в тлене,
и покроет наши судьбы тьма —
творчество дано для осветлений,
доброта надежнее ума.

СМУТНОЕ

Есть на веку свои лишения
и у бомжа, и у вождя.
То выходя из положения,
то в положение войдя...

Вот снова размыкая стены
и открывая смысл бессонниц —
да не в законе от системы
ловлю остаточную совесть.

Ведь грезилось — настанет миг,
и за соседним поворотом
проявится желанный мир,
даруя благо всем народам.

Но обходясь без праздных трат
в последнюю декаду лета —
куда-то мчит шумящий тракт,
куда-то катится планета.

А сберегая тайно суть,
минуя все подъемы, спады —
нас нечто держит на весу
превыше суетной досады.

ЯБЛОНИ

1
Яблони машут лапами
белыми и лохматыми.
День только ими светел.

Хоть разыгрался ветер,
но лепестки их держатся.

Да по газону дерзостно
броские автомобили
тычут под них дебилы.

Счастье, что вы привыкли
одолевать их выхлоп,
стойкие сестры-яблони.

Словно бы стали явными —
из подопечных прадеда,
памятью сердце радуя.

Словно смогли одеться —
в образы сада детства...

2
И снова взволнован за яблони —
теснимы дельцами заядлыми,
колесами шумного транспорта,
чья власть лихорадочно празднуется.

Но живо исконною правдою
содружество лиственно-травное,
осилив и травли, и травмы —
приветствует своды утрами.

И словно пронизанныйласкою,
свое выражаю согласие —
в единстве былого с грядущим
древесные чувствуя души.

СОЖАЛЕНИЕ

Хоть рисует память страны света,
виды с берегов семи морей —
канет лето, не оставив следа
даже с краешка души моей.

Чудилось оно неотразимым —
стыла в небе скудная свеча,
грезил в межсезонья, славил в зиму,
а сейчас уже готов скучать.

Пусть не так, но словно бы обманен
в данный миг цветущий слой земли —
дразнит вещный мир младыми снами,
нечто недоступное сулит.

Верно, блага не бывает вдосталь,
разве только в считанные дни.
Снова счастье непременно ждется
или срок желанному сродни.

Годы перелистываю в лицах,
и хотя в обсчетах — жизнь одна,
каждый цельный цикл отдельно длится...
Потому цена ему сполна.

ЧИТАЯ ЭККЛЕЗИАСТА

1
Читаю речения Экклезиаста —
по буквицам шрифта для самых глазастых,
в столбцах на страничках избыточно тонких.
И предки за этим, а может — потомки.

«Что было, то будет». Стремясь друг за другом —
цикличны явления внутренним кругом.
И где тут «спираль», да и где тут прогресс? —
остались в учебниках КПСС.

Хоть плачь, хоть рассмейся от уха до уха —
а «все суета и томление духа».
Но тот же владетельный Экклезиаст —
в премудрых сентенциях энтузиаст.

Жаль, смыслом гораздым корысти не застят
сегодня раздумья об Экклезиасте.
И карлику мнится удел супермена...
Да суть через тридцать веков неизменна.

2
Да в сущности путь наш — не хуже, не лучше.
Подспорье былого залогом в грядущем —
доныне желанно рассудкам и душам.

Природна боязнь оказаться в неведомом,
опасном еще утаенными бедами —
пусть время привычными кормит обедами.

И лишь потому не ужасно заранее
общаться один на один с мирозданием —
что нету границ между ним и сознанием.

БОЛЬ

1
Страна — где, наглядною памятью лазая,
свершаю опять стародавние ходки.
Почти половиною плоти Евразия
простерлась от Балтики и до Чукотки.

На картах и глобусах — в контурах четких,
в реальных чертах чуть не сплошь поменялась.
Да точно воздействие легкой щекотки —
с экрана сохранна лишь малая малость.

На месте красивого старого здания
возникло убожество серой коробки —
уж так повелело начальство бездарное,
вполне утвердившись в расправах коротких.

По многоэтажным кастрюлям с бутылями,
изрезавшим небо — пустые растраты.
Для глаза их сразу явили постылыми,
нет, не архитекторы, а геростраты.

От века унылая выпала участь.
Еще единятся в привычном названии:
тот вид, что творит временная текучесть,
и образ, который остался в сознании.

2
Если столичной челяди
зависть бы свет не застила,
мы б — не придаток чей-либо,
цельная цивилизация.

Впредь бы смогла натура
выстоять чистою пробою.
Русская литература —
исповедь, а не проповедь.

Мерилась не Европою
и уж отнюдь не Штатами —
правде служа безропотно,
нравственно не расшатана.

Да без помет про это
лихо готовы к стартам —
западные проекты
«по мировым стандартам».

Вышло в боях родителям
одолевать вторжения.
Глянешь — легко вредителям.
Боязно вырождения.

3
Покуда еще не за облаком,
к чему и не каждый готов —
а впрок озабочены обликом
давнишних своих городов.

Пока не убиты обидами,
и, стало быть, годы не зря...
Спасители наши невидимы,
но держится ими земля.

Их подвигом жизнь продолжается.
А дальше — авось не дотла...
Есть жалости место и шалости,
важны долговые дела.

ВНОВЬ

Проявится травная нежность,
где талая высохнет грязь —
улучшив невзрачную внешность,
в рассветных мечтах озарясь.

И образом чаяний вышних
да трепетом ближней родни
воспрянет цветение вишни
в немногие вешние дни.

Меняя земные одежды,
небесные краски даря —
природа врачует надежды
и в сумрачный срок с октября.

Очистит от помысла злого.
Да с нею ведя заодно —
великая магия слова
судьбу не уронит на дно.

❑

ИЗ КНИГИ ПЕСЕН И СТИХОТВОРЕНИЙ «ВРЕМЕНИ БЕГ»

© Фото Сергея Новикова

Алексей МАКАРОВ

Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом материаловедения в Институте физики металлов имени М.Н.Михеева УрО РАН, исполняет обязанности Главного ученого секретаря Уральского отделения РАН. Автор книги «Времени бег». Живет в Екатеринбурге.

ДРУЗЬЯ (ОТРЫВОК)

Есть в России такой обычай —
Уходящим в поход сыновьям
Мать-Земля рукой горемычной
Дарит горсть своего огня.
Эта горсть напои́т-накормит,
Эту горсть у сердца хранят,
И о друге она напомнит,
Что остался в родных краях.
Друзья — это времени бег,
Друзья — это памяти снег,
Что сугробами прожитых лет
Согревает тебя, человек.

ЗАКАПАЛА, ЗАКАПАЛА...

Закапала, закапала из тучек бирюза,
Закапала, закапала в раскрытые глаза.
Закапала, закапала дождинками вперед,
Закапала, закапала и растопила лед.
Закапала, закапала и смыла без труда
Плохое настроение небесная вода.

Закапало, закапало за шиворот у всех,
За каплями, за каплями приходит звонкий смех.
Закапало сердитого, закапало ворчливого,
Закапало и хмурого, и злого, и унылого...
Закапала, закапала и смыла без труда
Плохое настроение небесная вода.

Закапало, закапало — и ночь сменилась днем.
И капли мы, и капли мы хватаем жадным ртом,
Ладошки вновь подставим и напьемся без ума,
Чуть-чуть себе оставим, все остальное — вам.
Закапала, закапала и смыла без труда
Плохое настроение небесная вода.

Закапало, закапало уже со всех сторон —
С востока, с юга, с запада — зовет веселый звон.
За каплями вдогонку мы помчимся без оглядки —
Все лужи на планете расплещут наши пятки...
Закапала, закапала и смыла без труда
Плохое настроение небесная вода.

АРКАИМ

Там, где жизнь постигала начала свои,
Где почти осязаема память веков,
В заповедной бескрайней уральской степи
Меж холмов затерялась «Страна городов».
Где когда-то кочевник натягивал лук...
Был рожден — и поныне веками храним,
Как магнитом манит в свой «солнечный круг»
Город предков — степной Аркаим.

Пусть истлели жилища и горн, и меха,
Где когда-то из бронзы ковали ножи,
Лишь глубокой морщиной пронзает река
Ту долину, что между холмами лежит.
И осталось загадкой: где небыль, где быль...
Нам крыло моноплана помашет вослед...
Пусть ветра охраняют, качая ковыль,
Древний город, которого нет.

НЕБО ЛЕТАТЬ УЧИТ

Ветер, раздвинь тучи!..
Тучи, откройте небо!..

Небо летать учит –
Вот научиться мне бы!
Горы стоят прямо,
Встречая века мудро...
А бури – слева и справа!..
И прямо стоять трудно...
Стыд на лицо заката
Выплеснет краски лужу...
Надо тысячекратно
Верить в любовь и дружбу!..
Люди делают время...
Людям дано право –
В счастье свое веря,
К звездам идти упрямо!..

ГИМН МАТЕМАТИКОВ 110-Й ШКОЛЫ-ЛИЦЕЯ

Старшему сыну

Мы – математики в душе,
И хоть порой бывает трудно
Нам два плюс два сложить в уме –
Мы сотворим восьмое чудо...
На свете только семь чудес,
Их помнят с эры Карфагена...
Но в нас вложил какой-то бес
Математические гены!
Мы, как один, в ряды Фурье
Встаем – под знаком интеграла,
Нам логарифм с основой «е»
Ценнее желтого металла.
И не возьмут нас на испуг
Алгебраические дроби,
Факториал – наш лучший друг –
Заменит нам Дирол и Орбит.
Нам теоремы не страшны,
Мы в аксиомах не профаны,
И «пифагоровы штаны»
Не променяем на «бананы».
Пускай стара, как этот мир,
Та теорема Пифагора –
Как Лобачевский – наш кумир –
Затеем с классиками споры.
Нам только корень покажи –
Мы извлечем его в два счета,
Применим дроби аль-Каши,
Ведь аль-Каши у нас в почете.
Запишем наши голоса
На айбиэмовских дискетах*,
И отрастим мы волоса,
Как у Ньютонов и поэтов.
И мы познаем сто томов,
И всех наук впитаем силу...
Но!.. Вечно будем без штанов,
Как все ученые России!!!
Полетом мысли зачеркнем
Мы неразгаданные пятна,
И через годы пронесем
Заветы школы 110-й.

ГИМН МЕТАЛЛОВЕДОВ

В.М.Счастливцеву

Вместе мы полжизни прошагали
Вдоль по коридорам ИФМ**,
И с самим Садовским*** обсуждали
Запросто мы тысячи проблем.

Так будем этим дорожить,
И дальше преданно служить
Металловедческой науке,
Науке, без которой нам не жить.

Вспомним, как не раз на семинаре
Не роняли своего лица,
Хоть из нас по капле выжимали
Весь сухой остаток до конца.

Пусть порой ломались микроскопы
И не понимала нас семья,
Черпали мы силу от истоков,
Снова начиная все с нуля.

По дорогам нас не разбросали
Ветры налетевших перемен,
Хоть разбогатеем здесь едва ли –
Мы судьбу связали с ИФМ.

Так будем этим дорожить,
И дальше преданно служить
Науке вечной о металлах,
Науке, без которой нам не жить.

ЗА НАУКУ
(На мотив «Песни фронтовых корреспондентов»)

От меди до тантала
Нет того металла,
Который не исследовали мы
На предмет сомнений
В свойствах и строении,
На предмет структурной красоты.
Лазером и взрывом
В творческом порыве
Жгли металлов звонкое нутро,
И магнитным полем
Нагружали вволю,
Всем известным правилам назло.
Так выпьем за науку –
За свою подругу,
А если нам не хватит по одной,
Мы добавить рады –
Все науки ради,
За нее тряхнем мы стариной.
Экран у микроскопа,
Словно глаз циклопа,
В темноте рефлексами горит,
Мы бродим по рефлексам,
Как по звездным безднам
Над планетой плыл Экзюпери.
От вредных измерений
Слегка мы угорели,
Но ответим тем, кто упрекнет:
С наше поснимайте
И пооблучайте,
С наше поисследуйте хоть год.

Есть, чтоб выпить, повод –
За научный довод,
И, традиционно, за успех,
Как мы начинали
И открыть мечтали
Свой металловедческий эффект.
Без души, товарищ,
Стали не закалишь,
И нужна при этом голова –
Так станем докторами
И профессорами,
Ну, а кандидатами сперва.

ШУТОЧНОЕ

И.Г.Кабановой на день рождения

Люблю метель в начале мая,
Когда уже забытый снег,
Как бы резвяся и играя,
Вгоняет нас то в дрожь, то в смех.

И в телогрейку облачаясь,
Мы всё согреться не могли.
Так наливай, Ирина, чаю
Для воскрешения души!

В ДОМЕ «ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»****

И в доме «пушкинской поры»
Продлится наше восхожденье.
Пускай несутся в тар-тары
Все незадачи и сомненья.

Там рядом Пушкин и Попов,
Высоцкий и Марина Влади,
И слышен звон колоколов,
И пруд блистает водной гладью.

Там стены таинством полны,
Там дух веков парит высокий,
И всё ученые коты,
И сплошь русалки волооки.

И там нам жить, и мёды пить,
Творить науки пир искристый.
И повторять – ИМАШу быть,
Каким бы не был путь тернистым!

НА НОВЫЙ 2019 ГОД

В.Н.Чарушину

Пусть Год грядущий сохранит тепло,
И свет в ночи, и проблеск озарения,
И завершит в свой срок без промедления –
Что не сбылось.
Но время то пришло!
Пусть новый год впитает красоту,
А несуразность даже не заметит,
Поможет смелым – кто за все в ответе! –
На благо ближним воплотить мечту!

□

---

* Средство для хранения памяти ЭВМ
** Институт физики металлов УрО РАН.
*** В.Д.Садовский (1908–1991) – академик АН СССР, профессор УПИ.
**** Поздравление на Новый 2017 год ИМАШу – Институту машиноведения УрО РАН в связи с передачей ему нового здания в Почтовом переулке Екатеринбурга.

ВЯЧЕСЛАВ ПЕТУХОВ

(20.12.1958 – 23.03.2020)

Познакомились мы с ним в поезде «Урал», бежавшем в Москву, и больше не расставались. Когда он увидел меня, был поражен сходством с любимой им актрисой Моникой Витти. Это было 10 марта 1979 года, а 23 августа мы расписались, но считаем своим днем именно 10 марта. Нас так и считали самой красивой парой на Шарташе. А я шутила, что даже не только на Шарташе, а в мире и его окрестностях. И это правда. Слава – незаурядный, умный, талантливый человек. «Талантливый человек – талантлив во всём» Такие, как он, рождаются раз в сто лет, а может быть и больше. Я не преувеличиваю, так оно и есть, не потому, что это мой муж. Все, кто его знал, об этом говорят. Многого он не успел, чего бы хотел, о чем мечтал... То обстоятельства, сами знаете какие, то впоследствии страшная болезнь (последние два года). Но и сделал очень много: кино, спорт, сказки, повести, рассказы и стихи. Объездил полмира. Был председателем или членом жюри на кинофестивалях в Австрии, в Чехословакии. Участвовал в экспедиции на Северный полюс, Кавказ, Гималаи (гора Аннапурна). Объездил весь север, снял там множество фильмов. За фильм «В зоне любви» получил «Златую деву» за операторское мастерство. «Еще бы!» – как любил он говорить. Был восхищен Михаилом Заплатиным, который работал и творил на пермской киностудии. Решил снять фильм «По следам Заплатина» и прошел весь его путь. Очень стойко переносил лишения и трудности. Мужества ему было не занимать. Интересный, умный, содержательный и интеллигентный. Знал всю греческую мифологию. Много читал. Знал английский превосходно. Образцом для подражания у него был Одиссей, и он к этому идеалу стремился. Мы оба старались. Мы были не только муж и жена, но и друзья. Когда в 1987 году он придумал пробег до юга, примерно 2000 км, собралась команда, но многие затем передумали: и остались три человека – он, я и Эмма Астрова (художник по костюмам)...

Очень больно и тяжело осознавать, что его нет в живых. Но в памяти, в сердце, в душе он всегда со мной. Картинки жизни за 41 год так и проходят перед глазами. Как я счастлива, что мы встретились на жизненном пути.

Он много оставил после себя. А главное – память!..

Наталья Петухова.

Вячеслав ПЕТУХОВ

ГИМАЛАЙСКИЕ АНЕКДОТЫ

«Друзья мои! Если я чего наврал, то это – для правды».

Автор

Мемуары жизни надо писать сразу, как Михаил Заплатин*. Он-то писал и рассылал по издательствам, которые с радостью печатали его простую, но очень интересную писанину. Время было другое: люди взахлеб читали о настоящем и красивом, о недостижимом, но существующем.

Я не пишу сразу – кому оно теперь надо? Хотя приключения у меня были очень неслабые. Конечно, я – бездельник, скотина такая! Но в моем ленивом методе есть здравая сердцевина. Идет время – и ненужная поверхностная фактура стирается, исчезает, а суть выступает во всей обнаженной красе четким рельефом.

Какие бы не случились приключения и смешные, и страшные, время говорит мне, чего было стоящего в моем прошлом. Я теперь знаю, что заставляет, вспоминая лучшее, ностальгически пускать слезу: друзья мои, самое главное там – это вы и ваша дружба, ваши смелые души и ваша сила. Об этом я грущу, и это хочу сохранить.

В голове моей славянской все свалено в кучу. Вот я и хочу написать о великих людях, с которыми пересекался в жизни. Тяну за ниточку, торчащую наружу из клубка памяти, и, вдруг, лезет история о хорошем парне Лёхе Болотове. Такой уж у меня метод – найти первое слово, а потом за ним вылезет все, что я хотел рассказать, но не знал об этом.

ЛЕХА-БРАТАН

Леха – парень здоровенный. Ростиком эдак метр восемьдесят три и весом чистой мускулатуры килограммов на восемьдесят пять. И сразу видно, что боится он редко. В девяносто шестом ему было что-то около тридцати трех лет. Я истории про Леху буду рассказывать не по порядку, а как пойдет.

Вот первая.

ГРАНАТОВЫЕ БУСЫ

В том году я угодил снимать кино об экспедиции наших уральских альпинистов в Гималаи на гору Аннапурна высотой за восемь километров! Долго мы туда добирались. До Катманду, столицы Непала, вышло дней десять. Долетели, поселились в неплохую и дешевую гостиницу «Тенки» и опять застряли дней на двенадцать. Почему опять? До этого проторчали неделю в Красноярске.

И Леха, и я в этой компании были в первый раз. У нас оказалось много общих друзей вне ее, а раз так – и мы друзья. Я Лехи не намного старше. Поэтому нормально, что мы с ним таскались по этой невиданной загранице вдвоем. Мы же советские люди, по одному боимся, хотя с виду страшно суровые дядьки.

Снимать кино в Непале можно только за деньги. Страна-то бедная, нефти нету. А у нас на такую ерунду семь тысяч баксов не было. Вот и прятал я камеру в рюкзак с дырочками для глаза и объектива и снимал из-за широкой Лехиной спины, чтобы не попасться на глаза полисмену и не вылететь домой раньше срока. Но аккумулятор от камеры болтался у меня на плече, и однажды ушлый какой-то торговец грошовыми сувенирами ткнул в него пальцем:

– Аккумулятор? Кино снимаете?

– Нет! – говорю. – Какой-такой аккумулятор! Радио.

---

* О М.Заплатине см. в очерке В.Петухова «Рядом с героем – сам герой» («Веси» №№ 9, 10 за 2019 г.).

– Не-е! – погрозил тут непалец пальцем. – Я знаю! Продай.

– Зачем тебе? – удивился я.

– Дома электричества нету.

Мы с Лехой потихоньку попятились в сторону темных переулков, коих в Катманду пруд пруди. Местный за нами.

Должен сказать, что в Непале можно вести себя, как в голову придет. Нельзя только обижать священных животных и местных жителей. Сроки дают большие: за корову убитую – 20 лет, за человека – десять.

Идем мы по какому-то гадкому закоулку, попутчик наш все хвастается, что киноаппаратуру нашу разгадал, поэтому мы должны продать ему аккумулятор.

Леха начал каменеть лицом:

– Славик, ты скажи ему, чтоб отваливал. Мы ж без электричества тоже не можем.

Леха по-английски слабо изъяснялся, поэтому просил меня переводить. Местные, если пристанут, то могут за пять центов полгорода за тобой тащиться. Наконец, мы зашли в очень паршивый тупичок. Остановились. Я прищурился и культурно спрашиваю:

– Почем бусы у тебя, друг?

Непалец улыбается и тычет пальцем в аккумулятор. Мы сурово качаем головами. Непалец обнаглел:

– Вы почему незаконно кино снимаете?

– Славик, чего он бубнит?!

Я Лехе перевожу – Леха рассердился и поднес свой кулачище к носу вымогателя:

– Вот это видал?

Непалец струхнул – он же не из касты воинов. Так, побирушка в сороковом колене.

– Ладно, – говорю я дружелюбней. – Ты же, наверное, коммунист?

Кинолюбитель закивал. Я говорю Лехе:

– Все они тут коммунисты на китайский манер. Ладно, товарищ, мы у тебя бусики гранатовые возьмем, как русские коммунисты.

– Десять штук, – согласился маоист.

– Вот сволочь, а ещё партийный, – улыбнулся Леха. Про бусы он понял. Сторговались на четырех. А чего? Нам же подарки из-за границы все равно нужны.

Какую я, все-таки, хорошую книжку придумал: «О моих друзьях». Я могу дописывать ее бесконечно о старых и новых друзьях, если бог даст пожить еще и встретить хороших людей на своем пути. Вот Леха – братан. Сколько я его не видел? Лет десять? Точно! Как один день прошли, будто, вчера было. Так и вся жизнь: страшно, красиво и быстро. Я один раз на Кавказе видел грозу. Мы с ребятами сидели на перевале на трех тысячах метров, а внизу под нашими ногами в черной туче ежесекундно вспыхивали молнии. Грохотало, как, вероятно, на Курской дуге в 43-м. Над нами светило жаркое летнее солнце, но лед и снег под ногами холодил по-зимнему. Сколько всего разного в одном месте и времени. Столько, дай бог, обычному человеку в городской жизни за сто лет не увидать.

– Хорошо, что мы тут, – многозначительно изрек Костя Мержоев, мой дружок.

ЛЕПРОЗОРИЙ

Альпинисты – не спортсмены. Они – жизни разновидность, а не спорт вам на стадиончике. Это я не сразу понял. Поначалу было удивительно, но заслуженные мастера выпивали ежедневно, ожидая разрешения властей на выход в горы.

Мы с Лехой опять пошли кино снимать. Неймется мне, хорошо, что Леха устал за столом с ветеранами сидеть и со мной без цели болтался по столице королевства. Пошли мы с ним с утречка после законного халявного завтрака в отеле снимать похоронный ритуал в храм богини Пашупати. Топать километров восемь. Можно за пару долларов на велорикше доехать, но мы же советские еще пацаны, и нам стыдно на людях ездить. Тем более, видали бы вы тех велосипедистов. Наши ветераны горных круч по ночам оригинальные велогонки устраивали: дадут рикшам по паре зеленых, посадят их в коляску, а сами за руль – и по ночному городу на перегонки соревноваться. Непальцы со страху ревут, альпинисты могучими своими копытами на педали давят.

– Сахиб, сахиб! Ай-ай-ай! Потише езди! Цепь старая, – умоляют рикши.

– Не боись! Я ж мастер спорта Советского Союза, мать твою!

Редко, когда велосипеды непальские не рассыпались, но наши платили, и рикшам хватало. А сами мы пассажирами не ездили: лучше пешком, гуманнее.

Долго-коротко, приперлись мы с Лехой в храм Пашупати. Место удивительное! Только ради него одного можно поехать в Непал. Еще, конечно, манго. Если в сезон доллар килограмм! Я такого манго ни до, ни после не ел. Вижу манго – думаю: Непал. Такая вот ассоциация. Ладно. Опять я не о том! Пришли в храм. Надо осмотреться, а то пленки мало, от пупа веером нельзя.

Выбрал место съемки напротив погребальных костров как раз через речку метров 40, не дальше. Камеру в рюкзаке на скамейку поставил, к Лехе прижал для устойчивости. Аккумулятор подключил, в видоискатель заглянул – кадр выстроил (там как раз старушонку в саване на дрова укладывали). Померил экспозицию. Снимаю. «Конвас», камера моя советская, очень похожа на автомат Калашникова, когда работает. Ой, грохочет же она, зараза!

– Славик, опять какой-то внимательный наблюдатель нашелся, – шепчет Леха.

– Где? – не отвлекаясь от работы, спрашиваю я.

– Вон через три скамейки.

Остановил я временно съемку, глаз в сторону скосил. Точно! Сидит такой приличный бой в белой рубашке и даже в галстуке и за нами сечет, однозначно.

– Не похож на мента, – шепчет Леха. – Опять будем бусы покупать...

– Хрен с ними! Нам еще с десяток кадров набрать – и хватит, – отвечаю я.

Работаем дальше, точки меняем, ждем, когда бабушка догорит. Снимаем пока ее родню, что у костра погребального чинно расселись и не плачет совсем, так как рада, что бабуся отмучалась и отправилась в другое тело, согласно карме своей, а может быть, даже слилась воедино с верховным божеством (в хорошем смысле слова).

Сгорела бабушка дотла. Служитель Храма, одетый в кусок бе-

лой тряпки, спихнул пепел и угли в священную реку. Родственники встали и молча ушли. Мы с Лехой сняли еще, как ниже по течению местные жители стирают белье и моют посуду в мутной речке, не гнушаясь останками с костра умерших, что плывут мимо в далекий Индийский океан. Всё, снято. Я спрятал аккумулятор в Лехин рюкзак – мы ж ученые, второго раза не будет.

– Господа, – слышу я вежливый голос сзади и снизу.

– Вы разрешите рассказать вам о храме Пашупати?

Это молодой наблюдатель в галстуке тихо подкрался к нам с Лехой. Вблизи он оказался совсем пацаном лет семнадцати. Одежонка его при рассмотрении не производила впечатления – очень застиранная и заношенная. Даже черный галстук по краям протерся до дыр и выцвел, видать, на помойке найден.

– Денег нет, дружище, – отвечаю. – Все на сувениры ушли.

– Чего ему? – спросил Леха.

– Экскурсию хочет провести.

Леха выкрутил карманы своих шорт на глазах самозваного провожатого. Парнишка замахал руками и возмущенно закачал головой:

– Что вы! Бесплатно. Я здесь работаю, хочу стать гидом. В свободное время практикуюсь.

– Бесплатно будем?

Леха пожал плечами:

– Да пусть расскажет, если хочет. Зачем человека обижать?

И мы пошли. Храм, надо сказать, здоровенный. Даже не храм, а комплекс храмов. Но индуисты злые, чужих внутрь не пускают, так что ходишь снаружи, изучаешь архитектуру и народ. Жарко. Скучно. Скоро надоело. К тому же оказалось, что гид наш по-английски говорит еле-еле, как почти все в Непале, а о храме ничего практически не знает. Через пень колоду читает нам тексты с плакатов, что кругом натыканы для просвещения туристов. Это я и сам могу делать лучше его. Но мы с Лехой – наши советские люди. Нам не жалко – пусть пацан практикуется. Хотя терпение, все-таки, не резиновое. Через часок мы утомились окончательно.

– Пошли домой, Славик, – заныл Леха. – Еще топать полгорода.

Я согласился без колебания.

– Гуд бай, – говорю нашему поводырю. – Спасибо за содержательную лекцию.

Пожали мы шершавую ладошку молодого человека, сказали «спасибо», а он вдруг встал в балетную позу и говорит, как по-написанному:

– Господа, я работаю смотрителем вот в этом лепрозории. Пятьсот больных проказой живут здесь на пожертвования добрых людей. Прошу вас оказать нам помощь в содержании лечебницы.

Я перевел Лехе, и у него тоже отвалилась челюсть.

– А мы ему руки жали... – только и сказал Леха.

Мы оглядели мрачное серое здание с заколоченными окнами, высоченным забором вокруг дома и широкого двора.

– Пятьсот человек? Ни хрена себе, Леха-братан?

Служитель лепрозория сделал постное лицо, сложил ручки на груди по-непальски:

– Пожертвуйте, пожалуйста, двести долларов.

– Сколько!? – заорали мы с Лехой во всю нашу мощь.

– Двести, – спокойно повторил наш недавний гид. – Экскурсия бесплатно.

– Двести? – переспросил я. – Бесплатно, говоришь? Да ты знаешь, кто мы? Мы тебе что, американцы что ли? Мы тебе баксы не рисуем. Хочешь, я тебе двести рублей дам?

Честный непалец отрицательно закрутил головой, продолжая скромно стоять, как фаллический символ, коих вокруг и кроме него достаточно, только каменных.

Леха опять посуровел. Наученный вчера, он достал сто рупий из кармана шорт, я добавил еще сотню – в сумме стало шесть долларов. Сунул в карман гиду. Тот еще и оскорбился! Мы пошли прочь, возмущенные сволочными порядками древнего народа. За нами, конечно, увязался гид, громко обвиняя нас в жадности. Отстал он только минут через пятнадцать.

Мы с Лехой закружились по храму в поисках выхода. Вдруг оказались снова у стен лепрозория.

– Славик, а проказа по воздуху передается?

– Хрен ее знает, если через прикосновение, то мы с тобой уже залетели.

– Во бля! – ругнулся Леха. – Ну, тогда хоть в дырку надо поглядеть на этих прокаженных.

Мы подошли к окнам, нашли мало-мальскую щель в плотных ставнях. Заглянули по очереди.

– Никого, – констатировал Леха.

– Ни одной живой души, – согласился я. – Дай-ка, я на тебя влезу, за забор гляну.

Взгромоздился я на Леху, смотрю через забор.

– Чего там? – Леха спрашивает.

Я слез на землю, вздохнул:

– Лохи мы с тобой, братан. Нету там никакого сифилитника.

Так вот мы с Лехой нагрелись. Хорошо, хоть похороны сняли. Идем обратно, видим: йоги сидят у ступы. Страшные, аж жуть: волосы никогда немытые метра по два на земле лежат, лица морщинистые красками расписаны, одеты мудрецы в тряпицы только вокруг тощих задниц. Леха «Зенит» достал и сфотографировал сдуру. Тут йог как вскочит и к нам бегом!

– Сто долларов! – кричит и руку тянет. Вши с его волос тоже к нам лапки навострили.

– Стой! – грозно гаркнул Леха.

Йог понял, близко не подходит. Стоит метра за три, ждет денег. Леха открыл фотоаппарат, достал кассету с пленкой и вытянул ее за конец на свет божий.

– Вот тебе, дарю! Сходи, йога, умойся, – по-русски, но понятно и йогу, сердито сказал Леха-братан, и мы гордо пошли дальше.

– Вот рожа! – не успокаивался Леха. – Йогам-то как не стыдно побираться? Еще мудрецы!

– Надо тебе, Леха, скрытой камерой снимать. Я тебя научу, – пообещал я.

– Нет, братан, в этом Непале денег не сэкономить. Вот увидишь, мы завтра на новое кидалово попадем. Я в Ташкенте бывал, там тоже хорошо, но здесь...

Как в воду Леха глядел. Но об этом позже, а сейчас давно пора о докторе Бычковском вспомнить. Серега, конечно, настоящий «эскулап». Потомок Гиппократа, не меньше.

ПОНОС ГОЛЛАНДСКИЙ

Пока мы до Аннапурны правдами и неправдами добирались, я все с Лехой кучковался. Мы с ним и кино снимали, и на обед ходили, и по магазинам копейки свои тратили, по утрам бегали. Но вот, пришли под гору, лагерь базовый установили, и тут оказалось, что я все время буду с доктором на пару в этом лагере торчать. Еще, конечно, трое непальцев обслуги, как положено по местным законам. Там без национальной рабочей силы в горы нельзя ходить. Это придумано, чтобы они хоть где-то копейку трудовую могли заработать. Но нам это нормально. Если в России я в поход иду, я сам и готовлю, и посуду мою, а в Непале я – сахиб. Меня пять раз в день слуги кормят. Если бы кислороду хватало, мы бы с доктором морды здоровенные наели, а так ничего, чуть только поглаже стали.

Аннапурна – гора красивая, что говорить. Особенно на рассвете. Солнце встает из-за гор напротив, и тень от них ползет по высоченной стене Аннапурны. Туристы к ней специально приходят рассвет посмотреть. Некоторые безоблачной погоды ждут неделю. Понятно: такая красота! Специально для эстетических туристов устроена лоджия – постоялый двор, где можно ночевать, обедать, греться, общаться. Правда, жилище чуть лучше сарая, но там и оно – рай пятизвездный.

Наш лагерь стоял метров на пятьсот выше, точно на месте, откуда лучше видно. Альпинисты на третий день по приходу собрались и отвалили прокладывать маршрут. Ушли дней на пять. Мы с доктором остались для красоты или на племя в лагере. А надо принять во внимание, что дело происходило в далеком 96-м году, российские олигархи еще не заполонили цивилизованный мир собой и своими деньгами. Поэтому всем туристам интересны еще русские герои-альпинисты. Тем более, что они такие крутые.

Ну, гости и пошли по одному и группами. Сначала мы с ними пили чай и их дары (я-то непьющий, но доктор Серёга могёт). Потом начали лечить. Холодно, простуда, ушибы, вывихи и т.д. А что делать? Врача-то километров на сто пятьдесят нету! Я перевожу, Серега лечит. Таблеток у нас много, альпинисты здоровенные, все равно столько не съедят. Однажды вечером мы с доктором в кают-компании пьем чай после ужина. Уже спать пора. Кто-то поскребся, вежливо спросил разрешения войти.

– Проходите, – говорю.

Вошел худощавый парень лет тридцати.

– Говорят, у вас доктор есть?

– Есть. Вот он, Сергей Иванович.

– Моей жене очень плохо. Я днем отправил шерпа вниз за вертолетом, но он будет дня через три, а ей стало гораздо хуже.

Я перевел Сереге – Серега клятву давал. Он пошел одеваться. Я тоже: я же переводчик. Пошли вниз в лоджию. Лоджия, кроме кают-компании квадратов в двадцать, не отапливалась. В маленьких клетушках с деревянными топчанами царил природный мороз градусов в 30. Для конца марта на такой высоте вполне сносные условия.

Молодая дама лежала на топчане в углу кают-компании под горой одеял и одежды. Ее колотила лихорадка. Когда мы вошли, разговоры туристов смолкли. Разномастные иностранцы восхищенно уставились на русских. Чувствовалось, что им страсть как любопытно. Но кто они такие, чтобы запросто общаться с супергероями-альпинистами, да еще и русскими. Мы с доктором вели себя вызывающе. Поздоровались по-русски со всеми оптом и сурово прошли в угол к больной.

Серега поглядел на нее, потрогал мокрый лоб, почувствовал дрожь. Спросил меня:

– Несет ее?

Я спросил у мужа культурно про диарею, тот утвердительно кивнул:

– Сейчас уже меньше – нечем: не ест второй день. Одна вода идет.

– Ага, – сказал Серега. – Все ясно. Водички где-нибудь внизу из ручейка попила. Амеба, без вариантов, ее работа.

Пациентка застонала, и муж повел ее на улицу до ветру.

– Так каждые двадцать минут, – сказал он нам у дверей.

– Вот, Славик, если бы не мы, изошла бы вся баба на дерьмо.

Доктор Бычковский – сторонник сильного, даже молниеносного лечения. Если пациент переживет его метод, значит, будет жить долго, но умрет в страшных мучениях, как все мы в свой положенный срок. Так Серега всегда успокаивает своих заболевших альпинистов. С амебой он встречался не в первый раз. Поэтому мы дали мужу-бедолаге регидрон для восстановления ее утраченных с поносом солей, прописали диету. Доктор достал из кармана шприц и коробку с ампулами, сделал укол. Зрители и пострадавшие с ужасом и болезненным интересом наблюдали за его священнодействиями. Доктор при этом невозмутимо разговаривал с ними по-русски. Туристам нравилось.

– Да, дорогие товарищи, на ее месте могли оказаться вы, – Серега сдвинул могучие брови над синими, глубоко по-медвежьи сидящими, глазами. – Будете по горам без инструктора шагать, чайники вы такие, жопы себе на гололеде порасшибаете, я вас потом на халяву ремонтируй, так что ли?

Всё, наконец, процедуры и рекомендации закончились. Жители лоджии загудели, замахали призывно руками. Так мы с доктором и провели вечерок. Я не пью, только плотно закусываю, но доктор Серега очень любит виски. Нам наливали, причем каждый из двух десятков гостей Аннапурны мечтал выпить с русским врачом. Муж больной хотел денег заплатить, но русские денег не берут.

– О-о-о! – сказал восхищенный муж. – Русский доктор молодец! А что он ей вколол?

– Серега, чего ты ей вколол? – перевел я.

Доктор подвигал бровями, хлебнул непальской подделки под виски:

– Я каждый раз в экспедицию новые антибиотики беру. Эта амеба – страшная сила. Ее чем попало, не убьешь. Средство должно быть надежное. Правда, амебу мы вышибем, но здоровье ей подорвем. Ничего, из двух зол надо выбирать меньшее. Она молодая, небось, не помрет, через месяц очухается.

Я перевел мужу альпинистские принципы лечения или выжива-

ния, если хотите. Парень с уважением покачал головой.

– Откуда вы, дружище? – спросил я.

– Из Роттердама, Голландия, – ответил он.

Веселье продолжалось. Доктор уже пел песню про умирающего казака – он любил фольклор и здорово плясал в присядку. Иностранцам нравилось. Им рассказывали о русском характере – теперь они сами увидели.

На следующий день началось. Погода с утра опять случилась нелетная, и контингент из лоджии в приличном количестве развлекался, как умел. К нам приперлись два сорокалетних русскоговорящих болгарина с сувенирами а ля «Плиска». Мы развлекались дружеской беседой типа: а на хрена вы, братья, в НАТО лезете? Позорно с нашими врагами дружить!

Болгары отнекивались: мол, они не виноваты, и их не спросили. Тут принесли какого-то француза. Он скатился по склону метров триста вниз и ударился задом о торчащий из снега валун: доктор как в воду глядел. Щупали мы французский зад, щупали, но перелома не нашли. Намазали йодом, дали обезболивающего. Вечером пошли к голландцам. Дама ожила, кушала с аппетитом рис без ничего, пила регидрон. Какать не хотела. Серега вкатил ей еще разок свой убойный антибиотик. Сказал:

– Завтра еще укол.

Мы снова повеселились и в этот вечер. С туристами хорошо и интересно, если знать английский, хотя бы так, как я. Плохие люди к Аннапурне не пойдут. Чего деньги тратить неизвестно зачем? Красота, видите ли!

Утром, как обычно, на рассвете старший слуга Шылдым поскреб в палатку:

– Доброе утро, сэр.

– Доброе утро, Шылдым.

– Чай, кофе, сэр?

– Чай.

– Черный?

– Да.

– С молоком?

– Да.

Пока Шылдым наливал чай и молоко, спрашивал о сахаре, я вылез из спальника. В палатке и снаружи было градусов под 30 мороза – так что я спал одетым. Наш начальник экспедиции Сергей Ефимов, хоть и великий альпинист, но жмот. Не обеспечил он киношника своего пуховым спальником – вот я и дубел по ночам, даже надев весь свой гардероб. Дубел до тех пор, пока друг Валера Першин не сжалился и не дал поносить пуховые штаны. Тогда я и постиг, что такое счастье.

Взял я культурно у слуги чашку парящего горячего чая с печенькой и вылез наружу.

Мать честная! Солнце осветило бескрайнюю махину Аннапурны оранжевым светом, тени зримо двигались по стене, создавая иллюзию живого гигантского тела ленивого доисторического ящера. Человек сорок застыли в немом восторге, наблюдая величественное пробуждение мира. Доктор тоже вылез из своего вызывающего зависть толстенного пухового спальника. Мы стояли в толпе зевак, пили чай с молоком. Вот она, жизнь!

В 12 часов прилетел вертолет. Голландский друг с выпученными глазами прибежал прощаться. Мы пожали ему руку, похлопали по плечам. Серега дал на дорожку ампулу антибиотика, третью.

– Что делать? Мне же теперь вертолет по страховке не оплатят! Жена выздоровела, – сказал и убежал.

Мы с доктором, ведь, правда, не виноваты. Так вышло.

– Хрена ли ему, полторы тыщи баксов жалко, что ли? Она легко могла кровавым поносом изойти. Мы ему жену спасли, а он о деньгах думает, – обиделся Серега.

– На здоровье не экономят, если деньги есть, – поддакнул я.

История с медобслуживанием так благополучно не кончилась. На следующий день после обеда вернулись горнопроходцы из первого выхода. Небритые, воняющие высотным благородным потом, они мгновенно привели себя в порядок. Плотно поужинали. И как не выражал свое негативное отношение Сергей Ефимов, все – и ветераны, и молодые отвалили маленько погудеть в лоджию, где были в наличии скромные вредные радости цивилизации. Конечно, вечер прошел в бесконечных братаниях и песнопениях. Наши альпинисты, если они настоящие, без гитары в горы не ходят. Всегда есть запевала, остальные на подпевке. Я столько в жизни не пел, даже в армии, сколько напел в Гималаях за два месяца

Следующий день был ясный и солнечный. Ко второму завтраку утренние минус 30 сменились на плюс 30. Мы сидели в нашей большущей палатке кают-компании в одних трусах и что-то жевали и пили. Вдруг снаружи зашумело и захохотало не по-русски, и тут же в палатку, отодвинув Шылдыма в сторону, ворвалась компания японских туристок с фотоаппаратами. Одна самая наглая баба лет пятидесяти уселась Ефимову на колени, другие кинулись обнимать остальных. Минут пять продолжалась фотосессия с русскими суперменами. Японки бубнили что-то по-своему, похабно хохотали, обнимая могучие торсы полуголых альпинистов, по очереди ослепляя нас вспышками. Наконец они отвалили дальше искать, видимо, точки съемки.

У Сергея Ефимова, великого покорителя Эвереста 82-го года, даже веснушки на спине побелели от ярости.

– Это вы здесь богадельню из базового лагеря устроили! – заорал он на нас с доктором. – Я вам, вашу мать! И т. д...

Мы виновато опустили глаза – правда глаза режет. Вы поняли? Нам попало, и нам запретили вести общественный прием. Ефимов надел штаны, пошел бороться с разложением команды. В горах дисциплина – важная деталь успеха. Тем более, что мы же известно, какого воспитания ребята. Командир велел – мы пошли на амбразуры. Командир наш на больших кусках картона от макаронных коробок красным фломастером написал по-английски: «Территория арендована Российской экспедицией. Вход запрещен».

Надо было еще написать: «Поймаю, заставлю харакири сделать», – лучше бы сработало. Он развесил свои объявления на тропинках в наши владения со стороны лоджии. Наши друзья-туристы, идущие по привычке в гости, скисали лицом, прочитав объявления, и грустно топтались, выглядывая нас с доктором. А мы стыдливо

прятали глаза и, молча, бродили метрах в пятидесяти от остального человечества. Прямо как СССР и Европа. Нельзя друг к другу, хоть ты что!

Один хитрый англичанин обошел лагерь кругом и заявился со стороны, где не было границы. Его поймали и выгнали, а Сергей Борисович нарисовал еще один плакат. Так закрылась высокогорная лечебница или, еще точнее, гуманитарная миссия России в Гималаях.

– Ты сюда, Сергей Иванович, – сказал Ефимов доктору, резюмируя, – не понос голландский лечить приехал.

У АМЕРИКАНЦЕВ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ТОЖЕ ЕСТЬ

Мы из Е-бурга выезжали на поезде. Тогда еще не было запрета на большой багаж. У нас было три купе на девять человек, а барахла не меньше тонны. Поезд пришел из Москвы, проводница пикнуть не успела, как шайка здоровых дядек, выстроившись цепочкой, в три минуты упаковала горы рюкзаков и баулов так, что их почти не было видно из коридора купейного вагона. После этого каждый пошел прощаться со своими родными и близкими.

Меня провожала жена. Я уже много где побывал к тому времени: и в экспедициях, и в больницах, и сверхмарафонов набегал, а с такими брутальными мужиками она меня еще никуда не отпускала. Я заметил, что супруга здорово напугалась и, наконец, поняла, что я еду куда-то к чертовой матери. Мы обнялись на прощание, Наталья бросила испепеляющий финальный взгляд на моих попутчиков. Поезд дал гудок, обратной дороги не было.

– Ну, будь мужчиной, – попрощалась Наталья, и я уехал.

Проверка мужества началась с акклиматизации. Климат – он ведь очень разный в разных местах. Зима вначале всегда кажется холодной. Пока не привыкнешь. А весной и десять градусов тепла – жарища. Полная акклиматизация происходит примерно три недели.

В долинах мы привыкали к жаре. Поднявшись своими ногами в базовый лагерь, начали постепенно привыкать к холоду и высоте. Для русского человека с Урала холод не самая большая проблема. Мне большее неудобство доставила высота под 4500. Все-таки, почти Монблан.

Высота вначале сильно бьет по организму. Не то чтобы я чувствовал слабость, вялость. Хотя, если бы пришлось по-настоящему напрячься, наверное, стало сложно. Через пару дней я почувствовал, что голова маловата для головного мозга. Это мозг еще не привык к меньшему атмосферному давлению и при отсутствии нормы сильнее давил на череп изнутри. Голова, естественно, болела. Через какое-то время давление нормализовалось.

Нехватка кислорода проявилась очень остроумно. Помню, удивился, когда не смог уснуть первый раз. Засыпая, человек начинает реже дышать, что происходит рефлекторно. Начинаешь реже дышать, а кислорода-то мало! И что? Задыхаешься! Вот я засыпал, укрывшись всем, что у меня было от дикого ночного мороза, начинал дышать реже и мгновенно чувствовал нехватку кислорода. От чего просыпался сразу же и хватал судорожно воздух, пытаясь компенсировать его «жидковатость»! Отдышавшись, засыпал снова и опять задыхался. Эта радость тоже кончилась, когда тело стало вырабатывать больше гемоглобина.

Вот они – испытания моего мужества: сижу в обнимку с Лехой-братаном в лоджии на высоте 4500 метров, под столом в ногах жаровня с углями для тепла. Мы тут круто отдыхаем и песни поем. Песни все какие-то громкие и агрессивные. Если русского не знать – можно подумать, что мы всем кузькину мать обещаем показать, по меньшей мере, как незабвенный Никита Сергеевич Хрущев в ООН.

Юра Ермачек – замечательный певец. Правда, кое-кто из группы говорил, что бывают лучше, но я не верю. Главное, Юрка это дело очень любит. Когда он возвращался с горы в базовый лагерь после 5–6 дней выхода, он первым делом хватал гитару, которую не носил наверх, и минут двадцать судорожно играл в своей маленькой палатке. И только потом приводил себя в порядок и пил чай.

Он пел казачьи песни Розенбаума и много туристических песен, хороших и не очень. Я тоже ему подпевал, хотя певец я еще тот! Розенбаум по-юркиному мне нравится больше оригинала.

Без таких артистов в экспедиции ходить категорически нельзя – будет слишком тихо.

Погода, я уже говорил, изменилась в лучшую сторону. Поэтому любители горных рассветов менялись ежедневно, подолгу не задерживаясь. Поглядел рассвет – и дуй вниз. Нечего тут торчать. Новички ничего про русского врача не знали, поэтому в запретный лагерь не просились.

Леха-братан – парень что надо! Одной силы, как у тибетского яка. Только, если поддаст, я бы не советовал ему не понравиться. Дури у него не меньше, чем силы. Это я – вот по какому поводу. Уже второй вечер наша бригада отдыхала после выхода в гору. Они честно устроили первый и второй лагеря, добрались до высоты около шести километров. Теперь восстанавливали пивом потерянную на высоте воду. Туризм в горах, по-английски – трекинг. Трекеров новых привалило – вот мы с ними и общались. Мне, непьющему, иногда надоедало, и я отваливал в палатку к себе – книжку почитать. Я взял с собой «Братьев Карамазовых», а остальные – разную бульварную муру. Все были должны по договоренности взять по одной книге, чтобы меняться. Типа десять книг – библиотека, но свое суперлегкое чтиво они освоили еще в дороге. Чего там читать-то: трах-бах, он ей засадил?

– Быстрей читай, чего тянешь!?

Но я кайфовал над каждым словом и никуда не спешил, знал, что потом нечего будет листать. Вот лежу я в палатке и под чаек Достоевским наслаждаюсь. Леха приперся весьма навеселе.

– Славик, я тебе бабу нашел!

Я удивился, Достоевского отложил:

– Почему не себе?

Леха не ждал, похоже, такого глупого вопроса.

– Ты чего, я по-английски ни бум-бум!

– А там ничего и говорить не надо, хрена ли болтать!

Леха помялся:

– Я американцев не люблю.

Я ухмыльнулся:

– Значит, американка? А я что, по-твоему, люблю их, что ли?

– Пойдем! Хоть посмотришь.

Достоевский и правда никуда не убежит – решил я.

В прокопченной утробе лоджии было тепло и темно. При свете двух-трех керосиновых ламп шло оживленное времяпровождение. На низком столике уже накопилось порядочное количество бутылок – и пустых, и полных.

Отдельно надо сказать о бутылках в этом весьма отдаленном месте. В Непале нет проблем с алкоголем. Само население не очень-то пьет, но, так как страна живет туризмом, для гостей есть всё. В семидесятые годы Союз построил в Катманду ликероводочный завод. Поэтому крепкое пойло в 96-м году разливали в бутылки типа «Чебурашка». Кто давно живет – помнит такие. Водка местная была, если не путаю, два доллара за флакон. Еще было местное виски в бутылках по литру. И пиво «Туборг» по 650 граммов пузырь ценой около доллара в долине. Наверх все это благо таскали портеры. До нашего лагеря они брали доллар за кило. Получалось всего, что бутылка, перенесенная на чьем-то горбу сотню километров вверх, по горам и льдам, стоила всего в два раза дороже, чем внизу. Аннапурна – очень хороший восьмитысячник, не то, что другие, где всё, что хочешь, тащи сразу сам.

Мы с Лехой ввалились в разгар веселья. Девок было много. Одна сразу подошла к нам, и по ее взгляду я понял, что братан ей нравится и без меня. Чего он придумал, мой скромный друг? Сели за стол в плотную компанию плечом к плечу, как в интернационале. Никто не делился по классам, странам и военным блокам. Мирно и хорошо.

Леха беседовал с американкой, которая сидела между нами. Это очень смешно, если последить, как мы крутили головами. Между тем «Туборг» лился рекой. Наш Юрка заливался и гремел струнами гитары. Кто хотел – подпевал. Кстати, в компании была большая группа израильских дембелей – и мужики, и девки. Они там все служат по два года, а в качестве награды от Родины получают отпуск в любой стране мира, куда евреев пускают. Некоторые дембеля по-русски говорили не хуже нашего. Чего они в нашей-то армии не любят служить? Вот у меня в роте, где я служил, ни одного еврея не было.

Пока мы знакомились и приглядывались, откуда-то из дальнего кубрика лоджии вышел молодой мордастый мужик, опухший от сна.

– Чего орете так громко? – недовольно буркнул он по-английски и уселся на свободное место в противоположном от нас углу.

Американская подружка сказала:

– Это мой муж, – и ускакала к нему.

Леха удивился:

– Куда это она?

– Это муж ее, братан, – перевел я последнюю фразу несостоявшейся подружки.

– Вот это облом! – обиделся Леха и стал налегать на напитки.

Из еды в таких местах чаще всего дают яичницу, кашу и национальные лепешки – чапати. Я пил чай с молоком и хрустел лепешкой. Под водочку лепешка – слабовато. Братан у меня закосел, а я уже знал, что Леха по пьянке может набуровить.

– Славик, мы уже второй месяц в Непале, а до сих пор морду никому не набили. Бардак.

Я начал отводить грозу, отвлекать Леху от его контрпродуктивных идей, но делал это, видимо, бездарно. Леха не отвлекался:

– Не нравится мне этот американец, рожа буржуйская. Славик, давай ему в глаз дадим?

– Леха, ну его на хрен! Что ты докапался. Я не буду его бить.

– Ты чего! Как не будешь!? Он у нас бабу увел, гад.

– Это его баба, Леха, не наша. Я ее первый раз вижу.

Мы с Лехой так вот долго препирались в своем углу. Тут Юрка закончил очередную песню. Американец попросил гитару и заиграл сначала что-то в стиле кантри, чем опять раздразнил моего братана Леху, а потом резко перешел на нормальную музыку и запел по-русски романс, сейчас не помню уже какой. Наши все замолкли и уставились на американца. Тот допел, вернул гитару Юрке и объяснился на ломаном русском (говорил он хуже, чем пел):

– Я есть русский. Мой прадед приехать в Америка после революшн.

– А! – сказал доктор, сидевший рядом с ним. – Дак ты свой!

Началось поголовное братание. Тем более что американец Фролофф оказался очень богатым и не жадным. Банкет дальше пошел за его счет.

Американская жена все время бросала нам взгляды, но финита, ее поезд ушел.

Леха загрустил. Я спросил братана о причине перемены настроения:

– А-А, чего там! Опять облом: баба замужняя, американец – русский. Даже морду не набьешь.

Я еще посидел, пока не надоело, и ушел Достоевского читать. Говорят, что вечер прошел на отлично. Леха с американцем очень подружились, все пили на брудершафт, пока могли.

Назавтра туристы посмотрели утреннюю зарю и ушли вниз. Нашим музыкантам и певцам было пора топать на второй выход – прокладывать путь дальше. Все стихло в нашей с доктором Серегой лагерной жизни.

ЗУБ

Немного о климате. Непал – страна тропическая, но тропики попадаются разные. Я бывал в стране Туркменистан летом. Сухие тропики в июле – это круто. Как там классно! Я жил в пустыне при плюс 50 градусах. Остался жив – значит, рядом была вода. Непал – совсем другие тропики: в долинах жарко и иногда в дождливый сезон очень мокро. Внизу все цветет и зреет круглый год. Но тропики на высоте 8000 метров уже похожи на Северный полюс. Я был на островах Северная земля в Ледовитом океане в начале марта. Минус 45 градусов с ветром, поверьте, это чудесное приключение. Прямо ждешь, не дождешься, когда оно кончится. Получается,

Фото из архивов В.Петухова и его друзей.

Nepal

что Непал есть Туркестан и Северный полюс в одном флаконе. Гремучая смесь.

Мы пошли к Аннапурне с высоты 800 метров над уровнем моря. Начали под палящим солнцем среди тропических садов. Вырядились в трусы и майки. Взяли легкие рюкзаки килограммов по 20 и отправились наверх. Перед этим загрузили вертолет Ми-8 под завязку экспедиционным снаряжением, и в сопровождении двух шерпов он улетел в базовый лагерь. Третий шерп привел два десятка деревенских мужичков и баб, готовых утащить в лагерь невлезший в вертолет груз, коего осталось около тонны. Эти люди очень хотели получить работу. С деньгами у них трудно. В 96-м в Непале считалось нормой 20 баксов в месяц.

Очень интересно рассчитывалась зарплата носильщиков: одна ходка с одним грузом 30 кг – 2 бакса. До Аннапурны считалось почему-то 8 ходок. Значит, 30 кг на 8 ходок на 2 доллара = 16 долларов и еще 16 – обратно налегке. Хозяин не платит за еду, ночлег, спецодежду. Груз местные переносят, закрепив его веревочной петлей на лбу. Ящики или рюкзаки висят за спиной, оставляя руки свободными. Некоторые из наших портеров оказались профессионалами, они взяли по два груза – 60 кг. Кошмар! Это ж все надо тащить 100 км в гору по камням и льдам. Портеры, как и все население Непала, не дотягивали сами до 60 кг весу, росточку они примерно метр шестьдесят, но сделаны, будто из стальных жгутов – сухие и мускулистые. Все носильщики принадлежали к очень низкой касте. Их вел наш наемный шерп – Нури, который перед сахибами (нами) терял дар речи от благоговения, но носильщики перед нами буквально простирались ниц. Слава Богу, у нас свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, избавившая 3–4 поколения людей в нашей стране от подобного отношения.

Носильщики несли с собой по килограмму риса на сутки. Его они только и ели, сварив на костре, два раза в день. Иногда они приправляли рис какими-то дикими съедобными травами, росшими вдоль тропы. Мне всегда было почему-то стыдно за себя. Они ведь на несколько дней влились в наш колхоз, а я привык делить все поровну. Думаю, не я один. Трудно привыкнуть ставить себя выше ближних. Успокаивало только, что не я это придумал, а портеры не считали меня виноватым. Наоборот, они кланялись и уступали с заискивающими улыбками тропу, если мы их обгоняли со своими легкими ношами на плечах.

К чему я это все рассказал? Во-первых, я рассказываю о вещах, удививших меня. Значит, другим тоже должно быть интересно. Во-вторых, я, трекингуя до Аннапурны, простыл. За полгода до этого я пережил гепатит и, конечно, иммунитетик у меня еще был не ахти какой. Чуть повыше забрались, ветерок с ледяных вершин подул – и я готов. Начальник экспедиции и доктор быстро поставили меня на ноги: полстакана горячего рома смешать с полстаканом горячего чая, пару таблеток парацетамола – вот это вылечило меня в пути. Но болезнь не прошла, а затаилась на время. И когда команда отправилась во второй выход, простуда ударила по зубам. В прямом смысле этого слова. Был у меня тогда один памятный зубик. Он первый из моих потерянных. Еще году в 78-м мы с моим югославским другом Славишей снимали ему в маленьком ВГИКовском павильоне учебное кино по освещению. Я играл югославского партизана, вернувшегося с войны. Славиша притаранил бутерброды с докторской колбасой, и в перерыве съемок мы их уплетали с чаем. Вот, как сейчас, вижу: кружок тонко отрезанной колбаски на тонком кусочке московского батона. Жуем, болтаем о чем-то. Вдруг, хрусть! И боль... Что такое? Камень в батоне! Вот тебе и знак качества! Ползуба как не бывало. Этот зуб сначала гнил, так сказать, естественно. Перед армией в 82-м заставили сделать пломбу, потом она выпала. Зуб чистили, пилили, лечили, он почти исчез, но к 96-му году с помощью каких-то проволочек, цемента и еще не знаю чего, он был еще на своем месте уже в виде трупа с убитыми нервами. Встал я как-то, раз с утречка, и начальник шерпов Шылдым меня не узнал – морду мне с одной стороны разнесло, любо-дорого смотреть.

– Что с вами, сахиб?

Вот тебе и «сахиб».

– Что делать будем, доктор?

Серега подвигал мохнатыми бровями:

– Болит?

– Нет пока, нерва-то нету.

– Заболит, если еще распухнет. Давай, температуру померяем.

Померили. Повышенная оказалась температура.

– Ну, что? Пополощи хоть, что ли, фурацилином и иди-ка, полежи.

Так прошел день. К вечеру заболела голова, физиономия распухла, заныла челюсть. Ночь прошла разнообразно в попытках уснуть. На следующий день вернулись альпинисты из второго выхода. Сергей Ефимов – он начальник, он решил:

– Тут у нас зубных кабинетов нет. Вот тебе двести долларов – завтра пойдешь вниз. Доберешься до города, вырвешь зуб, вернешься обратно. Вот телефон страховой компании – пусть оплатят. Извини, вертолет на это дело не полагается. Нормальные альпинисты должны перед экспедицией со своими зубами сами разобраться. Здесь твой абсцесс может запросто кончиться летально. Я всегда с зубами конкретно поступаю. Во, гляди, ни одной пломбы.

Начальник открыл широко, как только смог, рот и показал свои здоровые и целые зубы. Все пятнадцать штук. Сергей Борисович не признавал пломбирование – источник скрытой вялотекущей инфекции и, чуть что, сразу вырывал прихворнувшие зубы. По сему, его любимой едой был долбат – отварной рис с чечевичной подливкой. Он это безобразие кушал пудами. Жевать-то не нужно.

Надо добавить, что в команде был еще один доктор – Женя Виноградский по кличке «Рэмбо». Он постарше меня аж на 12 лет. Уже тогда Женя был седой пятидесятилетний ветеран. Как-то раз во время отбора в экспедицию 82 года на восьмитысячник Макалу, он сам себе вырвал на Эльбрусе зуб. Там был целый комплекс тестов. Команду отбирали из пяти десятков «снежных барсов», и перед десятикилометровым кроссом на

высоте 5000 метров у Жени вылез флюс. Всё! Снимут с отбора. А тогда поехать в Гималаи было, все равно, что в космос слетать.

В ночь перед стартом с помощью шелковой дратвы Женя вырвал себе больной зуб. Он же – «Рэмбо», если надо, он и аппендицит себе без наркоза вырежет. На следующий день, облегчившись на один зуб, он прошел в команду.

– Ну и как тебе зуб вырвать без наркоза удалось? – спрашиваю я.

– Нормально. Только руки все ниткой изрезал.

Женя и Серега-доктор с утра пошептались с начальником.

– Может, вырвем сами? – ласково спросил мой друг – доктор Серега.

– А ты сможешь?

– Женя поможет, если что.

– Ладно, давай, – без энтузиазма, но с надеждой согласился я.

Вот и случай побыть мужчиной подвернулся. Было солнечное гималайское утро. Мы отправились за кают-компанию. Леха-братан увязался с нами. Он всегда там, где трудно. Такой он человек – настоящий комсомолец. Мы взяли ящики, на которые уселись. Доктор продезинфицировал спиртом маленькие плоскозубцы из набора слесарных инструментов. Потом достал шприц, ледокаин.

– Жека, ты знаешь, куда ставить надо?

– Нет, не знаю.

– Ну, ладно. Славик, ты давай сам подсказывай. Ты почувствуешь, если я правильно попаду или неправильно.

Серега брызнул из шприца вверх, я открыл рот пошире. Леха сказал:

– О-о-о-х! – и побледнел.

С первого раза доктор засадил куда-то мимо, но больно. Через несколько минут ожидания он постучал по больному зубу.

– Ну, как? – с интересом поглядел на меня.

– Сильно больно, – у меня текли слезы из глаз, хотя, в целом, я держался.

– Повторим, – решил Серега.

На третьем уколе я сказал, что не больно, лишь бы отстали.

– В вырывании зубов, самое тяжелое – это укол, – поддакнул сердобольный Леха. Он знал.

Доктора изготовились рвать: Женя сел сзади и взял меня могучими руками за голову, чтобы не дергалась.

– Может, мне его за руки подержать? – предложил Леха врачам.

Серега подумал и кивнул:

– Давай

Леха сел сбоку и обхватил меня своей медвежьей хваткой. Теперь мне можно было ампутировать все, что угодно, а не то, что зуб. Рядом поставьте жену для контроля – даже не пикну.

– Открой рот, – скомандовал доктор.

Я открыл, Серега взялся за зуб, и только тут я почувствовал, что укол не совсем попал. Серега двумя руками нажал на крохотные плоскогубцы, потянул спиной и руками... Инструмент, клацнув, соскочил.

– Твою мать! – сказал доктор бесстрастно. – Попытка номер два.

Я уцепился руками за ящик, плотнее закрыл глаза и распахнул пошире рот. А что делать? Одному топать вниз и обратно, да еще, вдруг дантиста не найду человеческого.

Серега напрягся, встал на ноги, потянул всем телом. Женя технично тянул за уши на себя. Леха стонал от страха, но не разжимал объятий. Наконец, что-то затрещало в корнях моих челюстей. Я подумал: а вдруг не тот зуб тянут, но ничего не смог сказать. Зуб он, конечно, рос глубоко, но куда ему против нас всех – оторвался! Я облегченно вздохнул. Доктор Серега и ассистенты с научным интересом изучали экземпляр. Леха сказал:

– Какой он гадкий. Что там в корнях?

– Гноище! – ответил доктор, и все засмеялись.

Меня продезинфицировали и отпустили. Заботливый Леха проводил до палатки. Через полчаса флюс исчез, температура спала. Доктор осмотрел меня:

– Кажется, челюсть не сломали. Видишь, Славик, какие у тебя кости крепкие: втроем тянули, а голову так и не оторвали, носи пока.

Такие у меня душевные друзья. Если бы не они, я, может быть, от флюса того и скопытился. Говорят, можно легко от гнилого зуба на хорошей высоте кони двинуть. Или ласты склеить.

БРАТАН, ШТАТИВ СПАСИ, А?

Альпинизм – это не спорт. Это я и раньше слыхал, но до конца не понимал. В 93-м я ходил в экспедицию «Транс Кавказ» – кино снимать о туристах. Что горные туристы, что альпинисты – одна фигня для таких чайников, как я. Туристы только прут рюкзаки по полцентнера, мало едят и очень быстро ходят вдоль. Альпинисты ходят вверх-вниз, делают все, не спеша, носят помалу, едят помногу. Но те и другие готовы на всё.

На Кавказе был один турист по кличке «Сталин сегодня». Когда его только пригласили в экспедицию, он отозвал в сторону начальника и, стрельнув глазами по округе, шепотом спросил:

– Сколько народу в команде?

Начальник тихо ответил:

– Восемь человек с тобой стало.

– Мало. Надо еще троих взять.

– Зачем? – удивился начальник.

– Все не дойдут, – строго ответил «Сталин сегодня».

Вот такая физкультура. Это вам не шахматы, здесь гроссмейстеры учитывают процентовку вероятных потерь.

Я из другого спорта сумасшедших лошадей: сверхмарафона. Честно, я покойников на бегах видал пару раз – один раз в Москве на марафоне американец на финише помер у меня на глазах, другой – в Дании на скромном марафоне датчанин местный ласты склеил. Но это были точно чайники. Из крепких никто не умирает. А на Эверест ходят одни здоровенные дядьки, звери, а не люди. По марафонской логике с ними ничего не может произойти, но на деле под вершиной Эвереста, говорят, уже ногу некуда поставить – одни трупы под снегом. Простите за образ. Вот я с кем связался, прости Господи!

Серега Тимофеев отзывался на кличку «Тимоха». А чего? Нормальное название. Он небольшого роста, сутуловатый. Очень много курит. Я, как сторонник отказа от разных порабощающих привычек, этого не понимаю. Мастер спорта

курить не должен. А у них, альпинистов, даже заслуженные смолят.

Как-то я у доктора спросил, не выдержал:

– Серега, а Тимоха какую функцию несет в команде? Он вообще-то тянет?

– Тимоха – скалолаз первоклассный. Мало, что по стенке как паук ползает, он это может на восьми километрах делать без воздуха.

Я обратил внимание на Тимохины руки. Кисти рук и предплечья у него были как от другого мужика, огромного и здоровенного. Тимоха – он богатырь другой системы – маленький и с папиросой.

Прошло дней сорок работы. Валил снег, дул ветер, но стало много теплее, особенно по ночам. Наступило время, когда шеф решил, что можно и меня взять наверх. Сами понимаете, без высотных съемок «кина» не будет. Это, так сказать, теория. А практика? Представляю Валеру Першина, решившего пробежать 100 километров. Зная его нордический характер, скажу, что до финиша он не добежит – окочурится от силы воли. А что со мной? Ну, куда я лезу!? Валера Першин, капитан команды, взвесил мою аппаратуру – вышло 35 кило.

– Штатив можешь не брать?

Штатив был 14 кг весу (это сейчас у меня есть в два раза легче, японский, а тогда был родной, советский).

– Нет, Валера, не могу, – твердо сказал я.

– Я парней не буду заставлять твое железо таскать – им нельзя. Они работать должны, – грозно наехал капитан.

Не зря я дал ему кличку «Тиберий». Он натуральный римский император – жестокий и вероломный. Но народ взял понемногу и без просьб – кто объектив, кто кассету. Упаковали всё, как надо – получилось у каждого кило на три всего выше нормы. Только у меня с личным барахлом оказалось 30 кг. Леха-братан взял штатив. Такому бугаю оно не оттянет шею.

До выхода я не знал, сколько весит килограмм на высоте 5000 метров при 50% кислорода, если идти в гору под углом 30 градусов. Во, как задачку сформулировал, горжусь. Ответ: до хрена!

Идти до первого лагеря далеко, но не круто. Вышли после завтрака, рассчитывая засветло добраться до места. Обычно получалось быстрее, но с моими съемками по дороге, конечно, времени уйдет уйма. Доктору поручили идти за мной и приглядывать. До ледника, где нужно будет связаться страховочной веревкой, топать по морене – каменной реке из булыжников разного размера, плывущих на спине ледника вниз по горе. Любая гора сыплется, и камни текут вниз. Хоть это не видно обычным взглядом, но это так. У местной речки довольно высокие берега, местами пару-тройку сотен метров. Обрывы тоже состоят из камней, и те часто падают вниз. Есть камнепадные места, которые требуется преодолевать бегом, чтобы уменьшить шансы судьбы пришлепнуть тебя раньше срока.

Так вот, тащу я свой рюкзак, стараясь не засунуть нижнюю конечность между камней, а то сломается. Весь я такой собранный и напряженный, а тут из авангарда звучит команда: «Внимание!» Значит, сыплются с бортов морены маленькие и большие камни. Про большие говорят:

– Во! Какой сундук пролетел!

Камни, упав сверху, ударяются о собратьев, лежащих внизу, издают при этом сухой щелчок и дальше летят под разнообразными углами со свистом, как пули, в самых неожиданных направлениях. При попадании в человека может случиться все, что угодно. Можно даже остаться в живых.

При команде «внимание» я старался мчаться по морене со скоростью отраженного камня. В тот раз в меня не попало. Мы с доктором здорово отстали: ходить по морене я не мастер. Серега тогда еще курил. Представляю смешную такую картину: под свист камней один дядька с рюкзаком на спине мечется и мчится, падает и встает, потея как лошадь. Другой такой же, спокойно и невозмутимо покуривая, идет сзади с белогвардейской выправкой психической атаки из «Чапаева». Он же меня не мог бросить, поэтому рассчитывал на удачу. Кто его знает, теперь, на что он тогда рассчитывал, друг мой Серега.

Добрались-таки мы до ледника, поднялись выше камнепада. Там загорала вся наша команда. Нам тоже дали попить чайку, пожалели. После все надели специальную обвязку, прицепились друг к другу и ступили на засыпанный свежим снегом ледник. Порядок был такой: впереди Леха протаптывает целину снега, второй я, за мной остальные. Если я по дури своей провалюсь – множество людей сзади нас с Лехой вытащат. Валера Першин и другие опытные альпинисты внимательно смотрят вперед, дают Лехе подсказки, куда идти.

Несколько важных слов о Лехе. Он начал заниматься альпинизмом поздно, поэтому навык у него и техника были тогда слабые. Свои недостатки он компенсировал смелостью и силой. Еще он слушался старших командиров. Валера – капитан, дядька суровый, он Леху гнобил. Было, правда, за что.

– Леха! Ядрить твою корень! Кто так ходит? – кричал сзади Валера. – Первый должен идти так, чтобы в снегу после него оставалась ровная тропа. А ты на раскоряку несешься, за тобой не тропа, а дырки. Короче шагай. Куда пошел?! Да не туда, а вон туда. Там трещина. Шары разуй.

Бедный мой братан, он, наверное, гордился, что первый идет, а тут такое... Но шагал Леха очень широко и тропы за ним не было. Так что я шел тоже по метровому почти, мокрому снегу, не ощущая, что кто-то передо мной проторил дорогу.

Ледник Аннапурны похож на длинный высунутый изо льда язык. Он лежит на крутом скальном основании и от этой кривизны, собственной тяжести и весеннего солнца потрескался совершенно беспорядочно. Трещины разной ширины и очень глубоки – десятки, а то и сотни метров. Лучше не мерить. Мы шли, выбирая безопасный путь, узкие трещины перепрыгивали, шли зигзагами, разглядывая или угадывая под свежим белым снегом возможный проход. Леха угадывал дорогу плохо, на него орали. Я сильно боялся прыгать и переживал за Леху.

Прыгать на леднике трудно: на ногах «кошки» – железные зубья, прикрепленные к тяжелым пластмассовым ботинкам, на спине 30 кило рюкзака. Когда попадалась

очередная трещина, Леха прыгал, как лось, вставал на противоположном краю, упирался. За мной напрягалась команда, а я с места или с короткого разбега прыгал за Лехой. Потом быстро и непринужденно перебирались остальные. Теперь я не могу точно вспомнить, сколько мы шли, сколько раз я прыгал. Выше ледника у скал в беспорядке стояли ледяные башни – очень высокие. Разок я видел, как башня, только что стоявшая, вдруг осела с грохотом и ледяными останками посыпалась вниз. Шедший за мной Женя Виноградский сказал:

– Видишь, почему надо быстрее шевелиться? Быстрее идешь – меньше шансов под серак угодить.

Сераками некрасиво назывались тающие ледяные замки над нами.

В конце концов, мы ледник прошли. Тут я почувствовал жгучее желание поснимать кино. Такого нечеловеческого пейзажа я не встречал раньше: под ногами ледник, как панцирь старой черепахи, башни сераков, разбросанные гигантские валуны. Среди всего этого страха я пустил людей, маленьких и невзрачных муравьев, карабкающихся зачем-то в гору, снял несколько длинных кадров разными объективами, снял сыплющийся серак, грязный водопад. Пошел снег, хлопья медленно падали, пересекая кадр, контрастируя с серым грязным фоном – ледником. Получились лучшие кадры в моем фильме.

Я, довольный, сматывал манатки и рассовывал технику и кассеты с отснятой пленкой по рюкзакам друзей. Валера Першин с доброй улыбкой поглядывал за моей деятельностью.

– Слава, – спросил Валера ласково, – техника у тебя студийная?

– Конечно, Валера, – простодушно ответил я, не зная, к чему это клонит капитан.

–- А если что-нибудь разобьешь, что тебе будет?

Я почесал затылок:

– Ничего, наверное. Спишут на условия съемок. Тут все можно списать.

Тиберий враз посуровел:

– Брось штатив. Штатив тебе больше не нужен.

Я попытался поспорить, но император был неумолим. Поэтому лишь накрыл штатив рваным мешком и воткнул рядом вешку.

– Леха-братан, – шепнул я другу – штатив спустишь на обратной дороге?

Леха кивнул утвердительно. Такой вот, Валера-Тиберий: ему штатив не жалко. Штатив – он не люди?

Почти сразу за ледником начинался крутой и бесконечный подъем по снежному склону. Дело шло к вечеру, и потихоньку начинало холодать. Мы сняли «кошки», развязались, каждый сам по себе отправились вверх. Направление было отмечено длинными бамбуковыми вешками через сотню-другую метров. На вешке полоскалась цветная ленточка – ее трудно было не заметить. Крутизна склона заставляла напрягаться. Хотя снег был мокрый и рыхлый, требовалось усилие, чтобы загнать в него с размаху ботинок, выпрямить ногу, поднять и замахнуться другой и снова шагнуть вверх. Я быстро отстал. Кислорода не хватало. Скоро я уже шел, считая шаги. Сил хватало на десять-пятнадцать шагов, даже от них сердце выпрыгивало из груди, но стоило подышать, стоя секунд тридцать, и я мог снова пройти следующие ужасные десять шагов.

Из-за крутизны склона я не мог видеть тех, кто ушел вперед. Мне казалось, что я остался один. Правда, бояться не было сил. Я полз по снежному склону почти в полной темноте, не зная, где финиш. Склон стал настолько крут, что можно было лежать стоя. Я прилег после очередного «взлета», за ударами сердца еле слышалась мысль: «Когда все это кончится!»

– Братан, ты где? – услышал я голос Лехи.

Поднял голову – из-за края подъема торчала его голова, освещенная белой незаметно для меня взошедшей луной.

– Леха! – тихо простонал я. – Где оно?

– Да пришел уже, – рассмеялся братан, забирая мой рюкзак. – Двадцать метров не дотянул.

Вот так люди и замерзают иногда, не дойдя ничтожно мало до дверей родного дома. Через пятнадцать минут смертельной усталости моей не осталось и следа. Так быстро восстанавливаешься, если подышать спокойно. Откусил кусочек кислорода – и снова вперед.

Первый лагерь – это две палатки на высоте около 5000 метров. Мы разделились поровну. В одной палатке уже доваривался суп в скороварке. Чай был уже готов, мне дали кружку сладкого черного пойла. Пить на высоте надо много – обезвоживание. В палатке тепло. Все переоделись в сухое, а мокрые от пота шмотки развесили на веревках, растянутых вдоль палатки под «потолком». Ботинки сняли и рассовали по углам. Вонь от них перла, хоть топор вешай, глаза слезились только у меня одного – остальные давно притерпелись. Опытные все, дезодорант им в дышло! А что делать-то? Проветривать что ли в минус тридцать? Скоро и я притерпелся.

Суп сварили, опять поставили чай на газовую горелку. Наелись, напились и завалились спать валетом, тесно прижавшись, друг к другу. У моего носа благоухали мозолистые пятки сорок пятого размера – Лехины. Если повернуться – уткнешься в сороковой Сереги Тимофеева – он маленький. Трудно представить современного француза из Парижу на моем месте. Поэтому в отличие от времен подвигов Эрцога сотоварищи на Аннапурне, культурные европейцы предпочитают не ходить в командные экспедиции. Кто ж сможет спать, если поворачиваться надо по команде и писать ходить на улку через товарищей. Но ведь сложные маршруты возможно пройти только в команде. Выходит, что все рекорды в горах теперь ставят наши люди, способные спать, уткнувшись лбом в немытую пятку друга.

Спал я в ту ночь отлично, как никогда. Выспался. Повеселел. С утра хорошо поел гречневой каши, съел сальца с сухариком. Часов в десять отправились дальше. Или выше? А! И то, и другое.

Тучи клубились далеко внизу, где-то там, у базового лагеря. Над нами чернело близким космосом высокогорное небо. Под ногами хрустел наст. Всего за день тяжелой тренировки я стал сильнее, я перестал отставать. Это мне по-

нравилось! Как второе дыхание в марафоне.

Без штатива иногда хреново. На длиннофокусном, к примеру, объективе уже не поснимаешь. Пришлось прислоняться к камням или снимать с рук. Неплохо получились кадры с горным почти черным небом и ярко-белым снегом, с начинающимися на высоте около 5500 метров скалами. Мы с Серегой проводили команду до начала технически сложного участка и простились. На прощание Ефимов неожиданно приказал нам топать с доктором в базовый лагерь.

– Нечего тут продукты наверху жрать. Они сами сюда не прилетят. Переночуете и дуйте вниз.

Вот как! А я-то думал пейзажей поснимать высотных. Фиг вам! Ефимов – он знает, где надо экономить. Слегка разочарованный я двинулся за доктором. Расстояние, которое в гору мы шли часа четыре, обратно вниз пробежали минут за сорок. Дорога оказалась простая и ровная.

У лагеря нас ждал природный сюрприз. Дело в том, что на такой приличной высоте, где мы тогда находились, живности нет почти никакой. Есть такие черные и очень крупные гималайские галки. Они тащат всё, стоит на минутку хоть что оставить без внимания. Из бегающей живности есть только тибетские лисички. Эти даже хуже галок. Еще только на подходе к палаткам мы увидели, что весь снег истоптан множеством мелких, как кошечьи, следов. Метров за сто удивились, что снег вокруг палаток не белый.

– Все ясно. – Спокойно сказал Серега. – Это крупа. Лисы похозяйничали.

В углу палатки звери прогрызли дырку, через которую проникали внутрь и хорошенько там пошуровали. Пакеты с крупами и сухарями вытащили наружу и беспощадно разодрали. Мясо было упаковано в плотнозакрывающиеся бидоны, сухое молоко тоже. Их зверюги не смогли достать. А углеводные продукты вызвали у них ярость и желание мстить. Пришлось собирать все оскверненное, на что ушло немало времени. После этого вечер пошел по утвержденной программе: ужин, чай, закат, дружеская беседа. Вокруг палатки шуршали и бегали лисички, возбужденные ароматом человеческой пищи и светом свечки в нашей палатке. Я выходил несколько раз в надежде увидеть редкое и вредное животное, но только на долю секунды, как мне, вероятно, почудилось, мелькнуло мелкое, совсем не лисьего размера, существо.

– Еды нету – вот они и не растут, – объяснил доктор научное явление.

Всю ночь эти твари визгливо лаяли и ныли снаружи, не давая спать.

Как это Ефимов отправил меня вниз с одним доктором? Ведь там и ледник, и сераки, и морена с камнепадом! Реальный каюк мог случиться. Мой друг Серега имеет хороший характер. Я полагаю, что если даже он отправится когда-нибудь на верную погибель, он не покажет страху, а пойдет спокойно и внешне невозмутимо.

– Все равно все помрем в страшных мучениях, – такое его жизненное кредо.

Серега привязался ко мне шнуром метров в десять, проверил, как я «кошки» надел, и мы пошли. Я плелся впереди, доктор, соответственно, сзади, время от времени давая направление и ценные советы. Так ходят, если народу двое – неопытный впереди. А у Сереги, все-таки, первый разряд по альпинизму. Мне же только обещали значок «чайника» – «альпинист – спортсмен СССР». Кстати, обманули или забыли. Им можно забывать. В горах от постоянного кислородного голодания гибнут клетки головного мозга – память становится ни к черту! Записывал я разок у «Рэмбо» интервью, он многие вещи по два раза повторял – забывал, что уже это говорил. А слова подбирал мучительно, как пудовые гири, стараясь не забыть, что хочет сказать. Как-то я сердито не по-товарищески это сказал, видимо, до сих пор жалею столь много потраченной без толку пленки.

Дотопали мы с доктором до края ледника. Я проверил, как покинутый штатив лежит. Доктор бесстрастно поиздевался:

– Может, заберешь?

Я хрюкнул, что означало смех и возмущение его бессовестной шуткой.

– Ты меня без штатива доведи, герой. Штатив Леха принесет. Братан обещал.

– Валера ему «принесет» треногой по горбу, – съязвил Серега. – Пошли, что ли?

Скоро начались трещины. Слава богу, снег, два дня назад прикрывавший все эти западни, сошел. И все страшное бессовестно обнажились. Я шел первый. Вот и широкая трещина.

– Прыгай, – спокойно скомандовал Серега.

– Ты держишь? – спросил я с надеждой.

– А чего держать? Один человек – не страховка. Вместе полетим. Как я тебя удержу, если ты меня дернешь? Прыгай лучше. Ты уж постарайся, долети.

– Такие вот врачи, Серега, в немецких концлагерях хорошую зарплату получали, – ответил гордо я, приглядываясь к площадке шириной метра в два, куда мне надо было перелететь через довольно широкую трещину, глубина которой терялась в недрах ледника. Между прочим, там очень холодно и скользко, а со сломанными костями, после падения, выбираться вверх – чудовищная задача.

Я прыгнул с места. Допрыгнул. Мой тяжелый рюкзак хлопнул меня по затылку, от этого я растянулся на грязном и мокром льду во весь рост. Ничего – встал и утерся. Доктор прыгнул следом. Так мы и скакали добрый час. Постепенно я навострился и уже не так боялся.

Альпинистов учат ходить вниз по скользкому склону, а меня никто не учил. Поэтому я поворачивался задом в направлении движения и спускался на передних зубьях «кошек», стоя практически на карачках, чтобы еще опираться на руки.

– Фу, как некрасиво! – скривился мой друг. – Позорище.

– Зато живой, а ты ведь никому не расскажешь, что я тут раком пятился.

– Еще как расскажу.

– И хрен с тобой.

Я кряхтел, пятясь вниз, Серега гордо шел, покуривая и ловко сгибая ступню не по-человечески.

В общем, прошли мы ледник, проскочили под камнепадом и добрались целехоньки до базового лагеря. Интуристы из лоджии возбужденно высыпали встречать настоящих горных орлов. А что? Я с виду ничуть не хуже большинства альпинистов. Такой же красивый.

Шерпы наши кинулись вниз к морене, как только нас увидели, забрали рюкзаки. Налегке мы поднялись по высокому борту, как по лестнице, гордо и непринужденно. Было 9 мая 1996 года.

– Нури, в лоджии немцы есть? – спросил я у шерпа.

– Кажется, есть, а что?

– Сейчас пообедаем, потом сходишь в лоджию и приведешь двух немцев. Сегодня день Победы, мы в России в этот день немцев ловим и убиваем. Обычай такой. Нам с доктором по одному хватит.

Нури спал с лица и даже побледнел, наш наивный туземец. Подумал, должно быть:

– Хрен их, сахибов, знает. А вдруг и вправду немцев будут убивать!

Спросил, на всякий случай:

– Сахиб, а какая победа была?

– Ты в школе учился, да?

Нури кивнул.

– Вторую мировую войну учил? – строго по-учительски спросил я.

– Да, – неуверенно ответил шерп.

– Кто воевал?

Нури помялся:

– Не помню, сахиб.

– Мы с немцами!

– А кто победил? – спросил двоечник.

– Да мы же победили!

Нури засмеялся, русские-то альпинисты лучше немецких. Те высокомерные, почти как англичане.

– Хорошо, что вы победили.

Мы помылись, плотно поели, и сами пошли в лоджию. Немцев убивать не стали. Наверное, зря. Где еще такой случай подвернется незаметно спрятать трупы врагов.

В команде был хороший дядька из Перми Боря Седусов. Я тоже родом из Перми, значит, у нас с Борей много общего. К примеру, в одной спортшколе борьбой занимались в разное время. Седусов какой-то, с моей точки зрения, неправильный альпинист. Он большой жизнелюб на счет выпить-закусить, а влияния физкультуры на нем я что-то не замечал. Он весьма пухлый был в начале экспедиции, потом быстро схуднул кг на 20 от нагрузок. Боря в перерывах между горами спортом не занимался, больше бизнесом. Видимо, денег хватает на горы. У нас в шайке он был «клиентом», т.е., он оплачивал все сам (мы-то за государственные денежки).

За несколько лет до Аннапурны наши ходили на Дхаулагири. Взошли, между прочим. И Боря был с ними. Тогда народ здорово перенапрягся, поморозился. С горы спустились еле живые. Першин отморозил и руки, и ноги, коечто пришлось отрезать, но у Бори больше: все пальцы на ногах. Чтобы ходить по равнине, оставшегося и то не очень хватает, а Боря каждый год в горы ходит. Делает вкладыши в ботинки и, не торопясь, ковыляет за командой. Как клиента его опекает кто-нибудь из народа, чаще Першин с Виноградским. Перед тем как начинать восхождение, через два месяца работы на горе, мы на вертолете спустились в Покхару – маленький городок на берегу большого, километров пяти в диаметре, почти круглого озера. Необходимо по спортивным делам на некоторое время дать организму нормально подышать, восстановиться.

А тут у Бори юбилей: сорок пять лет! Есть причина забыть о режиме и оторваться. Оторвались, но не очень сильно – процентов на 50. Скоро же штурм.

В Покхаре жарко и душно. Горы из нее хорошо видны, красуются на горизонте белым снегом. А мы поели, попили за Борю на открытой веранде ресторана, откуда великолепно была видна гладь прекрасного озера в кольце изумительных зеленых садов и особняков. По озеру лебедями скользили маленькие парусные яхты.

Великий человек Жэка Виноградский больше полугода терпел Федора Конюхова в кругосветном путешествии на какой-то парусной посудине. До конца, правда, не дотерпел. Хоть характер у Жэки и золотой, честно, но почти святого человека и живописца, рекордсмена всего и вся, обладателя ужасной дикции и безумного «распутинского» взгляда (все это – Конюхов) не вынести и пяти минут на экране телевизора. А Жэка мог терпеть, но вытерпеть зануднейшего не смог. Речь не об этом. Жэку потянуло в море. Федор его чему-то ведь научил. С парусами работать-то приходилось. Ну, мы поплыли. Ветер нам в спину. Сели в яхту: я, Боря, Серега, Валера и капитан – Жэка. Солнце жарит! Влажно, как в бане. За полчаса по ветру мы вырулили на середину озера. Надоело. Перегрелись.

– Женя, давай назад! – попросили все.

– Против ветра я не очень умею. Щас попробуем, – согласился Жэка. – Галсами пойдем.

Галсами, так галсами. Другие лодки как-то шли против ветра. А у нас не так чтобы...

– Чему тебя только Конюхов учил?

Поначалу мы ржали. Но скоро загрустили. Час прошел, второй, а мы елозили на одном месте. Скоро солнечный удар наступит. Тени-то нету. И питьевая вода кончилась.

– Братцы, может мне вплавь?! – полуутвердительно попросился я. – Лодке легче без меня.

– Плыви, – разрешили Валера с Жэкой. – Мы все-равно раньше будем.

Когда-то, до гепатита, я готовился к триатлону, поэтому пара километров до берега для меня не проблема. Я оставил тапки на яхте и нырнул. Вода не принесла прохлады – это не родной Шарташ в Е-бурге, но стало легче. Я пошуровал брасом и минут через 40 без всяких приключений оказался на берегу. Спокойно наблюдая за гладью озера, я вдруг увидел метрах в двухстах от берега голову доктора. Вот это да! Скоро Серега бодренько вылез на берег.

– Ты Борю не видал? – совершенно спокойно спросил Серега.

– И Боря тоже плывет? – ужаснулся я.

– Мы за тобой «мырнули». Только ты быстро исчез, а Боря устал, сказал, что отдохнет и догонит.

– У Бори ласты укороченные, ему два километра плыть – не доплыть! Нельзя было его пускать, доктор.

– Нормально! – махнул рукой Серега. – Давай по берегу ходить,

он нас увидит и не заблудится. А то с воды непонятно, куда плыть.

Мы с доктором не меньше получаса слонялись по берегу, изображая маяк и вглядываясь вдаль. Таки доплыл Боря до берега, еле выполз и тут же рухнул отдыхать, охая, ахая и ругаясь на меня.

– Вот я один, Боря, виноват! Вам по пьянке и море по колено, не то, что эта лужа. Чего вы поплыли-то?

Страшно представить, а ведь могли и не доплыть.

Жэку и Валеру на берегу мы не дождались. Так без тапок своих и отправились босиком в отель обедать. Наши мореходы вернулись к вечеру, злые и совершенно трезвые. Только альпинистская закалка позволила им выжить без воды на грязных водах Покхарского озера.

Мораль вышесказанного такова: «двинуть кони» можно где угодно и когда угодно, хватило бы дури. Даже в горы ходить не обязательно.

ГОРЫ ОСТАЮТСЯ НА СВОЕМ МЕСТЕ

Меня послушать, так альпинисты только развлекаются и пиво употребляют. На самом деле они два месяца прокладывали новый путь по сложнейшему маршруту. Аннапурна – первый восьмитысячник, на который поднялись люди. У нее есть простой путь с юга. Ребята шутили, что по нему даже я могу подняться. Наверное, это так. Но они-то собирались подняться по северной стене. К середине мая был готов маршрут с палатками, продуктами в палатках, провешенными веревочными перилами под самую северную стену. Оставалась одна неделя штурма.

Я, как на духу, был абсолютно уверен в успехе. Такие сильные мужчины: Леха, Салават, Серега, Юра! Опытные ветераны: Валера, Женя, Сергей Ефимов. Я же понимал – это чемпионы мира. Но мы потеряли три недели из-за проволочек. Сначала самолет из Красноярска в Непал не пускали с тремя разными русскими экспедициями. Потом бумажки бюрократы непальские не подписывали. Вот тебе и пожалуйста! Начался муссон. Снег ка-ак повалил однажды утром! Воздух, влажный и теплый, пришел с Индийского океана. Логично, что он превращается в снег, густой и липкий, пытаясь перелезть через Гималаи на север. Дня три шел снег. Горы, было уже почерневшие, снова стали белые, как сахарные головы. Там, где стояли палатки промежуточных лагерей, выпало два метра рыхлого снега. Лавины в тумане грохотали без перерыва. Как туда соваться?

Мы сидели в кают-компании и совещались. Ефимов спал с лица – чувствовалось, что он страдает от предчувствия поражения больше всех. Еще, конечно, Салават и Леха. Эти просто молодые жеребцы. Они не могли смириться с собственным бессилием. Снег прекратился неожиданно. Четверо «молодых» резко собрались и пошли наверх. Старики решили, что это дурь и остались внизу. Как паршиво, что они оказались правы.

Ребята сходили до первого лагеря и вернулись. Палатки смяло. Веревочные перекладины унесло лавиной. Что же там под вершиной? Как идти через двухметровый снег? Ясно, что надо было раньше начинать. И нечего искать виноватых или тех, кто меньше хотел. «Никто не хотел умирать» – так я мог назвать свое кино, но назвал «Вперед и вверх». Слава Богу, мнение марафонцев не учитывается, это у нас сходить с дистанции недопустимая слабость. Несгибаемые альпинисты редко выживают, если очень хотят победить. Если очень нужно, то к Аннапурне можно вернуться. Ее не придется искать – она там, где мы ее оставили в покое, она там уже миллионы лет.

На следующий год Ефимов повел молодой и решительный народ на рекордный маршрут на другой восьмитысячник – Макалу. Они взошли, получили золотой ледоруб. Могучий братан Леха в пиджаке здорово смотрелся с ледорубом в кадре. Но двое парней не вернулись. Один из них был Салават – мой друг, с которым мы ели карпа в непальском ресторане, пели песни в кают-компании и купались в ледяной воде высокогорного озера. Ребята накрыли его камнями на высоте 8200 метров и быстро побежали вниз, чтобы самим не остаться на Макалу навечно.

Я никогда не забуду грустные глаза Салавата, когда он мне сказал:

– Испортили мы тебе драматургию.

Тогда я ответил, что да, испортили. Видно, я не настоящий художник. Вот Климов и Тарковский в своих фильмах по-настоящему страшно убивали невинных коров и лошадей. Ребята были не правы. Фигня все это: кино – такая же игра, как футбол. Не нужно никого убивать, оно же все понарошку, на потеху. Альпинизм – не спорт, я уже говорил. Это жизнь и смерть. Это схватка с соперником, который гораздо больше и сильнее тебя. Если не понять, где предел, назад не вернешься.

Ефимов рассказывал: в 82-м им погода не давала выйти на штурм Эвереста. И тоже был конец мая. Из ЦК, в конце концов, начальнику экспедиции Тамму пришел приказ – любой ценой взойти на гору, невзирая на погоду. Пусть все погибнут, но хоть один поднимется. Те альпинисты были готовы играть по подобным правилам, но повезло. Гора сжалилась, пустила.

Сумасшедший дом! Сколько игрушек мы себе придумываем?! Все, что создается на Земле, человек превращает в развлечение, не в оружие даже, а в игрушки. Не играть невозможно – останешься в стороне, потеряешь уважение и положение. Каждый стремится занять более высокое место, благодаря игре. Взошел на Эверест – повысил статус, не взошел – опустился. Купил машину, яхту, дворец, остров, страну – выиграл. Не можешь купить – ты никто. Всё какие-то пустые стимулы. Я в травматологии, само-собой бывал. У нас на этаже парень лежал с разорванным спинным мозгом – зачем ему горы и яхты? Мы, простые переломанные, ходили на него смотреть исподтишка.

Я прекрасно понимаю сильных и смелых людей, которые любят красоту, любят рисковать, хотят ощутить свой максимум, увидеть мир на грани жизни и смерти. Это божественный восторг, приближение на мгновение к смыслу жизни. Но всё в нашем мире иллюзия. И это тоже самообман, тщеславие,

попытка заполнить душевную пустоту адреналином.

У меня была с собой школьная тетрадка в 48 страниц. Часто в своей палатке я брал тетрадь в руки и пытался что-то придумать, выстроить сюжет. Моими образцами были фильмы из «Клуба кинопутешественников», где главным героем всегда, или почти так, выступала информация о природе или путешествии. Строить фильм на характерах действующих лиц я не собирался и совсем не знал, как это делается. Спорт и Гималаи в то время бесспорно для меня являлись достаточным поводом ощутить интерес к тому, что мелькает на экране. То есть, я сам думал и видел свой «объект» в приподнятом, пафосном виде. Значит, априори ожидал, что пафос сам по себе возникнет и будет убедительным. Я вел свою историю к неизбежным фанфарам и крикам «Ура!» в конце фильма. Получилось, что в сценарных планах я связал успех своей работы с успехом восхождения на вершину. Людей я старался показывать и даже, по мере сил, пытался раскрыть внутренний мир. Но все ставил на службу цели: Виноградский и Першин в натужных интервью рассказали пару «страшилок» о жестокости гор. Так победа должна стать дороже. Для повышения градуса напряжения искал экспрессию в пейзажах.

Для этого же я на невысокой скале в километре от базового лагеря устроил съемку для эпизода «работа на стене». Снял хорошо, людям и автору понравилось. Актеры – просто супер! Дышат прерывисто, устало повисают на веревках, срываются на скользком льду. Таких красавцев в сериалах снимать, не подведут. На крупных планах работают – сердце радуется! С моей командой я легко мог экранизировать покорение вершины любой горы прямо в базовом лагере.

А Ефимов!?

– На высоте травы нет! – сказал Сергей Борисович, осмотрев съемочную площадку, и лично прополол весь кадр. – А то смеяться будут.

– Кто?

– Кто понимает.

Я работал серьезно. И вдруг, облом! Не будет великой победы над стеной Аннапурны! Я не мог выстраданное дело оставить и начал поворот к трагедии. Доснял, использовав дымовые шашки, «страшную высотную погоду» с участием четырех младших альпинистов. Просто пускал белый дым в роли клубящихся туч перед объективом. Красиво ведь! И лица друзей сохранились для истории. В этом главная ценность оказалось. Не сразу понимается роль хроники. Троих давно уже нет – забрали боги гор. Один Юрка Ермачек остался из тех молодых. В общем, я постарался избежать фиаско в кино. Но когда делаешь торжественный победный гимн, трудно сделать психологическую драму из того же материала. Зато немножко души ефимовской людям останется на память.

Что бы не говорили, профессиональный спорт – это чей-то бизнес. Кому-то хитрому и оборотистому надо, чтобы миллионы людей покупали дорогие альпинистские шмотки, билеты на самолеты. Поэтому нужны покорители невозможных маршрутов – идолы тех миллионов потребителей. Для остроты ощущений играющих надо кому-то из «Звезд» время от времени громко и больно погибать. Это только возбуждает игроков и несет прибыль распорядителю игры.

Как человек «играющий», не вижу выхода. Без игр остается только жрать и размножаться. Красота и мудрость большинством не берется в расчет. Когда люди идут на Эверест, они хотя бы сами испытывают и восторг, и ужас, и нагрузки на грани своих возможностей. Если смотреть это в кино – значит, жить чужой жизнью, как живут почти все. Никто же не ест пищу, прошедшую чей-то пищеварительный тракт, только мухи, а риск предпочитают испытывать чужой.

Вот снимать кино в горах интереснее, чем просто ходить в горы: я же пытался еще понять и выразить какие-то чувства. Но и это тоже всего лишь игрушка. Настоящее во всем, что есть вокруг – любовь, рождающаяся в душе от восприятия красоты мира и людей. Вот я и вернулся к тому, с чего начал: друзья мои, как хорошо, что мы были там вместе, как хорошо, что дома нас ждали и беспокоились о нас. Как хорошо, что мы возвращаемся.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Приняли окончательное решение – возвращаться. Всем, кроме Ефимова и меня, сразу стало хорошо. Еще бы, теперь начинался курорт. Мы же в таком экзотическом месте. Гуляй, босота!

Как-то мгновенно мы отвалили вниз из базового лагеря. За два с лишним месяца местечко это сильно изменилось – уже лето почти пришло, все-таки. Удивительные цветы распустились прямо из еще не сошедшего рыхлого снега. Странные бабочки, похожие на толстых червей с крыльями радужной раскраски, порхали над еще недавно снежными склонами. И мухи! Тысячи, миллионы! Они просыпались с восходом солнца и лезли везде. В палатке было невозможно находиться – все засижено мухами. А как обедать? Только и смотри, чтобы не съесть черную мохнатую гадость. Вечером было лучше: как только солнце садилось, все насекомые – и красивые, и ужасные, падали, скрючивались, впадали в летаргию до рассвета. Можно было выметать их веником из палаток. Еще оказалось, что летом в базовом лагере пасутся яки. Посему вся открывшаяся земля оказалась покрыта прошлогодним навозом. В общем, ну ее, эту Аннапурну – богиню урожая (в переводе на русский).

Ну, конечно, сильно сказано: помню щемящее чувство, с которым я уходил вниз. Было утро, гора, залитая слепящим солнцем, светилась непокоренной вершиной. Какая она прекрасная и величественная! Я все время оборачивался, наслаждаясь меняющимся ракурсом, до поры, пока отдалившаяся богиня не скрылась за ближней зеленой горкой. Вниз по хорошей оттаявшей тропе, утоптанной трэкерами всех мастей, двигаться гораздо легче. Это вам не по леднику скакать.

Запомнилась удивительная встреча. Из-за одного из тысяч поворотов узкой каменистой дорожки явился коренастый шерп со странной ношей на спине. Как обычно у местного люда заведено,

веревкой, закрепленной на лбу, он привязал к себе большое плетеное кресло. В этом кресле, тоже, в свою очередь, крепко привязанная широким ремнем спиной в сторону движения, сидела сухонькая бабулька лет восьмидесяти. Пассажирка с блаженной улыбкой оглядывала окрестности. Рядом шагал, опираясь на трость, длинноногий и тощий старик в шортах. За ними десяток портеров неспешно тащили плетеную мебель: стол, стулья, сундуки, огромный складной зонт, ящики и мешки.

Мы уступили дорогу, поклонившись экзотическим путешественникам. Они с улыбкой ответили на приветствия и царственно удалились. Мы бы так ничего о них не узнали, если сзади налегке не шли старший шерп и повар.

– Это очень богатые английские путешественники. У них с собой даже фарфоровый сервиз и вся еда из Англии. У леди какая-то болезнь – ничего не соображает. Хозяин когда-то давно обещал ей поездку в Непал. Вот – выполняет. Она сама не ходит уже, а нести ее не тяжело, она меньше двух весов тянет.

– Сколько же вы, таким образом, проходите за день?

– Мало совсем. К Аннапурне двенадцатый день идем. Завтра придем, наверное. Дольше идем – больше получим.

Видимо, англичанину не было проблемы с оплатой каравана. Да и куда ему деньги? Там, куда они на самом деле скоро придут, деньги не нужны. Но какой молодец этот джентльмен, вот любовь так любовь! Сказал и сделал. Если у бабушки что-то еще оставалось в голове как, должно быть, она гордилась своим мужем.

К вечеру пришли в шикарное место: красивая и удобная лоджия была построена у горячего минерального источника. Вечер и весь следующий день мы мокли в горячей, плюс 44 градуса, воде, скользкой на ощупь и горько-соленой на вкус. Вредно так долго, но нам – нет. Мы спустились с гор немытые толком два месяца. А кроме того, мы же здоровенные дядьки, не кто попало. Я, сгоряча, наелся совершенно невкусной земляники – ее там видимо-невидимо. Выглядела – просто прелесть! А на самом деле – полное дерьмо. Я на нее набросился от природной прожорливости. За что в очень недалеком будущем поплатился здоровьем.

Никаких приключений на обратном пути в Катманду не было. Вспоминая те дни, я лишь могу сказать, что мой организм к финалу отказался принимать местные специи, без коих ничего не готовится в Непале. Самая распространенная из них – масала. Что уж там они намешивают в смесь цвета детского поноса, я не имею понятия. Но эта и пряная, и острая приправа у них везде. Весь воздух пропитан, все непальцы потеют этой вонью. Моя печень после недавнего гепатита не выдержала масалу, и несколько дней я ел только рис без ничего, хлеб и чай с молоком. Будучи большим поклонником экзотических кухонь, я серьезно страдал от однообразного питания.

К счастью, это состояние кончилось, как только мы приехали в столицу. Здесь я должен рассказать, как надо «дезинфицироваться» в Непале против местной богатой заразы. Вы приходите в ресторан, коих тысячи на каждом углу. И пока вам жарят-парят ваш заказ, вы должны тяпнуть стопочку натощак. По идее, грамм 30 должно хватить. Но на практике получается больше, особенно вечером. Я уже хвастал, что не пью по политическим убеждениям. Значит, я рискую сильнее других. Думаю, что, откушав горной землянички, я подцепил такую же, что у голландской вышеописанной туристки, амебу. В первый же вечер в городе меня, как кувалдой, вышибло из коллектива празднующих. Вся шайка наша гудела на плоской крыше гостиницы в кабаке, оглашая воплями русского фольклора окрестности многострадального толерантного города, а я с температурой тела за 40, не слезал с унитаза, все более понимая хрупкость человеческого бытия.

К рассвету я совсем ослаб, пил только воду, которая тут же вылетала из меня. И ничего нельзя было поделать с этим круговоротом. Слава Богу, вернулись с крыши оба доктора. Страшно выдыхая аромат праздника и, таращa красные с перепою рачьи глаза, они диагностировали:

– Амеба, к гадалке не ходи!

Доктор Виноградский сам перенес эту прелесть, а доктор Серега лечил ее тоже не раз, поэтому они не испугались. Так как в экспедиции никто ни разу не болел, лекарств осталось две полных пластиковых бочки – хоть на улицах торгуй. Непальцы, кстати, очень любят наши таблетки, и все время клянчат, прикидываясь больными. Аюроведа ни хрена не помогает, она в Европе только работает, потому что задорого.

– Щас мы тебя вылечим, – Серега пошел к себе в номер за лекарством, а доктор Жэка завалился спать – он со мной в номере жил.

Скоро я получил лошадиную дозу суперновейшего антибиотика от всего сразу. Друг принес огромную бутылку минералки и велел не есть сутки. С чувством выполненной клятвы Гиппократа, Серега отвалил к себе. Мне же постепенно легчало, температура спала, и я перестал ползать к унитазу, но навалилась слабость и апатия.

Весь день ко мне ходили друзья-альпинисты. Меня жалели: никто не болел в экспедиции, а я уже второй раз.

– Пить надо, – посоветовал не помню кто из мастеров. – Ты один не пьешь, только ты и болеешь. Бросай это дело, Славик.

Вечером я получил второй укол, ночью выспался, утром попросил вкусного белого риса без соли и черного чаю без сахара. Мне стало хорошо. Скоро я ел уже рыбу, отказавшись по политическим убеждениям от водки. Какой все-таки могучий эскулап Серега. Раз – и здоров! Но ноги я еле таскал, что правда, то правда. От его антибиотиков очухался только недельки через две, уже дома.

Как-то после моего излечения сидели мы с доктором Серегой в ресторане. Уже, по-моему, кофе пили после обеда. Заходит в зал большой и толстый дядька лет сорока с молодой дамой. Они слышат нашу русскую речь и, естественно, подваливают к нашему столику.

– Можно?

– Давайте.

– Вы откуда?

– Из Екатеринбурга. А вы?

– Мы из Уфы.

Вот и познакомились быстренько. Нового друга распирало

желание общаться. На его круглой физиономии горели наивным огнем синие детские глаза, весьма неожиданные для семипудового тела русского богатыря. Из его «пулеметной» речи мы поняли, что он только что вернулся из некой мистической экспедиции знаменитого офтальмолога Эрнста Мулдашева. Сам он – бывший военный вертолетчик, но сейчас изучает древние тибетские цивилизации и науки вместе с шефом. О, сколько мракобесия повисло лапшой на наших ушах! И Будда, и медитация, и левитация, и состояние сомати, и атланты с Шамбалой, Агарти и еще черт те чем.

Серега не смог долго терпеть. Он ведь большой ученый-материалист, друг Серега. Я никогда доктора не видел таким злющим и едко-ироничным. Он даже девушку не пожалел, которая до этого времени с восхищением выслушивала псевдонаучную ахинею новоиспеченного мистика.

Я почему вспомнил эту встречу? Да просто через несколько лет купил я мулдашевскую книжку «От кого мы произошли». Первую, еще тогда дешевую. Оказалось, что вертолетчик Мулдашеву на нас с Серегой наябедничал, и тот нас сволочами в своей литературе обозвал. Хотя я и не участвовал в разоблачении мракобесия, а просто любовался гневным Серегой. Жалко, что по именам нас не назвали, а то бы мы прославились.

До сих пор не пойму, на что Мулдашеву, не последнему врачу, вся эта хрень нужна? Хоть бы картинки в своих книжках сам не рисовал, просветитель. Даст ведь бог, кому попало талант, а ему, вишь ты, не интересно глаза починять. Сколько же он понаписал с тех пор – зависть берет. А цены-то какие! В этом, что ли, смысл? Пишет Мулдашев – любо-дорого читать: по десять раз одно и то же повторяет для толщины тома. Круче Дюма-отца, тому тоже за каждое слово лишнюю копеечку платили. Не учитывает Мулдашев, что если бы то, о чем он сочиняет, было – его бы давно, лет двести назад, англичане нашли и в Британский музей вывезли. И все атланты и лемурийцы сидели в своем сомати по соседству с великими египетскими фараонами. А непальские мудрецы денежки в кармашках перекатывали, за предков полученные. Совсем как уличные йоги в Котмандеевке.

Вас, что ли, уфимские гуру, тайны мира дожидались? Нет. Просто Непал – такая страна, где каждому есть чего купить. И Мулдашеву тоже.

Из трех российских команд, вместе прилетевших на ИЛ-76, наша спустилась первой. Ждать в городе скучно. Эта «Катмандеевка» еще в марте надоела. Часть нашей шайки отправилась в недельный сплав. Я с доктором, Лехой и еще несколькими ребятами предпочли природный парк «Читванг» – смотреть носорогов и кататься на слонах. С нами даже дама была – к Першину приехала жена Галя. От баб – один вред. Пришлось вести себя культурно. У меня оставалось еще метров сто пленки. Значит, снова началась подпольная жизнь с камерой в рюкзаке.

Когда я вспоминаю это недлинное путешествие в дикий мир, первое, что приходит в голову – приспособление для управления слоном. У погонщика в руках длинная палка, на конце которой набалдашник металлический – с одной стороны у него молоток, с другой – топорик. А у слона на голове от этой штуки в толстенной коже дырка незарастающая. Я сидел прямо за погонщиком, и все время следил за его инструментом. Как-то раз слон под нами заартачился – погонщик бах его молотком между ушей. Все сразу стало в порядке. Слоны – это, все-таки, слоны. Жалко.

Еще, конечно, огромное впечатление, это когда впереди идущий слон какнет. Сколько удобрения пропадает! Говорят, правда, его собирают и очень дорогую бумагу для живописи из него делают. Слонов я снял на рассвете, пока никто не видит. Мы еще съездили к носорогам, крокодилам, искали тигра – не нашли, зато гладили и тискали крохотного носорожка. Я постепенно приходил в себя после амебы.

Приехав из «Читванга» обратно в столицу, мы узнали, что Китай не разрешает нам лететь через свою территорию. Мол, у нас военный самолет (76-й был МЧСовский).

– А куда раньше смотрели?

– А мы не поняли сразу.

Вот и летите сорок альпинистов, как хотите. А аэроплан в порту стоит. Это тоже не бесплатно. В Непале только таблетки наши бесплатно, остальное за деньги, хоть и дешево. В общем, насиделись мы опять в загранице до посинения. Наконец, братская Индия и вражеский Афганистан разрешили лететь.

В назначенный срок все наши люди собрались в брюхе грузового лайнера. Каждый пёр гору сувениров и подарков домой. Куча получилась больше, чем при вылете из России. Алкоголь, к сожалению, тоже никто не ограничивал. Честно говоря, я не помню, чтобы мы таможню в Катманду проходили. А ведь мы с Лехой легко могли упереть какой-нибудь истертый доисторический фаллос с улицы древнего города. И нам бы ничего за это не было. Жалко, что не уперли. Дома бы стоял, пылился, и все бы спрашивали, что это такое, не веря глазам своим. Женщины бы лезли посидеть, а мужики – нет.

«Ил-76» – он вам не «Боинг». Ка-ак взлетит!

Все барахло свалили по центру, закрепив сеткой, сами уселись вдоль стен на жесткие скамейки. Лететь долго. Аэроплан медленный. Как взлетели – началось. Описать невозможно. Кто рулил в кабине – я не знаю, но полкоманды веселились в салоне, если можно так сказать. Нас трезвых был я. Скоро нам эта пьянка надоела, и я лег спать поверх рюкзаков. Шараханье народа по самолету не сильно мешало спать, и без народа шум двигателей неизмерим в децибелах. Но герои, взошедшие и нет, все равно пели, играли на гитарах, хохотали и произносили тосты. Я прикемарил на несколько часов и проснулся, лишь когда командир судна – толстый подполковник в трусах и майке – вышел обескураженный из кабины к народу:

– Товарищи! Мы сейчас над Афганом летим. Талибы велят садиться. Мгновенно наступила гробовая тишина, если не считать грохота моторов лайнера. А ведь только что от талибов смылся

ИЛ-76, который был у них в плену больше года. Про это позже потом в кино сняли. Мы про талибов слыхали, сразу представили себе работу на маковых полях до конца жизни.

Командир продолжил:

– Сейчас идут переговоры. Мы им пытаемся доказать, что МЧС – мирная организация. Пока не верят.

Я представил, что будет с правоверными, когда они увидят нашу шайку. Само собой, они решат, что это такой спецназ без парашютов, без автоматов, но с ледорубами. И пьяный для смелости. Правда, люди пить и петь перестали. Задумались.

Целый час штурман перепирался с душманскими властями по радио. И я не поверил, нас пропустили.

– Ура-а-а! – пронеслось по салону. Класс! Еще тост и не один. Вот это повезло, так повезло! А то, как нам из плена бежать? Второй раз талибов обмануть будет труднее.

Вот и всё. Последнее приключение не случилось, так – чуть-чуть попугало. Мы все разъехались по своим городам и домам. Встречаемся не часто, многих я с тех пор и не видел.

Для меня та поездка очень много значит, словно в человеческом отношении я выдержал некий экзамен и поднялся на невидимую ступеньку, не позволяющую мне «опускать планку». С фильмом получилось не слишком. Причина неудачи одна – я сам. Режиссура – вещь непростая. Истории приличной я придумать, к сожалению, не смог. Героизм, конечно, я проявил. Еще бы! На пленке 35 мм я один снял кино 30 минут, даже синхронные интервью умудрился записать. Снял всё и везде. Если бы я сделал это в 30-е годы, то мне поставили памятник и занесли в анналы, как Флаэрти и Шнейдерова. Сейчас «копать надо глыбже». Я умудрился сделать премьеру в доме кино, принял участие в трех заграничных кинофестивалях. В общем, и опыт, и шаг вперед. Научился многому. А это важно. Но главное – другое. Что?

Я уже сказал, ребята.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Лехина курточка

У меня на вешалке висит черно-синяя куртка с капюшоном. На ней написано английскими буквами «Gore – tex». Но она не настоящая, так – подделка под фирму. Эта куртка – память об Аннапурне.

Ефимов как-то день на второй нашего «стояния» в Катманду, вызвал Леху к себе в номер.

– Мы же команда, Алексей. Надо форму сделать на всех. Вот тебе сто долларов, пойди – куртки на всех закажи, девять штук.

И дал адрес шерпанского ателье.

– А размеры? Все разные и вдоль, и поперек? – резонно задал Леха здравый и очевидный вопрос.

– На себя закажи. Никому малы не будут. Их носить необязательно. Они только, чтобы фотки сделать парадные для рекламы.

Леха позвал меня переводчиком и чтобы нескучно было. Ателье оказалось не рядом – километров пять по темным закоулкам. Лишняя экскурсия не повредит.

В Непале можно торговаться хоть где, без этого никак. Мы обсудили фасон униформы с широкоскулым шерпом, нисколько не похожим на закройщика – чисто разбойник. Всё попроще – весь фасон один на всех. Леха без колебаний выбрал цвет – синий с черным. Угрюмые дизайнеры его обмеряли не больше трех минут.

– Найн штук! – сказали мы.

Шерп, довольный этим количеством, скинул нам по доллару с изделия. У нас осталась казенная десятка. А это вам не сейчас и не здесь. Мы славно отобедали в шерпанском ресторане жестким буйволинным стейком чудовищного размера и овощным супом.

Куртки получили завтра. Мне она была великовата, Ефимову велика, у Тимохи волочилась по земле.

– Чего цвет такой выбрали? – спросил начальник, подворачивая рукава.

Мы переглянулись с Лехой. Я сострил:

– Под цвет глаз.

Ефимов хмыкнул:

– Оператор! Этот цвет в дымке с пейзажем сливается. Оранжевый надо было брать. В нем тело за три версты видно! А в этом кто тебя найдет?

Мы понашивали рекламы на грудь и рукава курток. Наснимались для прессы и отчетов. Кто хотел, тот носил дармовую куртку. Я – да. Она промокала как марля. Не пропускала воздух как полиэтилен. Вид, в общем, один, не более. Она и сейчас как новая. Я понимаю, что она по Лехиным размерам. Пластмассовая – не испортится никогда, если у огня не держать. Я ее, наверное, сберегу на память. Буду иногда носить как в молодости, как в Гималайских горах.

Моего Лехи уже нет. Он стал очень сильным альпинистом, чемпионом всего, что только есть. Ему было пятьдесят лет, а он все носился по горам, счастливый, наверное. 15 мая 13-го года с напарником он пошел уже в который раз на Эверест. Там на маршруте чуть не в первый день они пошли по скале, зацепившись за чужую прошлогоднюю веревку. Напарник прошел первым. Я его потом видел – в нем килограмм 60, не больше. Леха двинул следом, без страха качнулся на веревке над пропастью, веревка натянулась... И – бац! Леха-братан улетел вниз на камни и лед гималайских гор. 200 метров свободного последнего полета. Наверное, даже испугаться не успел. Но о чем-то, все-таки, подумал?

Лехе повезло. Дело случилось на досягаемой для вертолетов высоте. Его вытащили из трещины, упаковали в черный мешок, потом в цинковый гроб и привезли домой. Редкий случай: в очень многих могилах альпинистов никто не лежит. А Лехе повезло – он дома.

❑

ЖИВОПИСУЯ НАУДАЧУ

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Поэт, автор 33 стихотворных сборников. Переводчик поэзии – классической и современной. Эссеист, автор многочисленных статей о поэзии, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат многих российских и зарубежных премий. Живет в Москве.

* * *

В пустынном доме ты поешь,
И долго голос одинокий,
Не столь уж внятен и хорош,
Витает на твоем Востоке.

Потом на Север повернет
И воспарит в порывах веры,
Но вдруг стихает, сбитый влет,
В глухие падает пещеры.

Над полем в юности летел,
Да так, что небо грохотало.
Теперь притих и запустел,
Лишь о своем грустит устало.

Звучит, неслышный никому,
И отдыхает, умолкая,
И отзывается ему
Судьба какая-никакая.

ПРЕДАНИЕ

Туземцев тюбетейки и треухи,
И среди них продавленный картуз –
Сутулый, после зоны тугоухий,
Прошел скрипач, былой любимец муз.

Расцвел урюк, я дочитал былины...
Мне говорят, что мимо князь идет.
Запомнились его костюм холстинный,
Рука, со лба стирающая пот.

Какой он князь! Он состоит в артели.
Взывают Первомая рупора
И авиамодели пролетели.
В душе иная музыка с утра.

А эта машинистка, как ни странно
(Столь неопрятна, от жары смугла),
Любовницей степного атамана
Давно, до первой высылки была.

Мое преданье все неимоверней,
Хотя оно не столь уж и старо.
Чуть светится и в накипи, и в черни
Серебряного века серебро.

* * *

Трубит горнист побудку пионерам.
Хребты блеснули в сизом серебре.
Я знаю, что еще в тумане сером
Сейчас киргизы едут по горе.

И я всхожу на верхнюю дорогу,
Что сыростью лесной осенена
И длится по тяньшанскому отрогу,
Перенося в другие времена.

Арба стрекочет, мимо проплывая.
Перетекают всадники с детьми.
О, эта жизнь иная, кочевая!
Не нужно ей излишнего – пойми!

Свои в ней злоключения и нужды,
И навыков премного, и наук...
И так тому, что долговечней, чужды
Вся наша явь и трубный этот звук.

* * *

В который раз отца теряю!
На жизнь и смерть его гляжу,
С ним подхожу к пустому краю,
К немыслимому рубежу.

Всё вновь вступаю в день зловещий,
И возвращаются черты.
Давно истаявшие вещи
Являются из темноты.

И знаю – нет покоя праху,
Пока еще так больно мне,
И эту старую рубаху
С печалью трогаю во сне.

* * *

Всегда любил базара гам и давку,
Верблюдов распродажу и коней,
Тандыр и керосиновую лавку,
И не отрекся от начальных дней.

Из этой глины и меня лепили,
И говорю, всей жизни вопреки:
Нет ничего роднее этой пыли,
Куда бросают нищим медяки.

Всегда оттуда приходила сила,
Где нож и хлеб рождаются в огне,
Где подаянья Азия просила,
Своих детей протягивая мне.

ВОСТОК

Набить узор на медном блюде четкий,
Списать хадис*, чтобы в пути везло,
И выпечь хлеб, иль починить подметки,
Нож выковать – повсюду ремесло.

Вот соль земли, чья убывает сила!
Искусство ваше близится к концу.
Но жив огонь... Как руки опалило
И пекарю и златокузнецу!

Есть цех воров с уменьем не попасться,
Цех астрологов по календарю,
Цех сказочников — слушай сладкогласца!
Есть цех поэтов — я еще горю!

КАМОЭНС

Дорога в край рубинов и холеры
Была трудней, чем нынче до Луны.
Пожалуй, больше мужества и веры!
Но и моря, и пряности нужны.

Какие вихри выли по дороге!
Трепещущих — на мачтах и корме
Гигантские хватали осьминоги,
И хохотали демоны во тьме.

И спячка за неделею неделя,
Безветрие, бессилье, пустота...
Вдруг эта буря у Коромянделя,
Ломающая реи и борта!

Оставив рыбам сундуки и шлемы
Спасались португальцы налегке.
И плыл Камоэнс, черновик поэмы
Держа в изнемогающей руке.

* * *

Трех демонов разинутые рты
Тысячелетий поглотили много,
Их густонаселенной пустоты...
О, воплощенья пляшущего бога!
Извлечены рабами из горы,
Образовав раздельные миры,
Они застыли, грозно нависая...
Но всё я думал, что сильней Исайя.

* * *

Вот и Цейлон, где вновь Адам и Ева
Увиделись, уже искушены,
И, убежав от огненного гнева,
Очнулись средь могучей тишины.

Дай оглядеться — как же всё знакомо!
Какие благодатные места!
Благоуханий сладкая истома,
Цветущих рощ павлинья пестрота.

Всё тот же рай, лишь малость обветшалый!
И океан заходит, не спеша,
В любовно разрушаемые скалы,
И от бессмертья устает душа.

* * *

Любовника убила Артемида,
В чащобах за оленя приняла.
Случайный стих, не различая вида,
В кого-нибудь вопьется, как стрела.

Я ранил Вас, хотя и на излете,
А мог любить. Но, и спустя года,
В моих словах опасность Вы найдете.
Любовь и смерть соседствуют всегда.

ПЕРСЕПОЛЬ

Персеполь. Девушки в хиджабах,
Но камни под ногами их
И знать не знают об арабах
И пришлых ордах кочевых.

Всё ж эти турки и монголы
В великолепии руин
Свои оставили глаголы,
Свои пометки на помин.

На мраморе и на граните
Записки грубые солдат
И эти поздние граффити
Об изумленье говорят.

Навечно в ночь огня и гула
Каменносечный ввергнут фриз,
В который факел свой метнула
Гетера пьяная Таис.

Когда оскудевает вера,
Имперская слабеет речь
И вдруг находится гетера,
Чтобы историю поджечь.

ШАХМАТОВО, БОБЛОВО

И заняты продажей сувениров
Потомки тех, что рушили и жгли.
Теперь живут, обломки быта вырыв
Из одичавшей сумрачной земли.

Повырубили ельник и осинник.
Вновь засияла церковь за прудом,
И в далях зачарованных и синих
Возник уже мемориальный дом.

Руководились фотоснимком старым,
Всмотревшись в этот пожелтевший вид,
Где у крылечка перед самоваром
Семейство благодушное сидит.

Там сбоку мальчик-инопланетянин.
Что чужд он всем, домашним невдогад,
И не поймут, как страшен он и странен,
Поскольку на фотографа глядят.

* * *

Осенена страницей Часослова,
Вместившей замки, пажити, поля,
Еще жила преданьями былого
Европы изобильная земля.

Но в городке, поднявшимся гористо
Над быстротой и памятью воды,
Раздался первый выстрел гимназиста,
А во втором уж не было нужды.

Я проживал там в крошечном отеле
Еще до заключительной резни,
И звоны предвечерние густели,
Звал муэдзин и множились огни.

И в сумраке я покидал берлогу
И к перекрестку шел на бледный свет,
И, оглядевшись, дерзко ставил ногу
В косой забетонированный след.

Но хилым был чахоточный Гаврила,
Была мала мальчишечья ступня,
Которая в историю вдавила
Двадцатый век, всех встречных и меня.

* * *

Не срезав угол, споря с Пифагором,
Пошел к тебе запутанным путем,
Не скорым, но, однако, тем, которым
Мы шли в таких же сумерках вдвоем.

Еще в другом я разошелся с греком
(Он знался с египтянами к тому ж),
Что, веря разделившим нас парсекам,
Не верю я в переселенье душ.

Всё чудится: к неведомому краю
Зовешь меня, ушедшая во тьму,
А я пока дорогу удлиняю
К оставленному дому твоему.

* * *

Живописуя наудачу,
Стихи слагая наугад,
Решил ли ты свою задачу,
Или словами небогат?

Не эти дрязги, кривотолки,
Разборки в жизненной грязи,
А густоту вишневой смолки
И свежий лист изобрази!

И стрекозы, что, отлетая
Из огорода в южный край,
Метнулась в сторону Китая,
И взгляд, и стрекот передай!

Как в детстве светится жар-птица,
Живая радуга-удод!
Позволь ей в слове поселиться,
Останови ее полет!

* * *

В березняке бредешь сутуло,
Летучей грезою согрет,
И видишь: бабочка мелькнула —
Вернулась из начальных лет.

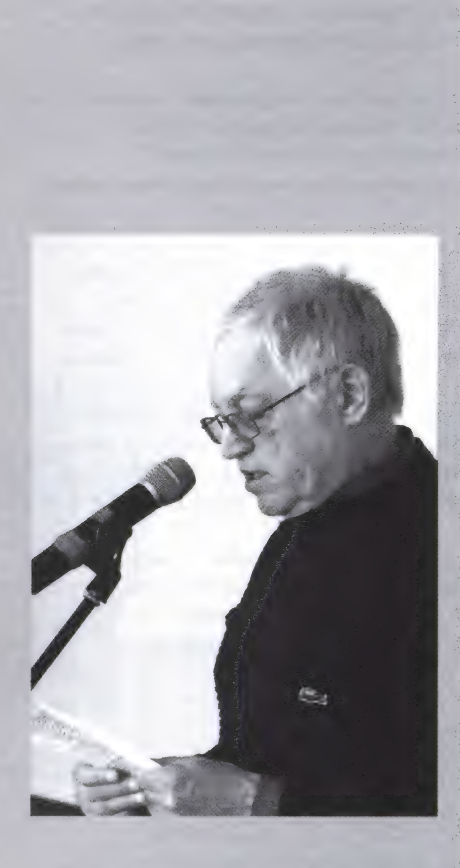
Еще не всё. Осталось всё же
Жизнь пережить. И пережечь
И эту рощу в свежей дрожи
В горючий уголь, в эту речь.

□

---

*Хадис – изречение Мухаммеда, передаваемое из уст в уста от первого услышавшего.

И РАЗЛЮБИТЬ ЧТОБ НЕ СМОГ

Валерий ЕРМОЛАЕВ

Член Союза писателей Москвы. Живет в Тавде.

***

Идти без цели в глушь березняка,
сойдя с проселочной размокшей глины,
в ориентиры выбрав на пока
столбы заросших телефонных линий,
и размышляя праздно обо всем,
невольно перейти — о смысле жизни,
что так естественно в раю лесном,
как, впрочем, и везде не будет лишним,
о смысле жизни — с сердцем тет-а-тет,
наполненным слепой горячей кровью
страстей, тревог и призрачных надежд
до ангельского пенья в изголовье...

О смысле жизни, впрочем, высоко
замахиваться думой не без толку ль —
тотчас сомненье хладною рукой
возьмет за горло мертвой хваткой волка.
Не слаб ли разум твой ответ искать —
каким умам он прежде не поддался?!
Но для чего-то думалось опять?
Куда пути ведут, понять пытался,
как всё ж куда-то именно вели
те же столбы своими проводами?
И для чего-то Боже одарил
непрожитыми наперед годами?

НАМ ВСЕМ

Другу Юрию Яценко

Нам всем предначертан судьбы окоем.
Как песне мелодия задана словом,
стезю нашу вычертил Божий геном, —
астральным оправданных календарем,
в веригах традиций и с крови клеймом —
отправил, к грехам и молитвам готовых.

Хрустальною вазой дарена нам жизнь,
но верим в бессмертное После беспечно.
Нам тесно в объятьях родимых отчизн,
всё мало нам плотских утех-дешевизн,
и следом — бездонных ночных укоризн...
Иль сны предвещают нам некую вечность?

И верим в величие духа всерьез,
горшки бытия разбивая на тризне
из глины страданий, ошибок и грез...
И завершая свой жизненный кросс,
пытаемся тупо в сосуде из слез
собрать черепки составления жизни.

***

Дождя опустилась на плечи рука.
Небесное олово плавит река,
с неё поднимается мокрый туман
и множит, и множит видений обман.

Обманчиво радуга радует глаз —
врата ее в небо, увы, не для нас.
Обманно исполнена жизнь — коротка,
конечна, как дождь, как туман, как река.

Но хочется верить, что все ж этот мир
не так безнадежно заношен до дыр,
зачитан до одури, выпит до дна —
туманом-обманом надежда полна...

***

Я верил в обманы, и — жил.
Теперь же — обманы без веры,
и сердцу без праведных жил —
как пальцам, прихлопнутым дверью.

Не верю ни снам, ни стране,
ни богу, ни черту с рогами...
Как будто взошел по стене
и кривду узрел под ногами.

ВСПОМИНАЮ

Самозабвенно и самонадеянно
читал я стихи у могилы Есенина...
И стыд, и гордость на сердце остались,
в счастье, что ли, перемешались?

ПРИЗНАНИЕ

Моей, совсем не белоручке,
всё ж не по силам авторучке
полет гусиного пера
над пушкинским «et cetera».

Как тайны, не дают ответа
вечернее свеченье Фета,
волшебный Тютчева эфир
и горний Лермонтова мир.

Тут суть не в качестве пера,
конечно же... et cetera...

***

Быть поэтом — всё любя,
олухом всесветным —
писать доносы на себя
шифром не секретным.

В этой мысли есть резон,
всё же — не поэтому

люди, верю, испокон
становятся поэтами.

***

Сколько нужно с терпеньем атланта
верных слов перебрать на веку,
переплавить в горниле таланта,
чтоб отлить золотую строку,
хоть одну из отточенных строчек
самых верных, единственных слов,
чтобы сверкнуло в ней чудо пророчеств,
отвечая на вечности зов.

ИЗ РАННЕГО ЧЕРНОВИКА

С улыбкой девица — Луна
всю ночь по небу будет плыть,
с кудельки Млечного Пути
тянуть серебряную нить.

Сверкая под луной, река
манит ночного рыбака —
он будет рваной сетью вновь
ловить русалочью любовь.

ТВОЙ ОБРАЗ

И хотя он давно уже — памяти дуновение,
юности слабое и чистое стихотворение
с робким «NN» его посвящения,

твой образ застыл с твердостью геммы,
как знак вторжения гендерной темы,
с небесного и земного вечной дилеммой,

и дрожь твоего худенького плеча,
как на сердце выжженная печать —
всё еще горяча.

***

Уводил ее в сирени,
трогал спелые колени,
проливал, смеясь, «бордо»,
чтоб поцеловать бедро,
с позволенья баловницы
нежно гладил ягодицы,
был так нежен и влюблен...
Вот такой приснился сон!
...Под покровом платьица
тайна жизни прячется.

ПРОСТИ

Ты как во поле береза,
как в жару глоток воды.
Без тебя — ну, вытри слезы! —
«ни туды и ни сюды».

Ты особого закроя —
с тобой любо рядом лечь.
Из березы дом не строят,
ею топят в доме печь.

***

Память вдруг обожгло стороной
прозвучавшее имя,
так лицо опаляет морозная колкость хвои,
имя женщины той, что нарушив обеты
предзимья,
посредине зимы вдруг разъяла
объятья мои.

И давно прощены ей обиды,
и клятвы забыты,
образ в памяти мудрое время
успело размыть,
но живет с того дня, до поры
в дальний угол забитый,
в моем сердце — ледышкой,
не тая — комочек зимы.

***

Сбивая дятлов перестук,
доносит город нудный звук —
собачий лай да крики пьяные —
и здесь достали, окаянные!
...На часик «вылез на природу,
в лесок, подальше от народу».

ПЕСЕНКА

Я рос в шестидесятые
и кепочку носил,
меня друзья щербатые,
всё кореши фиксатые,
учили: «Не проси»...

Потом в семидесятые
имел битловский вид,
с отца, чуть маловатые,
сменил брючата мятые
на джинсовый прикид.

Пришли восьмидесятые:
капрон, лавсан, нейлон,
а вместо пуха с ватою
надул щеголеватые
обновы синтепон.

Ворвались девяностые,
когда без лишних дум
постриг под бобрик космы я,
и галстук — в удовольствие,
и в троечку костюм.

А нынче мод феерия:
и джинсы вновь в цене,
и в кепке — вор и мэрия,
и с лейблами материя
в одежке всей на мне.

Такая вот история,
такой круговорот —
толь дней фантасмагория,
толь века аллегория,
короче... хрен поймет!

А вдруг нас завтра вырядить
возьмется фотошоп,
да с целью благородною:
казаться будем модными,
а сами — голышом?!

***

Мне в «кореши» не набиваться,
и подлецам не «рад стараться» —
быть только б Родине под стать.

И жить, чтоб сукой не считаться,
так просто жить, чтоб, может статься,
частицей Родины и стать.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк проходит по стране
под марш Победы и людские слезы.
Героев подвиг помним на войне,
и в майском небе поминают грозы...

Священна память наша, но горька,
и мы несем, их сыновья и внуки,
портреты, дорогие на века,
словно вручили нам Победу в руки!

***

Толь выбрал сам в провинции судьбу,
то ли она небрежно ткнула пальцем
в гадальный круг...
И вот в музейном зальце —
портрет при жизни.
Ну и что, твой путь
уже не кажется окольным и ущербным,
и от тоски скитаний душу лечит,
ее гордыне не противоречит,
и милы сердцу и уму родные вербы?

***

А.Ситникову

Вспоминаешь, Алеша, ты вятские тракты,
а я вот тавдинских дорог не могу
забыть, потому что контракты
с ними на жизнь подписал, и в стогу

у проселка как-то ночуя, увидел,
как по нему на рассвете идут
дней моих будущих тени. Я видел,
а виденья, конечно, не врут.

Да и Тот, кто Не Видим, предвидя
все предпочтенья и путы любви,
еще с колыбели, чтоб не обидеть,
кротко стопу мне направил: живи,

вот тебе город таежного кроя,
речка, дороги и теплый песок —
хватит тебе, чтоб лишиться покоя
и разлюбить чтоб не смог.

БЕЗМОЛВНАЯ ЛЮБОВЬ

Олег КУБИНСКИЙ

г. Екатеринбург.

Сергей руководил крупной компанией, был немногословен, тверд и если что-то обещал, то обязательно выполнял. В детстве полюбил соседскую девчонку. Учились они в одном классе, сидели за одной партой, оба получили высшее образование в одном университете и между делом поженились. Жили в любви, друг друга не попрекали, не ссорились. Редко, но встречаются и такие семьи. Родился у них сын, затем появилась на свет дочка. Всей семьей успели побывать в интересных местах мира. Этой общественной ячейке словно было даровано умение жить в согласии с собой и миром, а это жизненно необходимо всем людям.

Человек никогда ничем полностью овладеть не сможет. Воспримем это как аксиому или как одно из чудес древнего мира. И, в самом деле, все как-то половинчато придумано в существовании человека, коряво. Везде недосказанность, недоделанность, этому сопутствуют некстати нагрянувшие перемены… или внезапные повороты…

Увы, у жены Сергея нашли неизлечимую болезнь, и в течение двух месяцев эта зараза превратила миловидную женщину в скелет, открыв этим тяжелые ворота на небеса. Завалить бы камнями их хотя бы раз, чтобы хороший человек жить остался. Сергей потерялся от такого неожиданного горя. Он был реалистом, однако, разводя руки в бессильном отчаянии, часто повторял, будто разговаривая с женой: «Мой дорогой человек. Ну, не так же. Тайные планы Всевышнего, прямо как у лазутчиков, никто не разгадает. Ты-то меня на кого оставила?» Один раз ему даже почудилось, что он слышит покойную супругу, даже невольно повернул голову к мнимому голосу: «Любимый мой, твоя доброта и любовь ко мне были бесконечными. Не переживай, я хочу, чтобы у тебя все было прекрасно».

Однажды, когда друзья и знакомые собрались у него в доме поминать его жену, Сергея подвело сердце. Определили – инфаркт. Благо среди гостей оказался кардиолог и смог оказать ему крайне важную первую помощь. Пришлось Сергею отлежать в больнице, усердные медицинские работники поставили его на ноги. Да и у страдальца тоже откуда-то силы нашлись, он держался просто молодцом. Да уж, в человеке много загадок: иногда он может противостоять болезни, а горестным мыслям не может…

Время проходило неторопливо свои ровные промежутки. В течение двух лет Сергей научил сына руководить фирмой. Поскольку его состояние было нестабильно, он свое место уступил сыну и назначил его директором, а себя оформил помощником руководителя. Теперь, со свободным графиком работы, он лишь иногда ходил консультировать новоиспеченного директора, помогая ему в серьезных вопросах, и по мере возможности наслаждался утренним солнцем и вечерней прохладой.

Известно, что во Вселенной идет постоянная борьба добра со злом. А у больного? Больной богат своей печалью и скорее укрыт в ее объятьях, чем борется с ней. Тоска изъедала Сергея изнутри, иногда он неделями ходил рассеянный: сходит утром на кладбище, посидит рядом с могилой жены, вспоминая приятные моменты их жизни, и, казалось, недавно пришел, а уже раз – и вечер. Поднимаясь со скамейки в темноте, он подходил к памятнику, гладил ладонью фото-

графию супруги и, шепча, повторял: «Мы с тобой жили хорошо. В любви... Говорят, влюбленные любят тишину ночей. У нас каждая ночь была лучшая ночь любви... Почему же ты меня оставила здесь без всего... Мне Небеса напомнили простую истину: бесконечного счастья не бывает. А я, дурак, радовался да хвалился внутри сам перед собой – вот какую семью построил, какой я молодец. Наверно, поэтому все закончилось для меня катастрофой». Сергей в такие минуты не мог сдержаться и беззвучно плакал, вытирая слезы руками. После его ухода фотография улыбчивой миловидной женщины на памятнике всегда блестела в лунном свете от мокрых следов гладящих ее ладоней.

Порой, чтобы убить время и победить скуку, вдовец читал книги. А читал он всё про любовь и при этом научился курить, забыв, что в его состоянии курение – последнее, чем стоит заниматься. Для того чтобы не травить домашних, выходил на лоджию. Ходил он там взад-вперед, чувствовал себя каким-то обреченным, особенно когда наблюдал закат с алыми облаками. Вокруг себя ничего не замечал, будто находится на необитаемом острове. Думал, думал. О чем он думал, было известно только ему самому. Казалось, желание жить к нему уже не вернется, и смерть легко распознает его слабость.

Так бесцельно, неинтересно прошел еще один год. Была зима, холодная, навалило много снегу. Пришла весна дождливая, только в конце мая показались солнечные лучи, способные согреть озябшую душу Сергея.

Как-то раз, как обычно куря на балконе, он увидел во дворе женщину. Женщину статную. Фигура ее была находкой для ваятелей. Походка степенной. Она была в элегантном костюме, который был точно подобран по размеру, подчеркивая изгибы ее тела. Сергей не мог оторваться от этого видения. Можно ли обвинить человека, который стремится созерцать красоту? Наверно, нет, если он не заражен пошлостью. Казалось, как весной трава зеленеет в лугах, такие же отростки любви зазеленели у него в сердце, наполняя его кислородом и туманными мечтами. Скажете, это ерунда? Ничего подобного. Многие влюбляются с первого взгляда, хотя не хотят в этом признаваться, правда, в счет не берутся люди с похотливым нравом, которые ищут новых тел и живут на низких моральных волнах. Между прочим, глобальные закономерности природы тоже сформировались изначально с пустяка.

Сергей не знал, кто она, как ее зовут, замужем ли. Тем не менее каждый день он, выходя курить, ждал, когда же она пройдет еще раз. Он даже не знал, что она давно живет в этом же доме, только в соседнем подъезде.

Вот как счастливо Сергей жил со своей женой, что ничего вокруг не замечал. Теперь заметил, слишком долго тосковала его душа. Он видел эту женщину редко: только когда она заходила в подъезд или выходила из него. А долго смотреть за ней стеснялся. «Подсматривать некрасиво», – так он ограничивал себя и свое такое «некорректное» поведение не мог себе объяснить. Он был честным человеком, насколько человек вообще может быть честным. «Основа общественных фактов – сплетни. Я живу в этом доме больше десяти лет, никогда никому не давал повода судачить о нашей семье. А теперь своей бестактностью могу женщину опозорить. Не натворить бы бед». Так он думал, напоминая самому себе о простых истинах.

К сожалению, многие свою любовь – свои прекрасные чувства – не могут донести тому, кому они предназначены. Видимо, любовь и невезение тесно взаимосвязаны, и нужно очень постараться, чтобы прорваться к счастью... Везет только терпеливым...

Наглость человека не рождается вместе с ним, она приобретается. Видно, это качество и для развития любви необходимо. Со временем Сергей уже целенаправленно, определив время, каждый день ждал, когда она выйдет из подъезда, пройдет своей грациозной походкой и сядет за руль своей красной иномарки. Все это обильно сдабривалось мечтами и желанием выйти как-нибудь и сказать ей: «Привет». Несмотря на то, что Сергей ни разу не видел с ней рядом мужчину и детей, он не хотел получить отказ, поэтому ничего не предпринимал. Единственное, что он делал, завел себе записную книжку и писал, обращаясь к ней. Таким образом он пытался создать иллюзию счастья, дающего возможность возврата к предыдущим состояниям, и сохранить необходимый уровень эмоциональной напряженности.

Сердце ведь не камень. Оно способно выдержать многое. Но, чтобы выдержать любовь, к тому же безмолвную, еще способов не изобрели. А у Сергея сердце стало как хрупкое стекло. И вот произошел второй сбой...

Хорошо, что дети были дома. «Скорая помощь» приехала быстро. Когда врачи с хмурыми гримасами несли его на носилках к машине, Сергей попросил сына, чтобы тот дал ему с собой его записную книжку.

Погрузили его в карету.

Нынче как дом построят, тут же его огораживают забором, ставят охрану, а далее кому что взбредет в голову. Кажется, придет время, и мы с гордостью будем рассказывать внукам, в каком цивилизованном мире мы жили.

«Скорая помощь» неожиданно включила сирену. Сергей был еще в сознании, сонным голосом он спросил:

– Что случилось?

Врач уже психовал:

– Да какая-то дура на красной иномарке никак не может нормально припарковаться.

Сергей медленно-медленно начал говорить:

– Не ругайтесь, пожалуйста. Возьмите это, – он передал врачу записную книжку. – Отдайте ей. Если у нее появится желание, пусть прочтет... – и у него закрылись глаза.

Врач, подумав, что тут нет никакой экзотики, передал записную книжку сыну Сергея Ролану, который положил ее в свой карман и благополучно забыл о ее существовании.

Кардиологи в течение недели с большим трудом наладили состояние Сергея. Оставили его в больнице еще на пару недель и посоветовали ему впредь не нервничать и не переживать. Странный совет. Разумеется, сами доктора прекрасно знали о том, что при нашей жизни так жить невозможно, или надо быть крайне безразличным, либо ничего вокруг себя не замечать. Про любовь ничего не сказали, значит, пациент мог влюбляться, но аккуратно, желательно не угодить в водоворот страстей.

Через неделю Ролан, паркуя вечером свою машину, увидел, как подъехала та же самая красная иномарка, что мешала проехать «Скорой», и вспомнил о записной книжке. Только теперь дошло до сына Сергея, что он не выполнил поручение отца, забыл, что должен был передать. Ролан подошел к соседке и протянул ей книжонку с серьезным лицом:

– Помните, «Скорая» приезжала, так вот папа, когда его увозили, попросил это передать вам.

– Как он? – спросила женщина спокойным голосом и посылку взяла, будто давно ее ждала.

– Ничего. Доктора твердо обещали поставить его на ноги. Поправляется. – Почему-то именно сейчас молодой человек не хотел выглядеть как бесполезный монумент.

– В тот день я не специально...

Ролан не дал ей договорить, унижать женщину, заставляя ее оправдываться, было чуждо его воспитанию:

– Все нормально. Прошу прощения, я очень спешу, – попрощавшись, он юркнул в свой подъезд.

Коварство и благородство равнозначно распространились между душой и телом человека.

Люся Малинина – наша героиня – зайдя в квартиру, записную книжку оставила на столе в кухне и зашла в ванную. Она сильно переживала разрыв со своим любимым мужчиной. Это произошло как раз в тот день, когда Сергея грузили в «Скорую помощь». Вот почему она была такая рассеянная. Люсин возлюбленный в тот день должен был ответить на один вопрос: будут ли они вместе, или он не уйдет от своей жены? Немолодой кавалер, не соблюдая элементы дипломатии, сказал ей прямо в глаза:

– Откровенно говоря, давно хотел тебе сказать. Я от жены не уйду. Хочешь, будем встречаться, если не хочешь, без проблем. Я скандал устраивать не буду.

Это было сильным ударом для Люси. «Мог же сказать раньше. Почему столько тянул? Проверял мою любовь? Сколько лет я ему посвятила, как собачка, бегала на любой его свист. Вот и благодарность. Слава Богу, хоть справку о заработной плате за годы «работы» не потребовал»...

Она сказала тихо и со слезами на глазах:

– Ты обречен на жестокость.

Она была не готова к внезапным переменам, зато здравый смысл ей подсказал: без содержания форма пуста.

Увы, не просто растопить остывшую душу...

Как водителю мешают видеть дорогу обильные осадки и сильный туман, так же и мужчина не заметит хорошее в женщине, если он ее не любит. Не поможет наружное освещение, если в душе темно...

После того, как выплакалась в ванной, Люся наконец вышла оттуда, поставила чайник на газовую плиту. Пока переодевалась, вода вскипела, о чем сообщил своеобразный гудок. Она налила чай, присела к столу, как вдруг взгляд упал на записную книжку Сергея. Чуть поколебавшись, она придвинула ее к себе, открыла и начала читать.

«18 мая.

Сегодня я увидел женщину. Женщину статную. Я даже не знаю, кто она, чем занимается. Да это и неважно. Меня радует одно ее существование. Если тебя окружают достойные люди, к тому же красивые и интеллигентные, то хочется жить. Давно мне не было так хорошо... почему-то мне кажется, что ее глаза, как небо ясное, сияют, обещая каждый день приятную погоду... и смех у нее, наверно, заразительный...»

Люся от неожиданности поперхнулась чаем: «Это что – обо мне?!» и в тревоге принялась читать дальше.

«19 мая.

Когда у тебя есть интерес к жизни, время летит стрелой... Вот почему счастливая жизнь такая скоротечная... Она уехала со двора, а я даже не увидел. Надо же, прозевал важный момент. Важный момент для меня, но не для нее. Видимо, у нее много дел, вот и спешит на работу. А я бездельник, да еще и больной. Кому я нужен? Детям? Они уже взрослые. Без меня не пропадут... Только теперь понимаю, как счастливо я жил. Значит, не замечать вокруг себя ничего, жить с любимым человеком – это и есть главные составляющие элементарного человеческого счастья... И когда воображение мечтами туманными не тешится – тоже признак. Мне ничего вообще не надо было больше, я был доволен. Но горький урок я усвоил: надо строго следить за фортуной, чтобы она от тебя не убежала... А теперь я мечтаю о незнакомке – значит, я несчастлив? Да...»

«Что за горький урок, неужели с ним случилась трагедия?» – женщина поневоле прониклась сочувствием к незнакомому человеку, хоть и поначалу ей стало не по себе от того, что какой-то мужчина каждый день наблюдал за ней.

«20 мая.

Сегодня самочувствие хуже некуда. Дети ушли по своим делам. Проглотил таблетки, попил чаю и вспомнил, что я еще не выходил на свежий воздух. Подумал и собрался в магазин, чтобы купить сигареты, свежий хлеб и подышать полной грудью чистым воздухом, пока не успели загрязнить полностью нашу атмосферу. На всякий случай, выглянул во двор, ее машина была там. Наверно, что-то случилось, раз не поехала на работу.

Когда зашел в наш двор, встретился лицом к лицу с какой-то

женщиной. Ради вежливости мотнул головой, мол, здравствуйте. Только в лифте понял, что это была она. Поздно уловил шестым чувством... Какой же я тюфяк! Судьба мне подбросила шанс, а я со спокойной совестью его проморгал. Вот поэтому весь день настроение и было не из лучших. Говорил же Авиценна: «Ум во власти лени»... Великая загадка природы... Может быть, когда-нибудь найдется человек, который отгадает все скрытые возможности людей быть всегда счастливыми...»

Люся попыталась вспомнить их встречу. Случайную, а может закономерную. Да, что-то такое было, этот мужчина показался ей погруженным в себя, а его кивок был как будто адресован не ей лично, а всем мифическим соседям их дома. Что-то поглощало его мысли тогда. А, оказывается, это был кто-то, а не что-то. Это была она.

«21 мая.

Поздно встал. Почувствовал себя тяжелым штурмовым танком, который пытается двигаться по прямой линии по размокшим из-за осенних дождей полям. Когда я вышел на лоджию, ее машины не было во дворе. Видимо, она уехала на работу. А что ей еще делать? Сидеть и ждать, когда я что-нибудь ей скажу?

22 мая.

Тишина. Ничего существенного. Задумался о том, что может помочь мне с быстрым прогрессом в наших еще несуществующих отношениях...»

Крайне заинтригованная Люся, захваченная чтением, машинально подлила себе в кружку с чаем еще кипятка.

«23 мая.

Настроение хуже некуда. Когда я вышел на лоджию, было уже обеденное время. Приехал сын, забрал какие-то документы и уехал обратно на работу. Опять я ее не увидел. Стало скучно. Друзья часто шутили, мол, что такое не везет и как с этим бороться. Я-то точно на этот вопрос ответа не знаю. Я бы не отказался поговорить с ней по душам, только нужно ли ей это?

Странно, видимо, я влюбился. Как сказать об этом ей? Не знаю. Подвешенный язык – это не про меня, да и не хочу смешным выглядеть... Я должен быть скромным...

Как хорошо я жил... Никаких проблем. Жена была всегда рядом. Казалось, что так будет вечно, что мы вместе встретим старость... Увы... Она умерла, а я... Я тоже будто умер. И только эта женщина пробудила что-то во мне, жизненную силу. Я хочу жить, рядом с ней я хочу жить. Странно, но такова моя действительность...»

На этом месте Люся побежала в ванную. На ее глазах висела пелена от слез. «Его сердце полно любви... Какой же он скромный... Словно он человек из параллельной вселенной, где никто никого не обманывает и не обижает... Да-да, если один человек поможет другому, и тот поможет третьему и так далее, тогда на Земле воцарится рай, и количество слез уменьшится. К сожалению, многие желают объять необъятное», – успокоившись, она через полчаса продолжила читать. Дошла до последней записи. Еще раз сходила в ванную, привела себя в порядок, будто готовилась на свидание, попила водички. Ей показалось, будто Сергей смотрит на нее и тихо говорит: «С древних времен известно, что женщина не может быть счастлива, когда она осознает уход любимого человека от нее к другой женщине, притом навсегда. Но ты не плачь. Улыбайся, тогда вокруг тебя все будет прекрасно». Она открыла последнюю запись и начала медленно и спокойно читать, словно все ее душевные споры разрешились разом...

«...Оказывается, я влюбился. Скажи, кто мне об этом, я бы высмеял его в лицо. Однако факт остается фактом. Каждый день хочу видеть ее и каждый день жду ее... Да, надо согласиться с мнением, что любовь вечна, только принимает разные формы. Страшно лишь одно: что скажут дети? Дочка поймет, а Ролан? Не знаю... С другой стороны, что я делаю не так? Всю свою жизнь ни разу на других женщин не смотрел. Об этом точно могла сказать моя жена. Моя жена... Таких женщин на свете не бывает... Она была одна единственная... Оказывается, порой смерть становится желанным освобождением от всех земных горестей и радостей тоже... Мне иногда бывает стыдно, будто я ее память предаю... Кажется, моя совесть права, или как можно назвать мою влюбленность в соседку. Как? Как есть, так и называть. Я себя не понимаю... Когда жена ушла, у меня не было желания жить долго. Не знаю, почему-то Бог меня не прибрал... Если жена прочла бы эти строки, она с улыбкой сказала бы мне: «Тебе остается только написать кодекс нравственности»... Ясно, что всё это мои собственные умозаключения.

Сегодня читал в книге: прошлого нет, потому что оно прошло; будущего тоже нет, поскольку оно еще не наступило; есть только настоящее и надо уметь жить в настоящем времени. Верное определение и основа правильной жизни, особенно для таких, как я. Одним словом, судьба прячет накатанные дороги...

К сожалению или к счастью, жизнь не стоит на месте. Разумеется, я не оправдываю себя. Что я могу сделать, если она мне понравилась...

Стыдно в этом признаться, увы...

Говорят, когда буксуешь, необходимо обратиться к внутреннему голосу. Ну, что же он мне скажет?

Пока тишина. Ничего не говорит.

А может быть, когда он проснется, будет поздно? И будет ли у меня объект восхищения? Не знаю, не знаю...

Может быть, я испытываю перед этой женщиной страх? Который делает меня немым?

Нет. Разумеется, нет. Только не пойму, что за форма насилия? Я бы ничего не пожалел, чтобы она... ладно, оставим фантазии...

Самое верное, я думаю, будет подойти к ней и сказать все честно в глаза. Это не так-то легко... Хорошо, подошел, сказал, а даль-

ше? Пошлет она тебя к черту, вот и ходи да радуйся после этого... Нет, не может быть! Видно же, она культурная и сдержанная женщина, одна ее походка о многом говорит. И говорит еще о том, что она женщина, достойная любви. Только какая-то грустная. Переживает... женщины о многом переживают...

Будь, что будет! Откажет так откажет. Завтра буду целый день ждать ее на улице и скажу, что она мне очень нравится. Если свободная и я ей не противен, скажу, давайте будем семью создавать. А что тянуть, жизнь короткая, успеть бы счастьем надышаться. То, что произошло с моей женой, меня этому четко научило. Чрезвычайно обрадуюсь, если она согласится, тогда я смогу обойтись без этой кучи лекарств. Будьте уверены, дорогие мои доктора...

Может быть, она будет со мной разговаривать уважительно... а может, ласково...

Такие вот пироги... Пойду... обязательно...

Скажу ей...

Она...

Мне...

Очень...»

На этом месте ручка выпала из рук Сергея.

Посмотрев кардиограмму, доктор обратился к Сергею:

– Хорошо, хорошо. Теперь обещайте мне, дорогой мой человек, что волноваться не будете, особенно по пустякам. Нужны только положительные эмоции...

– А любить можно? – спросил Сергей, однако тут же пожалел, что сказал это, что за романтичный дурак, не так уж мало времени прошло, как его незнакомке записную книжку передали, и ничего, сын ничего не говорит, значит, не поняла, не впечатлилась, не согласна...

– Так вот какие задачи стоят перед нами! – серьезно сказал кардиолог, но глаза его улыбались. – Надо уметь наслаждаться женщиной, ее красотой. Этого можно добиться и спокойным ритмом, без бешенства. Любовь должна продлевать жизнь, а не сокращать. Скоро танцевать будете, но только медленные танцы, – шутливо погрозив Сергею пальцем, доктор дал необходимые указания медсестре и пошел к другим больным.

Сергей спал глубоким сном. Он лежал с закрытыми глазами и был почти неподвижен. Кажется, его неспокойное сердце отдыхало. Люся зашла в палату, и ее глаза сразу увидели своего соседа. Она подошла, аккуратно и бесшумно вложила в его тумбочку гостинец, что принесла с собой. Пристроилась на стульчике рядом с кроватью.

Прошло полчаса. Сергей открыл глаза и тут же, как маленький ребенок, протер их. Видение не исчезло.

– Подумать только... Это вы?

– Как себя чувствуете?

– Теперь великолепно. Уверен, худшее позади.

– Вот и хорошо. – Она засмеялась, и ее смех оказался именно таким, каким его себе представлял мужчина. Люся посмотрела вокруг. Некоторые больные спали, а некоторые вышли из палаты, понимая деликатность ситуации, да и чтобы неловкость сгладить. – Сергей, ты только не волнуйся. Если ты не против, я согласна стать твоей женой, – и красивые глаза опустила к полу, и начала теребить в руках носовой платок.

Сергей ничего не сказал, сделал только рукой приглашающий к себе знак. Она приблизилась, он обнял ее...

Любовь всесильна, она способна мгновенно исцелить самого безнадежного больного. И посему машина жизни, заправленная любовью этих двух симпатичных людей, выехала на прямое и ровное шоссе...

КАРМА

ИЗ ЦИКЛА «ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ БЫВАЛЬЩИНЫ»

«...Молодые и женщины хотят исключений...»
Иоганн Вольфганг Гете

Владлен КОЗИНЕЦ

Работа: слесарь на заводе, бетонщик на стройке, телевидение (Воркута-Свердловск): корреспондент, комментатор, заместитель главного редактора, главный редактор. Образование-специальность: факультет журналистики Уральского госуниверситета – журналист, Свердловский социально-политический институт – политолог. Премии: Союза журналистов СССР, ЦК ВЛКСМ, ЦК ДОСААФ, Министерства обороны СССР. г. Екатеринбург.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ЛОГИНОВ»

«...Мужчины охотятся, женщины хватают добычу...»
Виктор Гюго

1

Железное правило – ни в чем никогда не перечить жене – генерал-лейтенант Логинов соблюдал неукоснительно. Так сложилось с первых дней совместной жизни. Посмел бы кто на службе им помыкать! Даже командующий округом – и тот бы не отважился, хоть и слыл крутым военачальником. Прямолинейный, принципиальный до злого упорства, Логинов уверенно стоял на своем до конца. А вот с женой... Все двадцать лет брака старался ее всячески ублажать, удивлять, предвосхищать малейшее желание. Будто навечно поселился в нем старлей – порученец ее отца, в давние годы генерал-майора, ныне пребывающего в звании генерала армии Генштаба в ожидании скорого ухода на пенсию! Тот и зятя с десяток лет гонял по удаленным гарнизонам – переводил туда, где были вакансии для быстрого роста. Конечно, уберечь мужа единственной дочери от превратностей судьбы военного не получалось – пришлось Логинову хлебнуть шилом патоки и во время польских событий семидесятого, и Афган прихватить. Но оттуда – сразу в академию, и уже в чине подполковника определил ему тесть местом службы Урал. И сумел довести до должности заместителя командующего округом. Первого заместителя!

– Мусик, а ты знаешь, где мы будем с тобой отмечать 23 февраля! – громко спросил Логинов, проходя на кухню, где жена готовила его любимый гуляш. – Да и девчонок с собой возьмем. Вот им будет радость-то!

– Младшей рано еще. Да и как мы все – в одной машине. Сам за руль сядешь?

– Виноват! Не учел.

– Только хама этого, полковника Саблина, посади, будь добр, от нас подальше – не отворачиваясь от плиты, промурлыкала, подстраиваясь под тон мужа, Стелла Ивановна.

– А чего так? – совсем не удивился генерал, давно привыкший капризы супруги считать за руководящие указания.

– Да от его казарменных шуток с души воротит. А еще женуля его... Купчиха Кустодиевская! Полтора стула займет!

– Подумаем! Без ущерба для дела. Начальника политуправления в этот раз не будет – приболел. Поэтому командующий поручил именно мне букеты вручать. Кто-то ж все равно должен помогать – подать, поднести. Чтобы – честь по чести.

– Обязательно политработник должен?

– Да нет. Просто так заведено.

– А ты Сашеньку возьми. Вот уж красавец на загляденье! Даже хорошо, что спортсмен. Он же теперь тоже – начальство. Там одного росту – два метра! А уж фигура-то! Сто кило убойной силы! И почему в артисты не пошел? Голливуд по такому плачет! Ему бы в кино сняться – народ

---

* Карма – вселенский причинно-следственный закон, согласно которому праведные или греховные деяния человека определяют его судьбу. (Здесь и далее – комментарии автора).

валом повалит! В одиночку кассовые сборы обеспечит не хуже твоего любимого Шварценеггера!

– Ну, артисту еще и талант нужен, – мягко возразил супруг.

– Да ладно! Арнольд, что ли, сильный актер? Да дуб дубом! Деревяшка! Стоит вечно истуканом, реплики от партнерши ждет. Физия – пустая! И все равно у женских особей в кинозале дыхание спирает. Мечтают... Этот уж обнимет – так обнимет! А на руки подымет – к небу улетишь!

– Насчет Сашки – эт точно! Бабы от него без ума! Только зайдет в столовую штаба – официантки с ног сбиваются. Все к нему роем летят!

– Бабы на базаре семечками торгуют! Он с простушками и общаться не станет!

– Откуда ж нам с тобой про него знать? Я имею в виду – про его личную жизнь. Был женат, сейчас – холостяк. С бывшей женой, что в Москве осталась, отношений не поддерживает. Хотя и без ссор у них вроде обошлось.

– Еще бы! Всё ей оставил – и квартиру, и «Москвича». Завидная невеста получилась. А с другой стороны поглядеть – зачем она ему? Здесь красивых девочек мало? Да вот хотя бы из дочерей кто подрастет. Если раньше не окрутят...

– Я в эти дела не лезу. Кстати, для ясности. У него рост – сто девяносто один. А вот с килограммами ты точно угадала. В весовой категории до ста кило боролся в классической борьбе.

– Мастер спорта! Шутка ли сказать! Чемпион всей Советской армии!

– Тут тоже требуется уточнение. Майор Аристов – мастер спорта международного класса. А чемпионом Вооруженных сил становился даже трижды!

– Не цепляйся к словам! А то я сама не знаю. Как он там сейчас с этими архаровцами в спортклубе управляется? Никогда же прежде никем не руководил. Только за себя и отвечал. А его – из огня да в полымя.

– Командующий распорядился. Мы подобные назначения не обсуждаем. Правда – с испытательным сроком. Определили временно исполняющим обязанности начальника спортклуба на год. А прошло пока что всего полгода, чуть больше. Вроде неплохо у него дела двигаются: чемпионаты выигрывают, рост рекордов – налицо. Требовательный, аккуратный. С людьми, в целом, ладит. Конечно, мы понимаем – его уважают пока что авансом. За личные результаты. Как руководитель он еще должен себя проявить. Время покажет.

– А этот ваш ГГ, прости Господи, ему пакостить не будет? Я Григория Григорьевича, зама его, имею в виду. Наверно, когда Рудольф Михайлович на пенсию уходил, мечтал его место занять? А взяли человека со стороны!

– Да ладно! Ты насчет майора Галявиева Галимзяна Кавыевича? Рудик спецом его вытащил из дыры к себе замом, потому как хоть один настоящий армеец в спортклубе должен же быть. Тот так себе был спортсмен – в хоккей с мячом на любительском уровне гонял. Зато по службе все ступени роста прошел – командир взвода, ротой три года командовал. Особенных перспектив у него, правда, не намечалось: комплексные проверки – с четверки на троечку, самоволки, пьянки у личного состава случались... Так бы и засох в капитанах. А тут – сразу майора получил, квартиру в областном центре. И никаких тебе тревог, учений по колено в снегу. Да он и не мечтал о такой жизни! Зато уставы знает назубок, хозяйство образцово наладил. И от начальства далеко.

– Ну и имена у татар бывают. Язык сломишь, пока выговоришь.

– Он себя татарином не считает. В этом случае – на особицу. Кряшен*.

– Еще не легче! Да мне наплевать – хоть турок. Но взгляд у него! Как сварка! Цыганский глаз!

– Пусть его! Уверяю – он твоего Сашеньку беречь будет! На кой ляд непосредственного шефа подставлять? Так что с этой стороны я проблем не вижу.

– Сразу уж и моего! Ты говори – да не заговаривайся. За столько лет я на сторону и не взглянула. Хотя, чего скрывать, и в меня влюблялись. И кто помоложе, и кто чинами тебя повыше. Подкатывали еще как! Ты не все знаешь. Да только – дулю с маслом им всем! Один ты у меня всегда был и останешься, на веки вечные!

– Ладно тебе! Уж и слова сказать нельзя! Я ж не то имел ввиду. Раз ты так печешься...

– Логинов, тебе ли не знать? Если фортуна к человеку лицом, ей это быстро может надоесть – надо ее задабривать время от времени. А ну как начнут человеку завидовать, пакостить? На «Мерседесе» ездит! Одного этого достаточно!

– Машину он честно приобрел – на призовые. И – не задорого. Она и не новая ему досталась. Восстановленная. В Дюссельдорфе есть завод, где из подержанных тачек делают как новые. А продают чуть ли не за полцены.

– Молодцы! Хорошо придумали. Может, и мы когда разживемся. Так ведь? Ты же сможешь?

– Я уже об этом подумываю. Если что – Сашке и поручу перегнать. Самому-то мне – неудобняк. Если тебе интересно... В ГСВГ** договорились с этим заводиком через западногерманских коллег. Им время от времени отправляют небольшими партиями для продажи за наличные: для начальства, спортсменов, артистов. Вот Сашке и перепало – он как раз там международный армейский турнир выиграл. А уж из Берлина сам в Москву покатил. Так что – справится!

– Всем не объяснишь, откуда у него такое богатство. Так что – поберечь бы, пока сам крепко на ноги не встанет.

---

*Кряшен – православный татарин.
**ГСВГ – Группа советских войск в Германии 1945–1994 гг.

– Бережем, как можем. Да он и сам большой уже, многое понимает без подсказок. Хотя ты кругом права – руководящего опыта у него круглый ноль.

– Вот и не гробьте парня. Штучный товар вам достался, Сергей Дормидонтович! Как испыталовка кончится – представляй его сразу на подпола. На нем форма сидит – как влитая! Ни морщиночки! Глядеть закачаешься!

– Да он в майорах всего-то год ходит. А ты – на подполковника! В таких погонах полками командуют! Рано. Все равно генералом ему не быть. Не военная косточка!

– Скажи еще – много книжек читает. Папа «Войну и мир» раз в пять лет перечитывал, и каждый раз что-то новое, ценное для себя у Толстого находил. Даже на учения беллетристику брал – чтобы мозги не засыхали. Скажи – много таких людей сейчас среди офицерства? Сашенька – замечательное исключение! И читает много, и сам сочиняет. Ты хоть в курсе, что у него в Москве книжка вышла – перевод повести какого-то кубинского писателя. Видать, тоже военного.

– Он, когда на Кубе некоторое время инструктором служил по физической подготовке спецотряда кубинской армии...

– Которые Фиделя охраняют?

– Ну, я тебе этого не говорил. Так вот – увлекся тогда капитан Аристов испанским языком всерьез, потому и дело быстро пошло. Вскоре стал обходиться без переводчика. И, как бы в охотку, перевел какую-то тоненькую книжку на русский. Кубинцы это оценили. Руководство армейское обратилось к кому-то из больших людей в компартии, тот связался с Москвой – и решили открыть широкую дорогу парню. Без отрыва от службы. Про книжку я слышал – докладывали.

– Можешь сам почитать – тебе должно быть любопытно. Я уже половину осилила. Конечно, это – мужское чтение. Раз про войну. Но даже мне все понятно. На прошлой неделе он мне ее вручил – с дарственной надписью. Занимательно изложено. Молодец! Еще неизвестно, что там сам автор насочинял. А тут руку приложил очень культурный, грамотный мальчик. Филолог! МГУ окончил, хоть и заочно. Вот, держи – называется «На Плайя-Хирон». Ну, это про их кубинские дела с американцами.

– «Залив свиней» переводится с испанского. Это когда у них в шестьдесят первом...

– Не в этом суть. Таких пареньков – если б меня кто слушал – в армии бы растить да радоваться! Чтоб и другим хотелось погоны носить!

Стелла Ивановна не без оснований считала себя значительно культурнее мужа. Переезды с места на место не дали ей завершить учебу на искусствоведа, но и за это короткое время она научилась изящно придавать своим рассуждениям интеллигентный блеск. Да так, что и не придерешься! Недоучилась – потому что дети пошли: три дочки одна за другой. Ох, как любила дважды генеральша щегольнуть эрудицией, толково обосновать свое суждение по поводу литературного ли, театрального ли произведения. Неустанно таскала мужа и детей по спектаклям местных театров и заезжих гастролеров, вернисажам, кинопремьерам – особенно в Дом офицеров, где Логиновым всегда была уготована отдельная ложа. Куда она с особым удовольствием приглашала кого-нибудь из видных людей искусства.

На таких мероприятиях генерал безропотно терпел с многозначительным видом, практически ничего толком не понимая в ее рафинированных дискуссиях с актерами, художниками, кинооператорами, режиссерами – прежде чем пригласить их на ужин за свой счет. Поэтому чета Логиновых была популярной среди деятелей культуры. О них неизменно говорили в кулуарах: какие тонкие люди! А какие щедрые! Поэтому их постоянно приглашали, приглашали...

– А что не спросишь, где будем отмечать, мамочка?

– Да говори уже! Хватит на меня любоваться! Хотя мне, не скрою, приятно.

Многие считали Логинову по-настоящему красивой женщиной классического славянского типа: умеренной полноты стать, правильный нос, большие, глубоко оттененные голубые глаза, холеные руки... Таких возраст только красит. В свои сорок три она вполне была способна дать фору иным тридцатилеткам с более длинными ногами и навороченными прическами от модных стилистов. Мало кто знал, что неизменно короткую стрижку платинового оттенка Стеллы Ивановны содержала в порядке даже не профессиональный парикмахер, а соседка по лестничной клетке. Генеральша вообще умела практично обустроить быт и лишний раз пальчики не марала, хотя деньги по пустякам тоже не транжирила – надо же на перспективу и о приданом для дочерей позаботиться. Отец один зарабатывает на всё про всё. Пожилая вдова офицера, облученного во время Карибского кризиса*, за вполне умеренную плату «вылизывала» генеральскую пятикомнатную до зеркального блеска. А причесывала, подстригала, делала укладку хозяйке как бы на сдачу, по дружбе – перед традиционным вечерним чаем, завершавшим хозяйственный день. Чаепитие всегда завершалось подарками для вдовы и ее внучки в виде продуктовых наборов, поддерживавших весьма скромный бюджет соседки.

– Ну и куда же ты меня на этот раз поведешь? В ресторан? Может, в загородный Дом отдыха?

– А вот и не угадала! – Сергей Дормидонтович торжествующе поглядел на жену. – Мы умеем делать выводы из просчетов. В прошлом году, помнишь – ходили в музкомедию. Так ведь

* Карибский кризис 1962 года – когда СССР в ответ на размещение американских ракет средней дальности в Турции тайно перебросил войска с ядерным оружием на Кубу, что поставило мир на грань Третьей мировой войны.

пришлось целый спектакль смотреть! Не знаю, как тебе – но народу утомительно. Ну и зачем нам портить праздник? В театр и на этот раз пойдем. Однако – в драматический. И не на трагедию или комедию. Лучшие артисты города дадут специально подготовленный концерт в честь воинов! Выступят мастера всевозможных жанров: из филармонии, из эстрадных коллективов, цирковые обещали подтянуться. Понятное дело – актеры драмы как хозяева сцены выступят организаторами и с удовольствием берутся главенствовать: их начальник Зорин уверенно заявил – мол, у нас талантов поболе чем у других наберется, можем и сами все подготовить. Так ему и позволили! А другие артисты города что – не люди?

– Уже что-то новенькое! А назвать хоть кого-нибудь можешь? К примеру?

– Да откуда мне знать в деталях? Сегодня у командующего на совете политуправленцы докладывали о предстоящем праздновании, вот я тебе и довожу.

– Хочешь, чтобы я довольна осталась? Пусть пригласят эту, ну – которая в «Бесприданнице» главную роль исполняла. Как ее... Она нам с тобой еще очень понравилась, когда романс спела под собственный аккомпанемент на гитаре.

Стелла Ивановна вытерла насухо руки, распрямила спину, сделала паузу, набрав побольше воздуха – и негромко затянула вполне недурным контральто:

Не уходи, побудь со мною
Я так давно тебя люблю,
Тебя я лаской огневою...

– Тебе бы самой выступать на сцене, мусик! – искренне восхитился генерал. – Давно не слышал, как ты поешь.

– Так ведь и застолий в доме давненько не собирали. Можем и друзей порастерять.

– Одно дело – когда у всех равные звания. А нынче из закадычных знакомцев – кто младше, кто старше. Субординация-с! Не так все просто! Погоди, я сейчас в записной книжке посмотрю, как ее зовут, ту артистку. Артисты записаны на букву «А». У нее еще такое имя, вроде как нерусское – на мужское похожее. Вот, нашел. Заостровская ее фамилие. По мужу. Он в КГБ служит, капитан. А ее зовут вот как. Надин! Странно как-то. Никогда таких имен не слыхивал.

– Да ладно! Определенно – псевдоним. Поди – Надежда по паспорту. А для сцены, оно конечно – благозвучнее получается.

– Бу зелано, товарищ командир! Непременно выступит – раз ты за нее хлопочешь.

– А может – и правда дуэтом споем, Супрунков? Хотя бы для себя, без зрителей? Твой бас только малость отшлифовать! Красиво бы получилось! Тем более тебе-то и псевдонима не потребуется! Шучу!

2

Давно его не называли постарому! Вот ведь! Не сразу и понял, о ком речь – подзабывать, значит, стал за давностью лет.

...И как это только порученец, робея до икоты, отважился попросить у командира руки его дочери?! Генерал прицельно посмотрел старлею в глаза, отчего у того душа укатила в пятки, и через паузу процедил:

– Ну, если договоримся... по всем статьям. А то я уж подумывал... Знаю, знаю, что вы уж почти год женихаетесь... по разным темным углам. А то мне не доложили! Лучше уж... Да и... Девкето точно пора замуж. Мы с моей Музой Петровной девятнадцатилетними обженились. А вам уж обоим...

– Да я, Иван Иванович... Простите, товарищ генерал... Давно бы... Только... Боялся вас очень. А Стелка... ой, простите... Дочка то есть ваша... толкует: мол – вперед, папка добрый, не откажет. Да я за всех вас, товарищ командующий...

– Не мельтеши. Садись!

– Не смогу я – в вашем присутствии... Уж извините...

– Садись, говорю. Деревня!

Сергей и правда вырос в деревне. В их Саране все было завязано на картошке. И сажали-убирали почитай что сплошь картошку – остальные кормовые вместе со злаками шли привеском. Не те объемы! Так что и возили, в основном, картошку, и ели порой ее же одну... Поэтому призыву в армию он очень даже обрадовался: в войсках мясо либо рыбу почти что каждый день дают – сам слышал от дембелей. Да и... Хотелось белый свет повидать, а не только днище заколебавшего «Газ-51» Иркутского автозавода: вечно под ним лежишь больше, чем баранку вертишь! Технику на селе гоняют до упора – пока окончательно не развалится. А зарплата? Костюм справить – год копить нужно!

В полку под Питером «Зилок» стотридцатый ему достался разве только что не с конвейера! Гидравлика – что на твоей «Волге». Не как прежде на «Газке» – не только руками, а и всем корпусом при повороте приходилось наваливаться. На спидометре у «Зилка» было всего-то сто двадцать километров пробега! Мечта! Уж он его лелеял – мыл каждый день, любую пылиночку сдувал! Старательного новобранца довольно быстро произвели в младшие сержанты, затем – в старшие, а потом и вовсе перевели возить комполка на «Уазике». Началась совсем другая жизнь! Даже зам по тылу подполковник Гайдаенко, от которого раньше только матюги и слышал – и тот стал вежливо здороваться!

Пришло время увольняться в запас – а ему совсем неохота. Попросился на сверхсрочную. О серьезной военной карьере не задумывался. Если бы его спросили – мол, Супрунков, чего тебе на самом деле хочется, он бы от души тут же выпалил: возьмите меня назад, в часть. Какого рожна еще желать? Одет, обут, накормлен. Лишь бы не тащиться обратно в треклятую Сарану! Конечно, ме-

ста там красивые. Каждую осень художники толпами на пленэр приезжали. Городские студенты на уборке картошки разинув рты стояли, как только первые краски осени пройдутся по лесным опушкам. Но студентам что? Полюбовались месяцок, а то и меньше, повкалывали – и укатили. А попробовали бы они или те же рисовальщики годами глину месить! Из сапог не вылезаешь! Ботинки натянешь – с непривычки ноги гудят.

– А в военное не хочешь? – неожиданно спросил комполка.

Что тут думать?

– Как не хочу, товарищ подполковник? Очень даже... Только вот... Знаете, как в сельских школах обучают... У нас там... То учителя по иностранному языку два года не было, то черчение физрук преподавал. В аттестате – треть прочерков. Возьмут ли?

– Подтянем за годик. Не ты первый – не ты последний. Характеристику оформим честь по чести. Парень ты дисциплинированный. С техникой обращаешься любовно. Не как большинство – тяп-ляп, лишь бы не заглохла. Так что... Отправлю тебя к шуряку-полковнику, он из тебя человека сделает!

Так вернулся Супрунков на родной Урал. Но – не в родную деревню, а в Челябинское высшее военное автомобильно-инженерное училище. По окончанию коего отправили служить лейтенанта инженером-механиком автомотослужбы дивизии. В училище увлекся автогонками, так что на новое место службы прибыл кандидатом в мастера спорта. Победившего в традиционном осеннем автокроссе лейтенанта и приметил комдив. Подумал недолго – и перевел его из гаража в штаб.

Выросший на селе, где привыкли все делать сами, мастер на все руки, скромный паренек так прижился на должности порученца, что в скорости не только сам генерал – вся семья комдива просто уже не могла без него обходиться. Обувь подточать – зачем в мастерскую ходить, когда Серега лучше любого сапожника справится? Поднять что, перенести, передвинуть, подтащить – опять лейтенант с его медвежьей силищей. А уж если пришла нужда кому что-то устно, конфиденциально передать поручение серьезное с глазу на глаз от имени генерала – другого не ищи. Так рыкнет – мало не покажется! Родным стал по всем статьям! Старшего лейтенанта получил быстро, раньше положенного срока – а тут и дочка комдива подросла. Из дому ее надолго не отпускали – на дискотеки всякие, к подружкам в гости. Чтоб к девяти – как штык! Вот и заприметила девочка единственного в окружении отца молодого мужчину.

...Решающий разговор с будущим тестем получился коротким. Но – обстоятельным. Наметили жизненный путь по пунктам, по годам, по периодам. Спланировали, сколько надо детей. Генерал считал – троих.

– А не как мы. Пока мотались с место на место с двумя чемоданами – годики-то и ускакали, не догонишь. Двенадцать мест службы сменили!

Старлей все время кивал, порывался вскочить при каждом вопросе, его постоянно приходилось осаживать. Наконец, генералу это надоело, да и обсудили почти всё. Он сам прошел к холодильнику, достал бутылку «Московской», привычным движением разлил содержимое по двум тонким стаканам, протянул тарелку с бутербродами: на белом батоне с маслом – красная рыба, а поверх нее – красная же икра. Такого богатства Супрункову сроду едать не приходилось!

– За будущую семью! Стоя, молча и до дна!

Сергей намахнул все до капли, малость поперхнулся, торопливо закусил.

– А теперь... Сейчас услышишь мое главное требование, старший лейтенант. Фамилию свою, предками выпестованную, портить не дам. Да и благозвучней оно звучит для разных там кадровиков – это когда я тебе при хорошем поведении и отменном старании возьмусь звездочки на погоны нанизывать: майор Логинов, полковник Логинов. А твоя... Супрунков... Больше для прапорщика подходит. Уж извини! Что ответишь?

Сергей только кивнул. Хоть горшком зовите – абы в печь не сажали!

ГЛАВА ВТОРАЯ. «САШЕНЬКА».

«...Неизбежное надо принимать с достоинством...»
Марлен Дитрих

1

Концерт был хоть и шефский, то есть – благотворительный, без оплаты актерам и театру, но прошел на ура. Аудитория сложилась замечательная: уже слегка «вкатившие» офицеры штаба округа, их семьи – разодетые в пух и прах – утопили артистов в таких бурных аплодисментах! Плюс щедрый стол с богатой выпивкой и обильной закуской для актеров тоже заметно поднял градус мероприятия!

За кулисами распоряжалась начальник пищеблока штабной столовой, необхватная прапорщик Осадчая, в просторечии – тетя Нина. В честь праздничной даты она обрядилась в парадный мундир, а тщательно подкрашенную золотистую прическу венчала увесистая корона из кос! Это была ее стихия! Она просто обожала известных людей! Всей душой была с ними! А тут выпал такой шанс – и покормить их, и попоить от души!

– Та шо ж вы ничего не ядитя! – пристала она к ведущему герою-любовнику драмтеатра Армавирову. – То ж я и хляжу – больно вы худенький для своих годков, Стасик. У нас на Черниговщине считают: еслив у мужика к сороковнику нет ни живота, ни лысины – та у яго вообще ничяго нет!

– Перед выступлением, тетя Нина – ни-ни! Вот выдам фрагмент из «Молодой гвардии» – и тогда точно буду в полном вашем распоряжении!

– Так хучь ватрушечку свеженькаю пожуйтя. Она-то чем може помешать?

Отыгравшей на рояле под продолжительные овации солистке филармонии Алене Сморавской тетя Нина тут же поднесла на подносе рюмочку коньяка и бутерброд с финским сервелатом.

– Ну давай – шоб пальчики ще бойчее бегали по клавишам. Хотя куда уж шибче? Больно ладно получается у тябя, красавица. А что ж ты стоя? Присядь, сейчас горяченькое велю подать. Шо душенька желает – рыбку чи мясце?

– Да я побегу. У меня сынок захворал, а надо еще в магазин заскочить, с утра частные уроки давала, не успела. Дома – шаром покати!

– Так зачем нам с вами ентот магазин? С собой завернем.

– Так ведь и муж поесть запросит. Он как раз со смены придет.

– Зараз усе уладим, девонька. Сидай. Пока зразы мои распробуешь, мы тебе ужин на троих с собой упакуем. И на машине доставим прямо до квартиры.

– Ой, а удобно ли? Вы всегда нас так выручаете!

– Та шо б вы все без меня делали! Татьяна, – зычно выкликнула она официантку. – Сколько народная артистка тебя ждать должна, копуша?

– Да какая я народная...

– Будешь! Еслив кушать станешь цикаво!*

Попытавшегося прошмыгнуть клоуна Малишевского тетя Нина бесцеремонно ухватила за цветастую штанину.

– Ты шо как неродной, Вадим Иосифович? Ни тебе здрасьте, ни поцеловать в щечку! Не признал, чи шо?

– Тарасовна, родная! В другой раз! На детское мероприятие опаздываю!

– Так бы и казав! Бери бутылку коньяку и палку сервелата – и дуй! Хлеба з маслицем тоби детки найдуть!

Постепенно длинный – практически во все закулисное пространство – стол начал заполняться. Никто никуда уже не торопился. Полились тосты: и за праздник, и за искусство, и отдельно – за тетю Нину. А она, как заправская столовладычица, придирчиво оглядывала пиршество и вовсю гоняла без продыху и так сбившихся с ног официанток Таню и Лилю.

– Та шо вы как некормленые! Кто ж с такими задрыпами армию уважать будет? Гости голодные сидят, а воны копаються, копаються...

Душой застолья стал по привычке комментатор областного телевидения Венедикт Венедиктов. (Мало кто знал, что в его броском имени-фамилии природным было только имя – Венедикт Вшивцев звучало бы куда хуже). Он слыл популярным публицистом: сюжеты Венедиктова в «Теленовостях» и на радио отличались содержательностью и задорным юмором, нередко он засвечивался и в столичных СМИ, а авторская программа «Год до армии» транслировалась на Центральном телевидении – когда фрагментами в сборных передачах, а когда и целиком – все полчаса.

– Я бы хотел произнести тост за командование округа! Насколько оно у нас продуманное, прозорливое, порядочное. Другим меньше повезло. У меня однокурсник на Дальнем Востоке главным на ТВ, ту же тему ведет, что и я – армия, обороноспособность, призывники. Вот уж в этой восточной окраине – самодур на самодуре! Там такой потешный случай был недавно! Отправил мой соученик на учения корреспондента с оператором – раньше все сам освещал, а тут недосуг было. И вдруг звонок из района учений от пресс-секретаря округа. Он напрягся – вдруг что случилось? А вопрос прозвучал такой: почему ваши не пьют? Сам-то главред это дело уважает, если честно – вот командующий и привык к его компании – с подчиненными ему некомфортно. А тут – такой облом! Где это видано, чтобы пресса не употребляла? А дело состояло в том, что корреспондент в детстве чем-то переболел – ему категорически нельзя. Что до оператора – тот как раз завязал, у него проблемы были на данной почве. Ну как тут в двух словах объяснить? Особенно когда шум от винтов вертолета заглушает все напрочь!

– И шо вин казав? – у тети Нины, как всегда, были ушки на макушке. Какая интересная у людей жизнь!

– Ну, мы – народ находчивый. Перекрикивая шумы в трубке, мой кореш проорал: «зашитые» они оба, не смейте наливать!

– Ото харно! – констатировала прапорщик Осадчая. – Пусть лучше рубают побильше. Водку жрать каждый дурак горазд!

2

Оказывается, вручать букеты артистам – занятие с непривычки довольно-таки утомительное. К завершению концерта генерала было не узнать. Поначалу он был энергичен, весел: мужчинам-исполнителям крепко жал руку, да порой так, что некоторые морщились; дамам галантно целовал ручки; громко аплодировал каждому номеру.

– Папа! – улыбнулась ему старшая дочь Виолетта. – Поручи награждение Аристову. Он справится. Да, Саша? – кокетливо обернулась она в сторону майора. – Выручите отца?

– Если будет приказано...

И в этот момент на сцену стремительно вышла Заостровская. На ней был строгий черный брючный костюм с алой водолазкой – этот цветовой контраст зримо подчеркивал трагическое содержание номера. Внезапно приглушенный свет очертил ее дерзкое одухотворенное лицо в обрамлении подсвеченных лучом длинных волнистых волос, взгляд карих выразительных глаз заворожил притихшую аудиторию. Рванув струны гитары, Надин вначале декламировала

---
* Хорошо (укр.).

со стремительным нарастанием темпа... А затем запела в полный голос известную всем песню Высоцкого:

На братских могилах не ставят крестов...

Когда смолк последний аккорд, в зале стояла гулкая тишина. И, через паузу, тихо-тихо пошел занавес. Потрясенные выступлением, зрители не сразу осознали, что концерт, собственно говоря, окончен.

– Вот это да! – тихо произнесла Стелла Ивановна. – Лучшая артистка, первая красавица – и осталась без цветов.

Генерал молниеносно принял решение.

– Майор Аристов, слушайте приказ. Вручите вот этот самый большой букет роз актрисе Заостровской от моего имени. И еще... Поручаю вам сопроводить актрису Заостровскую домой на моей персональной машине, которая будет ждать вас у главного входа через сорок минут – после того как доставит нашу семью. Выполняйте!

3

Потом они медленно-медленно тянули из фарфоровых чашечек невероятно ароматный кофе, который Александр смолол вручную.

– С комсомольцами ездил в Никарагуа на уборку урожая кофе. Обком ВЛКСМ сформировал отряд из тридцати человек, меня послали переводчиком. Это – не просто кофе. Это – чудо! Совсем без вытяжки кофеина. Такого у нас не продают. Нам с собой разрешили взять понемногу. Вот – держу для самых почетных гостей.

– Которых ты умыкаешь, словно дикий кочевник, на глазах у честного народа?

...Генеральская «Волга» стояла под всеми парами. Александр распахнул переднюю дверь, галантно – придерживая за талию – подсадил артистку, сам расположился посредине заднего сидения.

– Командуйте, красавица! Куда едем?

Она повернулась к нему в полупрофиль, пристально взглянула в глаза:

– Кто-то вроде настойчиво приглашал меня на чашечку кофе... Если это не дежурная любезность... Вы свой адрес забыли, майор?

Как они подрулили к подъезду, где он отпустил шофера – «Дальше мои проблемы, свободен!», как пулей взлетели на второй этаж... Куда подевались ее шубка и его парадная шинель, а за ними – и вся остальная одежда... Осознание происходящего вернулось к нему, когда восхитительная женщина, гибко изогнувшись в его руках, завершила громким стоном яркий финиш...

Какое-то время они обессиленно лежали на подушках...

– Кто-то мне кофе обещал? – донесся до майора тихий вопрос.

4

Вернувшись в гараж, личный водитель генерала Логинова, сержант-сверхсрочник Адамович осторожно открыл дверь слесарки. Убедившись, что по вечернему времени там – никого, быстро схватил трубку телефона. Прослушать его не могли – этот телефонный аппарат был запараллелен только с телефоном начальника гаража. А тот сегодня, как и большинство, праздновал. Крутанув номер, негромко сказал:

– Говорит Толик...

Капитан Анатолий Заостровский несколько часов назад заступил на суточное дежурство. Все, как было в юности в армии: в шесть вечера заступил – в шесть вечера и сменят. Конечно, хотелось тоже побывать на концерте, послушать, как жена там споет. Но – служба...

Дослушав рапорт своего агента, он кратко ответил:

– Доложил – и забудь! Вопросы есть?

5

– Сколько тебе лет, мальчик? – по-кошачьи потянувшись в кресле, спросила Надин.

– Двадцать восемь. На прошлой неделе исполнилось. А что?

Она даже не собиралась запахивать халатик, который Александр бережно накинул ей на голое тело в спальне: пусть парень полюбуется всей красой, раз уж ему подфартило – легко и внезапно! И что вдруг ударило в дурную бабью голову? Каприз, да и только! Когда этот шустрик успел шорты с футболкой натянуть на свой мощный, как у Геракла, торс? Ну прям скульптура во плоти! Воплощенная мечта замужней дамы. А незамужней – и подавно.

– Карма проклятая! Вечно в меня малолетки влюбляются. Мне уже давно – тридцать два. Ты-то ладно – гигант. А муж – разве что до плеча. Ты вообще... молодцом. Опыт заметен. С такими-то данными! Видать, ни одну не пропускаешь?!

– Да не сказать, чтобы очень...

– Почему не женишься? Большой уже.

– Было. Проехали.

– И как она тебя отпустила? Лучше нашла? Не поверю!

– Так сложилось.

– И кто из вас складывал?

Ему почему-то очень комфортно было с этой женщиной. И не только по причине, что глаз от нее отвести не мог. Что-то домашнее, теплое исходило от красавицы, несмотря на эпатаж. Будто была она априори мудрее во много раз. И как-то невольно потянуло чуть ли не на исповедь.

– Мы и поженились-то от одиночества. Светка – моя одноклассница. Не то что бы большая любовь у нас была – так, согрешили после выпускного. До этого только целовались. Жили в небольшом городке на севере – дома напротив друг друга. Там никто оставаться не хотел после школы. Поэтому и планов особых на будущее не строили. Она в московский пед готовилась поступать, на дефектолога. Я на Урал нацелился – на иняз. Бабушка тут жила. На прощание еще одну ночку скоротали – и до скорого! Я тогда еще решал – может, в физ-

культурный податься? Борьбой увлекся с четырнадцати, стало получаться: чемпион города, республики, на юношеском первенстве страны в тройку вошел. Ладно, умные люди разъяснили: спорт – это ненадолго, профессию нужно получать. Великих тренеров – единицы, а вышедшие в тираж спортсмены, которых пруд пруди, за копейки горбатятся в учителях физры.

– Правильно советовали! Несерьезно это все: проиграл, выиграл. Сегодня ты – завтра тебя. Лотерея!

– Я и послушался. Только бросать рано не хотелось. Студентом попал к хорошему тренеру – в спортклубе армии. В педе секции борьбы не было. Когда начал выигрывать, оформили меня служащим Советской армии, через год дали младшего лейтенанта – чтобы проще подкармливать. Вроде как человек получает образование – можно его и в офицеры. А на третьем курсе, когда на Вооруженке стал вторым, забрали в ЦСКА. Перевелся на иняз в МГУ – плюсом к английскому пошел испанский. Мне он интереснее показался. Уже в лейтенантах тогда ходил. Мы с одноклассниками переписывались – про Светку я знал, как у нее и что. Решил в столице найти школьную подругу. Приехал к ней в общагу – мама родная! Комнатушка на двоих – квадратов восемь, кухня – одна на целый этаж. Вонища в коридоре! Вечно там кто-то жарил-парил. Жалко ее стало. Никогда она в таких условиях не жила! Отец – зампред горисполкома, известный в городе человек! Да и, честно говоря, малость соскучился. А она, оказывается, меня ждала – ни с кем ничего такого. Просто первой не хотела шаг делать. Гордость не позволяла.

– И сразу жениться побежали?

– Да нет. Сняли квартиру. Вскоре в первый раз стал чемпионом Вооруженных сил. Командование наградило внеочередным званием и однокомнатной – спортсмены такого уровня привлекаются в сборную СССР как перспективные, поэтому им создают соответствующие условия. Через год я уже легче снова Вооруженку выиграл, на Большой России третьим стал. Вошел бы в «двойку» – мог бы и в чемпионате СССР поучаствовать. Для армии это уже считалось престижно – наши чемпионы страны выигрывают всё, вплоть до Олимпийских Игр. Но таких – единицы!

– Без травм обошлось? Вы ж оглашенные!

– Бог миловал. Вручили ордер от двухкомнатной. Дипломы мы с ней получили почти одновременно. И тут Светке предложили аспирантуру – она в профессии хорошо шарила, из любого шепелявого могла диктора телевидения слепить. Но... Дали недвусмысленно понять, что для построения научной карьеры лучше быть москвичкой. Я и предложил – давай распишемся, раз необходимо! По-деловому, без свадьбы обошлось. Родители, естественно, прилетели, в ресторан сходили... Они нам двушку тут же и обставили в качестве подарка.

– Правильно! Толку от этих свадебных гуляний!

– Ну, прожили два года. У нее диссер ходко двигался. Я еще раз Вооруженку повалил. Раз так получилось – еще одно воинское звание досрочно отхватил.

– Ну и завели бы деток, жили бы себе как люди.

– Да не поглянулась мне Москва. Как-то там все... Будто на марафонской гонке: пока ты на дистанции лидируешь – тебе аплодируют. Стоит чуть оступиться... Желающих на твое место – полно. А ты потом – как хочешь. Не по-людски. А тем более – всего лишь капитанские погоны... В столице маршалов – не сосчитать. Я уж думал куда-нибудь перевестись... подальше. Чтоб спокойнее себя чувствовать. А Светке там все понравилось. Не портить же человеку жизнь. И тут – эта командировка на Кубу.

6

На Фиделя Кастро покушались несколько сотен раз. Изобретательны были враги кубинского лидера. Знали про его любимый вид сигар – Cohiba. Сумели внедрить в окружение кубинского эмигранта – из семьи тех, кто все потерял в результате революции. Он-то и подсунул отравленную сигару точно под правую руку лидера к утренней чашечке кофе. Как только умудрились телохранители перехватить «подарочек»! А еще любил Фидель дайвинг – часами мог нырять и просто из удовольствия поплавать, и поохотиться с подводным ружьем. И это попытались использовать: на день рождения среди множества подарков подложили маску для подводного плавания с дыхательными фильтрами, обработанными туберкулезным возбудителем. Насилу успела охрана проверить перед погружением! А уж про ручки со шприцами в стержне, полными яда! Про носовые платки, заряженные смертоносными бактериями! Про ботинки с подсыпанной в стельки солью таллия – медленного яда, от которого вылезают волосы – это когда в зарубежных поездках обувь выставляют в коридор для чистки... Устанешь перечислять! Личной охране забот хватало!

Когда готовились в восемьдесят шестом году к Ш съезду Компартии Кубы, вождь решил в очередной раз удивить белый свет. Он мог выступать часами, не прерываясь, с бешеным темпераментом, возбуждавшим аудиторию до самых острых высот обожания. А тут готовилась супер-речь – рекорд из рекордов. Который он и установил, в конечном итоге – 7 часов 10 минут. В такие моменты притупляется бдительность, усталость наваливается у слушающих.

Решено было предпринять дополнительные меры обеспечения безопасности. Для чего придумали отвлекающий маневр: провести товарищеский турнир между армейскими спортсменами СССР и Кубы по единоборствам: борьба,

бокс, стрельба, фехтование, тяжелая атлетика – как бы в качестве подготовки к очередным Панамериканским Играм* 1987 года с целью выявления резервов. На самом деле – для пополнения охраны молодыми тренированными офицерами. Прежде всего, конечно – из числа местных. Тут и сыграл дополнительно свою роль испанский Александра.

Встречи на ковре хоть и носили дружеский характер, но за победы спортсмены обеих стран бились бескомпромиссно. Изнурительной стала для Аристова схватка с чемпионом кубинской армии капитаном Хуаном Рамосом. По технике и тактике хозяин ковра хоть и уступал русскому сопернику, но какая у него обнаружилась фантастическая реакция, помноженная на выносливость и физическую силу! Этот высоченный мулат успевал предугадывать все маневры советского чемпиона, какие бы замысловатые комбинации тот не выкручивал. Лишь на последней минуте Александру удалось молниеносным броском перевести соперника в партер и заработать победное очко.

Познакомились они в душе. Рамоса поразил хороший испанский собеседника, Александра – русский хозяина ковра. Кубинец тут же пригласил Александра в бар на морском берегу. Где они от души попили текилы, жгучего кубинского рома, наплясались под зажигательные латинские танцы.

– Кубинцы и русские – братья навек! – чокаясь бутылками, громко кричал Рамос. Его друзья подхватывали:

– За дружбу, камарадос! Мы всегда будем нужны друг другу! Это – карма!

«Править?** Кто кем? Я, может, что-то неправильно понял? Уж не вербуют ли? Вот не было печали!»

Решился задать вопрос Рамосу.

– Да ладно! У этого слова – много понятий. Долго объяснять. Потом сам разберешься. Самое удобное окончательно овладеть языком – познакомиться поближе с местной. Мы в Москве в академии так же делали. Кстати, сержант Рамирес хочет провести с тобой ночь – взглянув на яркий, в полнеба, закат улыбнулся Александру Хуан. – Не беспокойся, она – проверенная: заразой тебя не наградит, да и языком чесать не станет. Я ее давно знаю – в одном подразделении служим. Отказываться – грех. Конечно, если мы стали друзьями, Александр!

– Эта вон та светлая мулатка, тоненькая красотулечка?

– Она самая! Кстати, эта, как ты выразился, тоненькая лежа жмет девяносто. Силища в ней – мужская. Так что рекомендую тебе не опозориться сегодня ночью. Наши девушки вообще-то невысокого мнения о белых мужчинах как о партнерах в постели. Постарайся доказать обратное.

– А в чем наше слабое место?

– Кончаете быстро. Наши звездочки умеют так завести! Но имто тоже хочется получить свое!

– А свое – это сколько?

– Как минимум – один к трем. Иначе – слабак. Это я тебя по-дружески предупредил.

Эстелла Рамирес оказалась просто прелесть. Она поначалу была сама невинность: умильно щурила глазки, легко выскальзывала из объятий русского капитана... А потом в ней проснулся такой темперамент! К утру Александр уже ничего не хотел: ни завтрака, ни разговоров – выспаться бы. Эта шоколадка так его заездила! Вот только что была сверху – а уже к паху скатилась, возбуждает острыми грудками; то властно переворачивает его животом вниз, медленно скользит всем телом от затылка до пяток – и уже опять под ним. Не успел и оглянуться – она уже снова сверху...

Утром он обнаружил Эстеллу... стоящей на голове.

– Глаза проглядишь, русский! Или ты хочешь секса в этой позе? Я могу!

– Где ты этому научилась?

– Моя бабушка была гейшей в Осаке. Они многое умеют, о чем вы и не догадываетесь.

– Так ты еще и японка?

– Китаянка. На четверть. Лучшие японские гейши – как раз из Китая.

Она пружинисто вскочила на ноги без помощи рук. Победно взглянула на Александра.

– Ты был на высоте, парень. Жаль, что скоро уезжаешь. Я бы тебя многому сумела обучить!

А тут и отъезд Аристова неожиданно отложился. Капитан Рамос передал ему просьбу руководства: вступить на время в отряд особого назначения по охране вождя революции. Где служил и сам капитан, и ночная подружка Александра. Формально ему предложили стать на время инструктором по физподготовке.

– К съезду партии готовимся. Хорошо обученный человек нам не повредит.

– Так я же не спецназовец, – все же решил упредить Аристов. – Всё, что умею – это ковер. Погоны – ведомственная радость. Выступал бы за «Динамо» – носил бы милицейские.

– На ковре ты – орел, как у вас говорят. Мне на Кубе равных нет, а ты вон как меня приложил! Всему остальному обучим – рукопашка, стрельба по-македонски***. До события еще три месяца, вполне достаточно при твоей тренированности. Кстати, сержант Рамирес дала тебе отличную характеристику. Так и сказала: этот белый ничуть не хуже мулата. И после такой оценки ты еще сомневаешься? Скажу по секрету – руководитель вашей делегации генерал Иванов уже дал согласие: вас тут трое останется – еще боксер и тяжелоатлет. Для усиления нашего подразделения. Получите и кубинскую форму, и документы с нашими именами-фамилиями. Когда загорите под солнышком – как мы.

---

* Панамериканские игры: проводятся раз в четыре года на год раньше Олимпийских.

** Karma – дословный перевод «править» с испанского.

*** Стрельба на бегу с двух рук по подвижным целям (военный термин).

На съезде Аристова определили в группу быстрого реагирования. Но мероприятие прошло без происшествий. Александр мыслями был давно в Москве – пора было готовиться к чемпионату Вооруженных сил, однако камарадос и после съезда не спешили отправлять гостя восвояси. Пришел приказ – остаться для повышения боеспособности дружественной армии: тренировать солдат и офицеров. Налег всерьез на испанский – времени было достаточно. И однажды так увлекся, что перевел тоненькую книжку современного военного писателя на русский язык. Показал Хуану.

– Вот тебе и дело на Кубе – помимо спорта! Я доложу начальству, – обрадовался тот.

Они крепко подружились, досуг почти всегда проводили вместе. Иногда и зажигательная красавица-сержант присоединялась – с последующими страстными ласками на всю ночь. Вскоре Аристова пригласили в советское посольство. Шел под мандражом – неужто прознали про Эстеллу? Да за такую аморалку и из армии поперать могут! Обошлось, слава тебе Господи!

– А у вас несомненный литературный успех, капитан, – обрадовал его референт по культуре и связям с местным населением. – Армия Кубы заинтересована в пропаганде своей литературы в СССР. Предложили заключить договор на длительное сотрудничество. Если вы не против, их генералитет выйдет на самый верх, чтобы на уровне ЦК КПСС вам дали возможность издаваться дома на постоянной основе. Не каждому переводчику так везет! Конечно, многое зависит от вас – от вашего желания, старательности, упорства. Так как, принимается?

– Все бы ничего. Только вот специального образования у меня нет.

– Талант все искупает. Захотите – дело пойдет. А уж новые поступления книжного рынка Кубы мимо вас не пройдут. То, что мы посчитаем важным для укрепления дела социализма и взаимной дружбы, будет вам немедленно предоставлено для перевода и впредь, когда вернетесь домой. Еще такие гонорары огребете с обеих сторон!

7

– Мне кажется, я просекла твою ситуацию – улыбнулась одними губами Надин. – Возвращаешься ты это через годик – и застаешь благоверную… Угадала?

– Пальцем в небо! Мы постоянно переписывались, я изредка звонил. Все прошло без сюрпризов.

– Потому и без сюрпризов, что она знала, когда ты появишься. Баб за дур не держи!

...Когда Аристов наконец-то оказался в Москве, пора было входить в форму к очередному армейскому чемпионату. Чем и занялся со всем усердием – все же год целенаправленных тренировок не было. В спорте все быстро делается: оглянуться не успеешь, а подросли новые силачи, которым только дай порвать чемпиона на британский флаг.

– Всё – как у нас. Попробуй только зазеваться!

– Кое-что пришлось и форсировать – климат на Кубе совсем не московский, расслабляет.

– Еще бы – с такими сержантами. Ловко они решили твой половой вопрос! Без затей, гостеприимно. Не осуждаю: человеку – человеково! Зато поди тряпочек Светланке навез?

– Так, по мелочи. На Кубе покупать нечего – экономическая блокада со стороны Штатов сказывается, в магазинах – сплошной ширпотреб, которого и в Москве навалом. Зато появились у меня чеки Внешторгбанка для реализации в «Березке». Вот тут уж Светка оттянулась по полной – весь «Москвич» шмотьем забила. Перед самым моим отъездом она получила права и в мое отсутствие гоняла по Москве как подорванная. Даже не сразу меня за руль пустила – мол, не отвык ли от столичных пробок?

– Квартира… Машина… И что не жилось?

– Интересно? Расскажу. Но перед этим...

Александр подхватил Надин на руки – и они снова очутились в спальне. И опять вспыхнула такая любовная схватка! Небу стало жарко!

8

Командующий округом генерал-полковник Егоров сам в молодости увлекался спортом. Не на результат – для себя, чтобы не хуже других быть: кроссы по утрам, лыжи, плавание, гирьку тягал. Как болельщик не пропускал ни одного чемпионата «французской борьбы» в цирке, подружился с легендарным уральским «богом легковесов» Кристапом Вейландом-Шульцем. Молодого командира восхитил патриотический поступок великого чемпиона в сорок первом: Шульц тогда продал свой бриллиантовый пояс многократного чемпиона мира и на вырученные деньги купил для Красной армии два танка!

Когда цирковая борьба приказала долго жить, интерес к поединкам мощных атлетов у Егорова не угас и в генеральских чинах. Бокс он недолюбливал: там хоть проиграл, хоть выиграл – у обоих морда бита как у хулиганья уличного. Другое дело – борьба. Победы здесь даются не через унижение соперника – превосходство доказывается техникой, тактикой, отточенной реакцией. Чем не военное дело во всей красе? Когда командировки в Москву совпадали с борцовскими чемпионатами, непременно выкраивал время посидеть на трибунах, пообщаться с болельщиками. Обычно в курс дела его вводил полковник ЦСКА Коля Егоров – старинный друг по академии и полный тезка командующего. Этот ушлый москвич знал всё и обо всех. Из столицы – ни на шаг, а то сам бы в генералах давно ходил. «Мы, арбатские, ребята хватские», – любил гова-

ривать полковник, тем самым намекая, что лучше на Арбате быть сержантом, чем генералом в Сибири.

Егорову-генералу повезло и на этот раз – удалось побывать на чемпионате «классиков». Ему приглянулся загорелый до черноты типично русский парень в полутяжелой весовой категории. Как он уверенно шел от победы к победе, как красиво расправлялся с соперниками! Когда в третьей схватке ему удалось одержать верх на «туше» – положить соперника на лопатки, что случалось чрезвычайно редко в поединках мастеров – Николай уверенно заявил:

– Ну всё! В этом весе чемпион определился! Еще один поединок, и...

– Думаю, нет, – возразил москвич. – Хоть капитан Аристов и трехкратный чемпион армии, но не на этот раз...

– С чего это вдруг?

– Он еще с Хасаном Орцуевым не боролся. За год, что уралец на Кубе провел в командировке, этот горец стал чемпионом Европы. Ты просто на него не обратил внимания – он менее эффектный внешне. В следующем круге они и встретятся.

– Ты сказал – уралец?

– Ну да. Этот капитан начинал в вашем СКА. Ты тогда на Кавказе служил.

– Думаешь, не быть ему первачом сегодня?

– Если бы только я так считал. Похоже, его время прошло. В сборной тренировался несколько лет – а ни чемпионом России, ни Союза так и не стал. Пока-то он там числится. Но – пока. Двадцать семь – а Орцуеву двадцать два! Ты-то кому бы отдал предпочтение, а? Если бы тебе решать?

– Без меня разберутся. А этого парня я с собой заберу. Это у вас тут «международников» да заслуженных – хоть асфальт ими стели, а у нас их – наперечет, по «классике» – ни одного. Мне как раз начальник спортклуба нужен. На смену Рудольфу – ты его знаешь. Только на пенсион подался – тут же в Крым жить переехал. Только мы его и видели. А этот... Как думаешь, поедет?

– Спорно. Он уже несколько лет как москвич. Женат. Университет окончил. Знакомств достаточно, чтобы и без борьбы прожить припеваючи. Захочет снять погоны – кто его станет удерживать? Он же в армии как таковой и не служил. Толку что капитан – кто ему роту доверит? Полковым физкультурником, если останется, службу закончит в майорском звании. Тоже неплохо – без воинской-то специальности.

– А вот мы сейчас поговорим. Веди в раздевалку!

9

– И ты вот так все бросил – и на Урал?

– Да я давно мечтал из Москвы этой гнилой слинять. Я ж тебе рассказывал, почему. Видать, такой уродился. Провинциал!

– А жена, значит...

– Ни в какую! На том и расстались. Думал – время покажет, чья возьмет. А она вскоре замуж собралась. Уже беременная мне позвонила.

– Ну ты и наив! Так шустро не бывает! Да твой дублер давно тропку протоптал. Которая через двушечку, с «Москвичком» в придачу, проложена. Ты ж свою половинку на целый год оставил. Как в подарок!

– Может, и так. Во всяком случае, отпустил я ее без пререканий.

– Квартиру ей всю оставил? Или делили?

– И квартиру, и машину. У меня уже другая машинка завелась, после Кубы. Покруче. Увидишь – закачаешься!

– Уже качаюсь! От обстановки, в которую ты меня... окунул. По-королевски разместился. Тебе хоромы прям генеральские отвалили. Сколько комнат? Десять? Конца-краю не видно.

– Пять. Но это – не мое. Просто – я здесь живу, временно. Вообще-то данное помещение составлено из двух двухкомнатных квартир – как командировочное пристанище для высокопоставленных гостей. Коим не резон светиться. А меня сюда определили как бы комендантом на время их визитов – на случай, когда подобное лицо, либо – лица появятся для временного проживания. Помочь в мелочах, то да се. Тут все качественно оборудовано для работы: конференц-зал на десяток человек – его легко трансформировать в обычную гостиную для застолья, если понадобится. Кабинет – для работы с документами. Спален – три. Одна – моя. Пока здесь обитаюсь. Там посмотрим.

– И часто – такие визитеры?

– За полгода был всего один. Из Москвы. Я так и не понял, что это был за чин. Выглядел неброско, в цивильном темном костюме. Но генералы перед ним тянулись – как новобранцы перед ротным старшиной!

– И как вы общались? Интересно...

– Представился по имени-отчеству, когда его полковник-особист из штаба привез. Огласил свой распорядок: подъем в семь, кросс пять километров – желательно вдвоем, чтоб с дороги не сбиться; душ, завтрак – в восемь: овсянка, кофе в большой чашке, бутерброд с сыром на черном хлебе. Работа с документами. В час – обед: меню в штабной столовой знают, доставят сюда, на кухню – где мы с тобой сейчас сидим. С двух до пяти – встречи с вызванными на беседу людьми. Я должен был проследить, чтобы посторонние в дверь не ломились, телефоны заблокировать при необходимости. Вот и все мои обязанности!

– Понятно. Телохранитель. И долго этот столичный здесь обитался?

– Два дня. Все остальное время...

– Ты баб сюда водишь, – закончила за него Надин. – Понятно. Хорошо устроился! Молодец!

– А что мы всё обо мне да обо мне...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «ЗАОСТРОВСКИЕ»

«...Бог меня простит – это его специальность...»
Генрих Гейне

1

– У меня всё – куда прозаичней. Я – из Белоруссии. Слышала – будто есть у меня даже польские корни.

– Потому и такая красивая. Польки – самые шикарные пани в Европе считаются.

– Не подлизывайся! Да кто их знает! За границей ни разу не была. Корни-то – по отцу. А где тот отец... Отсидел, сбежал. Мы с матерью его и не искали. Во всех анкетах пишу «с отцом отношений не поддерживаю». Нечего поддерживать. Отучилась в Минске, в театральном. Год – в ТЮЗе: лисички-сестрички, зайчики-побегайчики... Разок снялась в кино – в эпизоде. Но – с раздеванием: фашист на мне платье рвал, чтоб зверски изнасиловать. Я его, естественно – как и положено законспирированной под крестьянку партизанке – топором по башке. Вот и вся роль могучая! Однако кому надо – заметили: я там постаралась – и эмоций подпустила, и на совесть оголилась. Пригласили во взрослый драмтеатр. Пять лет – как один день. А потом мужа перевели служить на Урал. В отличие от твоей дражайшей – я за ним как ниточка за иголочкой.

– Ты совсем уралочкой становишься, – нукаешь как заправская.

– Я ж не на сцене. Здесь без проволочек в драму взяли. У меня уже послужной к тому моменту поднакопился – и из классики, и из современности. Вписалась без особого труда – провинциальные театры зачастую похожий репертуар гонят, не Москва. Там Уля Громова – здесь Уля Громова. В Минске дуэнья – и на Урале она же. Обещают вскорости на заслуженную подать. Пока морщинами не обросла. Мамушек-бабушек лучше заслуженной поручать. Так что, в отличие от твоей бурной жизни с секретными начальниками, генсеками, мулатками – ничего интересного. Не твое бы любопытство – сама с рассказами бы и не сунулась. Я вот что спросить хочу: тебе-то это зачем, мальчик? Попользовался – и хватит. Праздник в честь Дня Советской армии и Военно-Морского флота прошел максимально насыщенно. Было – и адью! Вряд ли повторится, я думаю. Зачем же тебя, такого миленького да ладненького, подставлять под карающий меч наследников Дзержинского? Мои романы должны быть строго засекречены! Не хуже чем у агента под прикрытием – прости Господи мою дерзость!

2

Толик Заостровский с малолетства мечтал стать разведчиком. Белов-Вайс из фильма «Щит и меч» стал его кумиром. Но – малорослый, пацаны обижали. «Ничего, – думал он – вот подрасту, тогда посмотрим!» Эти мысли и привели его однажды в районное управление КГБ. В городке Чашники – что в сотне километрах от Витебска и в двухстах от столицы республики, с населением меньше десятка тысяч человек – все знали всех. Чекистам было не замаскироваться – все равно в родне кто-то работал на железной дороге, кто-то – на бумажной фабрике. Больше-то, в общем, и негде. Какие уж тут секреты?!

Конечно, к майору Скрынникy можно было заглянуть и по-соседски – в дом напротив, но тогда и разговор вышел бы неофициальный. А Толику хотелось – всерьез. Майор оказался незаурядным психологом. Он не указал мальчишке на дверь, как поступили бы девять из десяти его коллег – мол, что за розовые сопли?! Наоборот – отнесся к визитеру со всей ответственностью.

– Значит, в разведчики надумал? Это – хорошо! Но, понимаешь, к нам нельзя вот так запросто поступить на работу – как на завод, или на стройку. Не та организация. Если будешь соответствовать, мы тебя сами отыщем.

Наметили план действий. Первое – учиться только на хорошо и отлично: троешники тут не требуются. Спорт: секция бокса или тяжелой атлетики, можно и борьбой заняться, лучше – самбо. Физическая подготовка – основа основ! Ну, а стрелять в армии научат. Вот оттуда, если захотеть – прямой путь откроется. Если очень постараться. Большинство по этой тропинке и продвигается, хотя реально путей – не сосчитать. Этот – самый короткий и верный.

Класса с седьмого возникла другая мечта – Надька Симанович. Краше ее в Чашниках не было! Правда, училась она в соседней школе и уже в десятом. Но и эти обстоятельства Толика не смущали. Однажды он решился пригласить ее на танец в Доме культуры. Она так на него посмотрела!

– Да все обхохочутся! Ты ж мне до сиськи не дотянешься, кавалер!

«Ничего, – решил тогда Толик. – Дотянусь! Еще не раз дотянусь!»

3

– А откуда такое интересное имя – Надин. Раньше не встречал.

Александр все же решился задать этот вопрос. Хотя понимал: банально, ее этим любопытством уже, поди, заколебали.

– Да из башки выдумала. Мамочка – работник городского архива – свихнулась на чтении романтических книжек и мне при рождении еще похлеще кличку навесила – Ромуальда! Сама-то она – серая мышка, как и все эти архивариусы. Но в мечтах! А мне каково? Представляешь это словосочетание – Ромуальда Симанович! Сразу вырисовывается эдакая купчиха из пьес Островского: поперек себя шире, шумно прихлебывает чай с блюдечка с сахаром вприкуску, наливает себе еще и еще из пузатого самовара – вся в рюшечках, в кокошнике. Или – еще страшнее картинка: бандерша какая-нибудь – с папиросой во рту, скупщица

краденого. Пошла паспорт получать, решила – сейчас или никогда! Вот и придумала себе прозвище, какого ни у кого нет.

– Зато выделяется! Хотя – тебя и так ни с кем не спутаешь.

– Может, мы поспим хоть немножко сегодня? В прямом смысле слова? А то я завтра такая чучундра буду! Никаким макияжем не выправишь!

4

Уже к концу первого года службы младший сержант Заостровский – отличник боевой и политической подготовки, командир отделения – попался на глаза начальнику полкового особого отдела. Может, оттого, что сильно хотел? Или карма у него такая?!

– Зайдите ко мне, – властно приказал майор. И без особых усилий завербовал его в информаторы. Служба и дальше пошла без изменений, только теперь раз в неделю Анатолий мелким почерком – чтоб не больше страницы получалось согласно инструкции – усердно докладывал: кто, что, когда, где, при каких обстоятельствах сказал, сделал, во сколько это случилось и кто при сем присутствовал. Знал, что и за ним приглядывают: скрывать ничего нельзя!

Первым раскрытием стали фотографии с учений. Кто только аппаратами не щелкал – никаких запретов не было! Решили выпустить ротную стенгазету. Уже и ватман разложили, тексты прописали – как вырос будто из-под земли старший лейтенант особого отдела. Молча сгреб все фото – и ушел. Обошлось без последствий для личного состава – только замполит батальона дня три ходил хмурый. Видать, нагорело. На тех фото были БМП* нового поколения – закрытая информация для публикаций.

Вторая «операция» получилась куда более эффективной. Заостровский услышал в курилке о тайных сходках эстонцев: те ночами запирались в подвале казармы, еще немцами построенной – о чем-то судачили, песни иногда какие-то пели на своем языке... Те, кто был в курсе, думали – квасят втихую прибалты. Русские им – не компания. Доложил что знал. Когда накрыли это сборище – там такое обнаружилось! Знамена эстонских воинских соединений со свастикой времен Великой Отечественной, «Майн кампф» на эстонском, еще что-то похожего характера. До руководства Министерства обороны скандал дошел!

Состоялся суд офицерской чести. Комполка с понижением в звании и должности отправили в Сибирь – а ведь как любил он эту бывшую территорию Восточной Пруссии, прозванную Калининградчиной! Замполита полка вообще из армии уволили без перспектив восстановления – а мужику до пенсии оставался год. Но Заостровского в полку к тому моменту уже не было: с отличной характеристикой он готовился в закрытом лагере к поступлению в Высшую школу КГБ имени Дзержинского.

Как только курсантские погоны легли на плечи Анатолия, он тут же отпросился на недельку домой – мамку проведать, а то ведь даже в отпуске за срочную службу побывать не успел. А сам... Он знал, где искать Надьку – одноклассник написал, что она уже артистка. Купил букет на все деньги, сел в центре первого ряда – и сверлил взглядом сцену. А когда спектакль закончился – спроси его, о чем – ни за что бы не вспомнил – он прямо из зала запрыгнул на сцену. Нашел нужную гримерку.

– Это ты, что ли? Толик, кажется? Да тебя не узнать!

– Я – за тобой! Выходи за меня! Ну, пожалуйста...

Она даже не усмехнулась. До сих пор ей такого не предлагали. Никто и мозги туманить не пытался – намерения ухажеров неизменно носили откровенный характер: всем нужно было ее тело! Она уж подумывала – родить, что ли, от кого... Все не одна останешься на старости лет. Поэтому... Помедлила чуток, внимательно на него посмотрела...

– А почему бы и нет?

В Москве ей – как законной жене военнослужащего – предложили поработать на договоре. Правда, условия оговорили те еще... Платить – только за участие в спектаклях: без ставки, без твердой зарплаты. Зато – во вспомогательном составе Центрального академического театра Советской армии. Роли поручали небольшие – не Касаткину же ей подменять, когда прима прибаливала, либо в кино снималась, а то и элементарно капризничала: то сплин, то простуда... Было кому и без Заостровской – в труппе прославленного театра годами ждали ведущих ролей и шанса своего не упускал никто! Так и проэпизодничала, пока муж не обрел лейтенантские звездочки.

Его распределили в Минск – полковник Скрынник не забыл настойчивого мальчишку и неустанно следил за ним: а вдруг сложится, как задумывали! Это ж будет и его личный успех! Зато актрису Заостровскую – после столицы-то! – с радостью приняли назад в труппу родного театра. Была в ней несомненная искра таланта. К тому же за прошедшие годы Надин просто расцвела! Так бывает: что называется – вошла в возраст!

Все бы ничего – да шлейф старых связей тянулся за ней как поганый хвост. Кому-то Анатолий морды бил, одного даже вообще упек на нары – как бы подловил на спекуляциях забугорным барахлом в особо крупных размерах, сплавив дело милиции. Это переполнило чашу терпения руководства. Сколько можно личное на первый план тащить?! Непосредственному начальству лейтенанта, да и самому Скрыннику, выросшему до замначальника республиканского управления, скандалы были ни к чему – в последнем случае осужденный подал апелляцию, вышел на свободу подчистую и так раззвонил

*БМП – боевая машина пехоты.

во все колокола! Недолго думая, приняли решение: присвоить настырному ревнивцу досрочно старшего лейтенанта – вроде как за несомненные успехи по службе – да и отослать куда подальше от Белоруссии! Повод придумали банальный – трудности с жильем. Минск! Третья столица страны – после Москвы и Киева.

На дорожку полковник Скрынник вызвал Заостровского для серьезного разговора.

– Работать ты умеешь – этого у тебя не отнять. Но с мальчишескими выходками – завязать! Иначе пулей вылетишь со службы. Взял бы кого попроще – продавщицу там, или учительницу... Короче – все понятно?

– Так точно, товарищ полковник. Я вас не подведу!

– Ты себя не топи прежде всего. С чистого листа начинаешь! Вот и постарайся, чтоб он подольше оставался чистым!

Так и возник в их жизни Урал. Куда они прибыли вполне респектабельной семьей: муж, жена, дочке три года.

5

С чистого – так с чистого! Раз на Надьку влиять бесполезно – значит, нужна более тонкая линия поведения. Конечно, если заразу в дом принесет или задумает родить байстрюка – вытурю взашей и навсегда! А так... Может, ей левые амуры для куражу необходимы? Кто их разберет, этих людей искусства.

Первым в марьяжном списке Заостровской нарисовался, естественно, худрук. Его ей сосватала новая подружка жены Сонечка. По молодости лет та сама состояла в отношениях с Аристархом Зориным, в ту пору – подающим надежды молодым режиссером с большими связями в городе. Сначала дала ему за главную роль в спектакле «Город на заре» по Арбузову – получила роль Наташи. В Вахтанговском Наташу играла Юлия Борисова – и как играла! Брызги славы московской примы долетели и до Урала – но уже в облике местной исполнительницы. Сонечку заметили – и понеслась на рысях модная в то время «арбузовщина»: «Иркутская история», «Мой бедный Марат»...

Будущее представлялось ведущей «инженю»* театра прекрасным и безоблачным. Об их связи знал весь театр и до поры никто не реагировал – это ли проблема! Спустить бы ей всё на тормозах... Так вот Сонечке приперло отбить любимого у клуши-жены. Подумаешь – дочка директора крупного завода! Папа папой – а какое у этой домохозяйки может быть духовное родство с мужем?

В один прекрасный день жена режиссера написала заявление. И не в парторганизацию драмтеатра, как это делали другие в подобных случаях, а сразу – в райком КПСС. Сонечку как следует пропесочили – исключили из комсомола, а затем и сняли с главных ролей. Тут морально устойчивые в очередь годами стоят! Каким-то странным образом вторую половину любовного тандема сумели представить чуть ли не как жертву театральных интриг. На момент появления в коллективе Надин Софья Михайловна прочно застряла во второстепенном составе, к тому же в возрасте за сорок мало кто сохраняет фигуру и сексапил – коли это не очень востребовано. Что же до Аристарха Владимировича, то он уже с десяток лет ходил в главрежах и стал понемногу забывать о прошлом. В пятьдесят восемь поздновато гоняться за каждой юбкой, да уже и незачем. Тем более что в театре, где секретов нет, знали – у худрука уже толком «не маячит».

Сонечка и раньше мстила бывшему другу сердца по мелочам. Совсем ее не замечает, даже по праздникам! Будто никогда и не носил на руках в прямом и переносном смыслах! Сейчас она увидела шанс насолить по крупному: раз у новенькой муж чекист – этот точно сломает хребет старому козлу!

Для начала она предложила Заостровской разделить с ней гримерку, ради чего взашей вытолкала подсунутую ей стажерку из театрального училища.

– Актрисам негде гримироваться, а всякие недоучки место просиживают!

Они прекрасно ужились: пили чай с Сонечкиным вареньем, судачили о ролях. Как-то съездили к Сонечке на дачу, где прекрасно провели целый день, и тогда мстительница поняла – пора!

– Ты не замечаешь, как главнюк на тебя пялится?

– Да что ты! Он же старый!

– И что? Хочешь процветать – придется потерпеть. У нас ведущую роль принято выстрадать. Не нами заведено – не нам и менять. Да с него разочка хватит за глаза. Уж ты пройди этот этап – а там все само покатит. Стрельни глазками – сам бегом побежит! Я ж тебе добра желаю. Мы ведь подруги, правда?

Вскоре представился удобный случай. После выездного спектакля в ближайший город области в честь юбилея крупного градообразующего завода хозяева из Дворца культуры всю труппу пригласили на заводскую турбазу. В банкетном зале пищеблока, обставленного шикарной югославской мебелью, были пространные спичи за таланты на службе народу, щедрые подарки, море цветов... Зорину, естественно, отвели директорский люкс. Ну а уж Сонечка – как член профкома театра – проявила максимальную активность: и чтобы Надин сидела за столом поближе к главрежу; и чтобы ушла в жилой корпус вместе с ним. Разве что не под ручку. Тем более что никто не мешал сводне усердствовать – актеры на дармовщинку так поднабрались!

Как и ожидалось, никакого удовольствия обольстительнице не перепало. После длинного занудного разговора об искусстве руководитель стал банально засыпать. Пришлось Надин взять

* «Инженю» – от франц. ingénue – классическое амплуа «молодая героиня» (театральный термин).

инициативу в свои руки: сама довела главрежа до спальни, сама раздела... Он было что-то попытался изобразить, но – увы... Она сотворила что смогла – через усилие, через рвотное отвращение к этой рыхлой развалине. На кой черт связалась, дуреха! Он хоть вспомнит про этот вечер?

Не забыл. На ближайшей читке новой пьесы Аристарх Владимирович, как всегда тянувший с распределением по ролям, уверенным бархатным баритоном заявил:

– Ну, коллеги, предварительный список мы вывесим где-то на неделе. Может, чуть позже. Потребуется обсуждение на худсовете, естественно. В общем – вся процедура по установленным правилам и в русле традиций. Одно у меня не вызывает сомнения – Настасья Петровна будто специально написана для Заостровской. Как мне кажется, должен удачно войти в канву повествования романс на стихи Якова Полонского. У Надин Георгиевны как раз подходящий тембр. Есть и еще одно обстоятельство, которое вряд ли найдутся желающие оспаривать: инструментом актриса Заостровская владеет вполне прилично – практически на профессиональном уровне!*

6

Так сложилось в областном управлении КГБ, что «культурный сектор» считался издавна не очень перспективным: какая там может быть раскрываемость? Мелкие дрязги, мутные интриги, пьянство. На этом карьеру не сделаешь. Вот и спихнули новичка прямиком туда. Прежний куратор – майор с видами на подполковника – передал ему списки «актива»: почти все – сплошь кадровики театров и других очагов культуры. Остальные категории, видно, слабо были подвержены вербовке – что взять с актеров, массовиков-затейников, музыкантов, рабочих сцены? Несерьезный, бессистемный народ. А «на кадрах» чаще всего восседали бывшие военные – ныне пенсионеры. Эти-то понимали, что такое служба, бдительность, порядок.

Вскоре после той выездной вечеринки драмтеатра на стол старшему лейтенанту Заостровскому лег объемистый пакет с фотографиями. Сразу бросилась в глаза Надька. Как ее прижимает в танце это старый хрен! На глазах у всех! Ну и публика! И вдруг... На слегка размытой, снятой при плохом освещении объекта фотке обнаружилось такое! Фотографировали, сразу видно, издалека, да еще и с широкоугольным объективом – с искажениями по краям. Но содержание не оставляло толкований. Дражайшая половина – в своем репертуаре... Не отмоешь черного кобеля добела, сколь ни бейся! И от перемены мест слагаемые никак не хотят меняться, что с ними ни делай.

Вспллыли слова из популярной песни Высоцкого «Морды будем после бить – счас вина хочу». Он вышел на улицу, зашел в гастроном, взял бутылку водки. Дома холодильник всегда был набит едой доверху, и бутылочка «Столичной» в морозилке присутствовала – на случай внезапных гостей. Это у них еще с родной Бульбяндии было заведено. Но в данном случае спиртного могло не хватить. Хоть и давал себе слово не ярить от измен благоверной, да как-то не очень получалось на деле. Любил ведь заразу, чтоб ее!

Чуть ли не с порога жахнул стакан – и остался трезвехоньким. Малость посидел, не закусывая, вышел на балкон покурить – и вернулся за второй порцией. Повторил. Занюхал корочкой черняшки – закусывать по-прежнему не хотелось. Снова закурил – теперь уже на кухне. Вроде стало отпускать. Залез в ванну, долго отмокал... Постепенно начало созревать решение. Конечно же, вспомнился лозунг, под которым он сейчас жил: «С чистого листа!» Ну ладно. Все будет совершено в кристальной чистоте! Какие морды? И – кого? Да этот... Концы отдаст с одного удара – и что тогда? Извольте на нары?

Когда жена пришла после спектакля, Анатолий давно похрапывал на их раскидистой тахте. Принюхавшись, поняла – да он в лоскуты! Совсем уральцем становится на новом месте. При его-то массе – много ли надо? На службе, поди, держался, а как до постели добрался... Интересно, что они там отмечали? Неужто и взаправду шпиона поймали? Это здесь то, в режимном городе? Хотя... Блуждала по театру малоправдоподобная байка: якобы при приемке нового «изделия» на одном из заводов – так они его называют – затесался каким-то непонятным образом посторонний. Хотя пропускной режим там – мама не горюй! Поэтому никто и не грешил особой секретностью в обсуждениях. Наоборот – обещали всех врагов разом победить с помощью новинки. А когда спохватились! Вот шуму-то было! Чем черт не шутит – того и гляди, Героя благоверному дадут!

Тут домработница и Настеньку из яселек привела. Если бы Надин была вечером занята допоздна, дочка осталась бы на весь вечер и даже на ночь у Устиньи Павлиновны. Старая дева-староверка души не чаяла в этом очаровательном зеленоглазом пупсике. Но сегодня вечер провести ребенку предстояло дома.

– Папа на работе устал, лег поспать. Ты не шуми. Ладно? Вот проснется – книжку тебе на ночь почитает. А пока пойди, поиграй в гостиной. Договорились?

С утра Анатолий тщательно побрился, оделся в гражданское, бросил мимолетный ненавидящий взгляд на спящую супругу – и бодро зашагал к зданию драмтеатра. Благо идти было – всего ничего. Свежий ветерок настраивал по-боевому, и он кожей ощутил – сегодня все сложится как надо!

В дверь кабинета бочком-бочком протиснулась секретарша главрежа. Глаза у нее были круглей круглых.

– Аристарх Владимирович! К вам там... Из КГБ!

* Речь идет о пьесе А.Островского и Н.Соловьева «Жениться Белугина».

– Чего ты испугалась? Сейчас не тридцать седьмой. Проси. И чаю сразу принеси. На двоих. С бараночками – как всегда.

Молодой человек сверкнул «корочками» – главреж ничего разглядеть не успел, только разве что различил на карточке посетителя в военной форме.

– Прошу, присаживайтесь! Сейчас почаевничаем. Может – кофе? У меня есть «Пеле». Самое время. С утра что-то совсем аппетита не было.

– У меня – тоже. Но я не чаи гонять пришел.

Заостровский достал из «дипломата» те два снимка, положил на стол.

– Все показывать не стану. Хотя и на альбом наберется. Сосредоточимся на данной теме.

Главреж непередаваемым движением натянул на большой пористый нос красивые, в роговой оправе, итальянские очки. Мельком всмотревшись в фото, строго взглянул в глаза собеседнику.

– И что сие значит? Вас что, муж уполномочил? Не понимаю...

– Я и есть муж актрисы Заостровской. Документ еще раз предъявить? Давайте лучше обсудим, как нам с вами себя вести в создавшейся ситуации – чтобы, как говорят японцы – лица не потерять. Что, то есть, будем делать?

Зорин вновь долго рассматривал фотографии. Опустил лоб на подставленные ладони. Не глядя нашарил початую пачку «Кэмэла». Помял, понюхал сигарету – и отбросил. Так же привычно достал из верхнего ящика стола блистер «Валидола», закинул таблетку под язык. Когда поднял голову, в его взгляде застыла такая растерянность! Куда подевался весь апломб?

– Что бы я сейчас ни сказал... Простите, не разглядел имя-отчество...

– Анатолий Борисович. К вашим услугам! – как можно более веско ответил посетитель.

– Анатолий Борисович... Хотите верьте – хотите нет. Я сам не понимаю, как это произошло. Как это вообще могло случиться! В мои-то года... Мне в тот день, помнится, нездоровилось с самого утра. Сердчишко в последнее время пошаливает. Надо бы провериться – да недосуг. А все тянулось как назло долго. Сначала этот переезд в тряском автобусе – завод прислал, неудобно стало уединяться в персональной машине. Хоть и полста километров, но для меня и это оказалось мучением. Потом спектакль, банкет – пропади он пропадом: все жирное, сладкое – я на диете давно. Хотел отпроситься – да куда там! Руководство завода присутствовало, из горкома были. Ночевать не собирался категорически. Уже и машина ждала – гендиректор предприятия, видя мое состояние, предложил. А тут...

– Разжалобить хотите? Считайте, что удалось.

– Да если бы...

– То есть, по-вашему, получается – с ее стороны инициатива была?

– Да не было никаких конкретных действий! Я даже не понял, как мы вдвоем остались. Вроде только что шли большой группой из столовой...

– И вы ее не приглашали в номер?

– Да не помню ничего! Говорю же – паршиво себя чувствовал. У меня не только проблемы с сердцем – и давление, и диабет. Куда с таким «букетом»?

– Ладно. Закроем тему. Что делать намереваетесь?

– Прежде всего – коленопреклоненно просить у вас прощения. Да чтоб я еще раз! Разрази меня гром!

– Грома не будет, молнии – тоже. Мне жену третировать, сами понимаете...

– Упаси боже! Надин Георгиевна – талантливый человек, уверяю вас! Ей обеспечена в театре самая большая перспектива! Очень хорошо, что вы нам подарили настоящую героиню. Я уж подумывал о поиске. А тут – как раз вовремя для развития репертуара. Со своей стороны обещаю, что у актрисы Заостровской проблем не будет ни в чем: в должное время станет заслуженной, а там – и народной. Мы все в нее очень верим. У вас ведь – двухкомнатная, насколько я в курсе дела? Дайте срок – будут все три, в самом центре. Уж я расстараюсь!

– Надеюсь. А насчет нравов в вашем театре... Щадя ваше здоровье, не стану показывать всю фотолетопись. Которая в архиве у меня все же останется. И если что...

– Прослежу. Лично! Не сомневайтесь. Ждем вас на премьеры. Место в первом ряду для вас будет всегда забронировано. Вам не придется за нас краснеть! Слово коммуниста!

Так Заостровский стал завсегдатаем театра драмы. Собственно, это была его работа – «культурный сектор». Совсем немного времени понадобилось, чтобы разобраться в хитросплетениях силовых полей этого самого сектора. Непросто все оказалось. Что до дэкашек и клубов – там было все элементарно: работники этих культучреждений усердно «стучали» друг на друга – и начальству, и в милицию, и им. Но толку в результате – чуть. Разрабатывать особо нечего: мелкое воровство, конфликты вплоть до драчек по пьяни, подсиживания... Театры – другое дело. Шефство было распределено солидно, за весомыми организациями. Которые и материальную поддержку оказывали, и любую другую помощь.

Скажем, оперному театру для спектакля понадобился породистый рысак. Кто в этом деле первый помощник? Гражданская авиация! Много лет летуны дружили с оперой – праздники, торжества проводили совместно. Приобрели коника – и доставили в лучшем виде! За ТЮЗом был закреплен горком ВЛКСМ. Комсомольские вожаки строго следили за репертуаром – дабы не было искажений по политической или там идеологической линии, они же оказывали весомый вклад на период летней оздоровительной компании: в театре служили

сплошь молодые мамочки-папочки и за путевки в летние пионерские лагеря им беспокоиться не приходилось. Так же как и за места в яслях и детсадах. Над театром оперетты шефствовал крупный оборонный завод – этот проблемы творческого коллектива решал за счет внутренних ресурсов, а их было предостаточно – во всяком случае, побольше, чем у многих рядовых организаций.

А драме в качестве шефов досталась армия. Пожалуй, самая могущественная сила. Потому и звания заслуженных-народных здесь перепадали погуще, чем остальным, да и гастроли по Сочам-Ялтам-Геленджикам в бархатный сезон были регулярными, не то что другим: раз в пятилетку – и то по обещанию. Так что по всему получалось, что Заостровскому прямой резон был в большей степени сосредоточиться именно на этом театре: за авиацию и других отвечали коллеги, они-то заодно и присмотрят, если что.

Шофера генерала Логинова он обработал сразу.

– Анатолий?

– Так точно!

– Я – тоже Анатолий. Бульбаш?

– А я к жешь! С под Витебска.

– Ну так и я с Чашников. Будешь помогать земляку?

– Шо до помоги* – мы завсехда!

– Вот тебе номер телефона. Я на службе – день и ночь. Звони! Я тябе тоже завсехда выручу. Задружимся – не прогадаешь!

Толик особо не докучал – докладывал вовремя, по делу. Стал чуть ли не лучшим агентом. Раскрыли с его помощью попытку продать пистолеты Макарова со склада вооружения – завелся там ушлый прапорщик, умело подделывал накладные. Предотвратили массовый побег новобранцев из полка связи – взяли тепленькими на железнодорожной станции прямо перед посадкой в вагон. Заостровский досрочно стал капитаном. Через год после того случая с главрежем Толик просигналил уже по интимному вопросу: актриса Заостровская и первый герой-любовник театра драмы, заслуженный артист РСФСР Станислав Армавиров готовятся встретиться в загородном кемпинге. Добираются каждый самостоятельно. Даже время назвал тик в тик.

Спустя час Анатолий был на месте. Шофер рванулся было на заправку. Не отпустил.

– Я быстро.

Администратор, увидев «корочки», торопливо подтвердила:

– Ключ они получили. Но в номер не поднимались. Сразу пошли поужинать в кафе. Это здесь же, на первом этаже.

– До скольки снят номер?

– До утра. У нас можно и почасово...

– Спасибо!

Заостровский кликнул шофера:

– Семен! Где ты там? Пошли! Пора поесть по-человечески!

Эти два римских медальных профиля он увидел сразу. Столик на двоих, ишь ты! Как мило! Они с Семеном уселись неподалеку. Актеры о чем-то оживленно беседовали. Со стороны посмотреть – люди просто заскочили перекусить. Никаких тебе цветочков-букетиков, томных взглядов, держаний за запястья. Видать, давно притерлись. На первом свидании ведут себя иначе.

Их с водителем довольно долго не замечали. Анатолий и заказ успел на двоих сделать, и поужинать с кайфом, не спеша. Он откровенно тянул время – поглубже душевную рану бередил. Сколько бы это продолжалось – один Господь знает. Но тут шоферюге приперло его благодарить:

– Давненько я так вкусно не рубал! – громко, все еще жуя, брякнул он с набитым ртом. – Премного благодарны, товарищ капитан! С меня причитается, Анатолий Борисович!

Надин вскинула глаза, и ее лицо стало покрываться пурпурными пятнами. Заостровский встал, кинул купюру на стол:

– Хватит рассиживаться! Мы – на службе! Поехали!

Она было хотела догнать, что-то объяснить, но... Ноги будто приросли к полу...

Домой жена вернулась всего минут на двадцать позже его.

– Это армавировский желтый «Жигуль» я видел на парковке у кемпинга? Неплохо гоняет! Не хуже профессионалов.

Она подошла вплотную, опустила руки вдоль тела, подставила щеку.

– Ну же, ударь! Ударь! Врежь – как бляди подзаборной! Имеешь право! Ты мужик или как?

– Не ори! Дочку разбудишь! Она и так тебя неделями не видит! Скоро няню мамой будет называть!

С того памятного вечера Заостровскую будто подменили. На длинных четыре года! Муж уже думал: ну все, перебесилась. Теперь – семья как семья! Прошлое – растереть и забыть! Может, второго ребенка заведем? Самое время. А тут опять – этот Сашенька! Прикажете торжественно объявить открытие второго круга того же чемпионата? Застоялась кобылка в стойле в межсезонье? И ведь личность-то непростая – этот фрукт Аристов. Как минимум, два генерала за ним стоят – и сам командующий округом, и заместитель командующего Логинов. Так они вам его и отдали, товарищ Заостровский! Докопаются – так в майорах и помрешь! Где-нибудь на оборонном заводе в области. Тут с умом нужно, осторожненько...

7

Армейских фигуристов с Урала утопили в цветах! Давно такого не было, чтобы периферия составляла острую конкуренцию московским и питерским мастерам на чемпионате страны. Да еще в родных для военных стенах ледового Дворца спорта ЦСКА! Три медали – серебро в парном и танцах на льду, бронза в женском одиночном! Да и пятое место в мужском разряде – тоже

*Помощь (белорусск.).

неплохо. В клубном командном зачете – безоговорочное первое место! То-то ликовала уральская диаспора на трибунах! Казалось – вся немалая когорта земляков-новомосквичей собралась! А сколько приехало просто поболеть за своих! Скуповатый старший тренер фигуристов области Ксенофонтов понял, что одним местом в вагоне СВ для начальника спортклуба не обойдешься – куда все это пахучее добро девать? А то им с супругой – соратницей по тренерскому цеху – придется в обнимку с букетами сутки коротать в таком же купе по соседству. Дома-то встречать будут прямо на вокзале – с оркестром, речами! Букетики ох как пригодятся! Ладно, перебедуем как-нить прореху в бюджете. Может, начальство за успех кое-что и подкинет.

Надин нарисовалась на трибунах в первый же день чемпионата – и сразу к Сашеньке!

– Эпизодик на «Мосфильм» выдернули отыграть. Со словами! – она прямо искрилась от счастья! – Может, и роль как роль когда-то доверят. Во всяком разе, режиссер намекал. Если подходящий материал образуется.

Вот это Аристову было совсем ни к чему. На глазах у подчиненных! Да что там у подчиненных – у всей страны на виду! Она что – совсем ошалела! Не понимает, что во время трансляций операторы часто берут крупные планы. А уж она-то в своей расшитой васильками канадской дубленке с огромной рысьей шапкой точно бросится в глаза! Его же подарки и образовали яркий прикид – на день рождения подруги, за сертификаты «Внешторгбанка» в «Березке» приобретенные. Не хватало на этом еще и погореть! Шикарная мадам – а рядом, как по заказу – начальник спортклуба майор Аристов Александр Александрович собственной персоной! Ни шагу без любовницы ступить не может, прохвост! Даже в столицу на ответственный турнир ее потащил! И прозывается сия операция – «по секрету всему свету»!

– Дорогая, не обижайся! Здесь – служебные места. Доступ строго ограничен. Я не совсем понимаю, как ты вообще попала в этот сектор. Не положено посторонним.

– Вот солдатик на входе сразу понял, что я никакая не посторонняя.

– У меня будут неприятности.

– Да и хрен с тобой!

Она демонстративно поднялась во весь свой немалый рост – сапоги на черт-те каких шпильках, величиной с ходули – и независимо двинулась по проходу. Ей, конечно, тут же нашли местечко. Рядышком с неприметным мужичком в штатском, но с явно военной выправкой – сидел прямой как карандаш и броскую соседку как бы даже не заметил! По привычке оглядевшись, она вдруг подумала, что где-то эту физию раньше видела.

– Вы тоже с Урала? Поболеть за наших приехали?

Сосед как-то испуганно оглянулся, помедлил с ответом.

– Вы мне? Нет, что вы. Я – местный. Тут работаю, неподалеку. В перерыв вот отпросился на часок.

«Зачем-то он врет, – поняла Надин. – Ну и хрен с ними, с мужиками. Вечно у них какие-то сложности. Не умеют жизни радоваться!»

Александр постарался исчезнуть из Дворца спорта через служебный выход – он того гражданина заприметил тоже. Побегай, побегай, дружок. Раз иным способом на жизнь зарабатывать не умеешь. Много ты сегодня нарудил в свой сачок, стукачок? Ну, подошла на минуту землячка, поговорили чуток. Нет криминала, сколько ни шей!

Перед отходом поезда Надин появилась разве что не за минуту.

– Все билеты скупили, земляки! Берите на борт!

Ну куда от такой денешься?! Так они и ехали – посреди моря цветов. Будто в оранжерее на колесах. Больше двух-трех часов сна она ему не отводила. Надин это приключение так завело! Вопреки категоричному заявлению на первом свидании, их связь тянулась уже с полгода. Она первая позвонила. Днем.

– Через час буду! Встречай!

Ох, женщины! Вошла – и сразу направилась в спальню, на ходу сбрасывая с себя все до ниточки. И так же стремительно, после безумной, как всегда, страсти, оделась в обратном порядке – назад как по следам прошла.

В общем-то, ему были совсем не обременительны эти встречи. Разок-другой в неделю сбегались, чаще всего – днем, в районе обеда, на пару часиков: от театра до его дома – три остановки трамвая, а ему вообще ходу с работы было – пятнадцать минут. Чтобы Надин вдруг не пришлось ждать на улице, пришлось изготовить дополнительный комплект ключей – и от парадного, и от входной двери в квартиру. Если Аристов приходил позже, его уже ждал кипящий чайник и нарезанные бутерброды. А потом – горячий, безумный секс!

Расходились всегда по одному. Он – с интервалом в пяток минут. Так легче было вычислить «топтуна» – учитывая специфику работы мужа подружки. И они вскоре появились, эти ребята: каждый раз – разные, но чем-то – неуловимо похожие. В неприметных серых одежках, с настороженно-вороватым взглядом. В руках обязательно – газета, журнал, портфельчик. Александр дотумкал, зачем: если «объект» притормозит или оглянется, можно как бы заняться предметом – почитать, поправить, покопаться. Поначалу Аристову сия затея казалась игрой: ну и что они нароют? Государственную измену? Адюльтеры не относятся к компетенции органов. Аморалку пришьют? Из комсомольского возраста он уже вышел, в партию пока не вступил. И потом – это еще надо суметь доказать. А что, если и так? Молодой мужчина одинок как перст – ни жены, ни

детей. А замужняя женщина или холостая у него в подружках – не его, собственно говоря, проблема. Пусть о чести жены муж беспокоится!

Но постепенно эти игры стали его тяготить. Уж не замуж ли она за меня собралась? С такой станется. У ее коллег вон уже по третьему мужу прорисовалось, для актрисы – привычный оборот. Только подчеркивает многогранность натуры творческого человека. Хотя – никто ведь ничего не предлагал. Так, организмы резвим – чтобы не застояться. Как хорошо с этим делом обставлено на Кубе! Никто на этот счет не заморачивается! Захотелось – и всё, и этим сказано достаточно. Как зубы почистить на ночь – для здоровья полезно. Это только у нас всегда наготове трагедия на личной почве. Вечная «Анна Каренина»! Хотя и мы постепенно меняемся.

Когда лейтенанта – новичка ЦСКА – поселили в пансионате за городом, он совсем недолго пребывал в номере на двоих в одиночестве. Вскоре появился наперсник – столичный, из свежих мастеров спорта, тоже лейтенант, но – «двухгодичник», после окончания Московского автодорожного. Сынок большого автоначальника – папа пожелал, видите ли, чтобы тот был «как все». Неделя прошла стандартно – пять будних дней двухразовые тренировки с утра и во второй половине дня по четыре часа каждая. В субботу до обеда – контрольные спарринги, после чего – парная. Дальше – отдых на оставшиеся полтора дня. Неформально разрешалось употребить бутылочку пива либо бокал шампанского – не более.

Александр спланировал вечером в субботу скататься в какой-нибудь театр – ему обычно удавалось сшибить лишний билетик. В Москве он таким театралом стал! Ведь все звезды – здесь! Когда и посмотреть, как не сейчас – неизвестно ведь, как дальше судьба сложится. А в воскресенье хорошо бы продрыхнуть до обеда, книжку почитать, вечером – телевизор. У соседа Эдика оказались совсем другие интересы.

– Компанию составишь, уралец? Сейчас кореша подвалят на двух тачках. Завалимся на хату, расслабимся. А то тут в парнокопытное превратишься ненароком – с такими-то адскими нагрузками.

Две черные «Волги» лихо развернулись у подъезда. На задних сиденьях сидели по две ярконакрашенные девчонки, правые места передних сидений пустовали.

– Ты – в соседнюю, – распорядился Эдуард. – Там разберемся.

С полчаса езды – и они притормозили у какого-то загородного клуба. Стол ломился от выпивки и закусок, играла медленная музыка. Расселись – как попало. Эдуард представил Александра:

– Сосед по койкам. Чемпионом мира будет – зуб даю! Пашем с утра до ночи во славу армейского спорта. Так что от вас, девули, зависит, дотянем ли мы до очередного турнира, или копыта раньше срока откинем. Как инфизкультовки, вы это не хуже нас просекаете. За вас, красавицы, за бешеный успех!

Уже минут через двадцать девчонки сами стали приглашать парней на танец. К Александру подошла высокая броская брюнетка с выдающимся бюстом и огромными глазищами в поллица:

– Лолита! Кандидат в мастера по легкой. Копье!

И, не дожидаясь реакции с его стороны, выдернула в центр танцующих. Как раз из магнитофона полетел твист, и Александр, втягиваясь в ритм, пошел выделывать лихие па, ощущая, что неловкость от вторжения в чужую компанию постепенно уходит! Твист сменился томным танго. Лолита обвила шею партнера длинными крепкими руками, впилась затяжным поцелуем в губы. Не дожидаясь окончания мелодии, потянула его за руку в соседнюю комнату...

Он проснулся один. Интересные дела! Проверил карманы – всё ли на месте. Где я хоть нахожусь? В какой, то есть, части света? Пошел на звук мелодии. В гостиной кружились в вальсе две девчонки. Каждая – сама по себе. Лолиты среди них не оказалось. Он подошел к столу, налил стакан «Хванчкары». Не успел допить, как гибкие девичьи руки обхватили его шею сзади. Партнерша плотно прижалась к нему.

– Кристина. Плавание. Первый разряд.

И, точно так же, как и Лолита, потянула его за собой. Последнее, что мелькнуло в сознании, когда они уже раздетыми падали на расстеленную кровать – «если я здесь и подхвачу «букет» – он будет очень пестрым».

Утром стол оказался накрыт скромнее: кофе со сливками, чай, горячие блинчики. Девчонки, как и кавалеры, лениво отхлебывали из чашек. Александр не сразу узнал Лолиту – без макияжа она выглядела полной заурядиной. В его сторону даже не посмотрела, что-то увлеченно шепча на ухо рыжему амбалу – этот, вроде, сидел за рулем их машины. Кристина никаких признаков желания продолжить знакомство на предмет углубления такового не предпринимала – и Аристов не стал навязываться. Молча расселись по машинам, домчались до пансионата.

Ощущение мелкого скотства довольно долго не покидало Александра. Будто тебя выдоили – и имени не спросили. На анализы пустили непонятно зачем! Видимо, это отчетливо отразилось на его бесхитростной физиономии. Во всяком случае, Эдуард больше предложений не делал. Тем более что его вскоре списали за бесперспективностью: наверное, каким-то блатным способом стал он мастером. Однако тот случай подтолкнул Александра поискать Светку. Все же – родственная душа в чужой, равнодушной к иногородним Москве.

Впрочем, подвижки в сознании касались не только столицы. Доходили до него слухи, что и на Урале «золотая молодежь»

тоже развлекалась похожим образом. У профессорских отпрысков высшим шиком считалось посреди ночи завернуть подружку в шубу на голое тело, закинуть ее в папашкину машину и отвезти к приятелю в обмен на другую. А утром вернуть всех на прежние места и – домой, или в общагу – куда скажут. Зато на Кубе... Там все как-то происходило совсем по-другому: зажигательно, весело, искрометно, естественно! Идя навстречу обоюдному влечению. И каждое последующее действие будто само вытекало из предыдущего. Ну почему мы так не можем? У нас либо все чувства в кучу – либо вдрызг, полный раздрай! «Загадочная русская душа». Может, она и правда существует, эта самая карма? И предначертана нам с рождения? Когда-то прочитал у Фрейда: «Задача сделать человека счастливым не входила в план сотворения мира». Мы, выходит – часть этой задачи? Причем – значительная часть!

...Что же до Надин... Она, помимо своей воли, чувствовала – увязает. Разум шептал: кончать с этим надо. Ну не девчонка же! Тридцать два – возраст серьезного взросления. А то всё – как школьница, только что потерявшая девственность. Но то – разум. А сердце... Оно твердило: ну как ты без него? Без этого торса Геракла, гордо посаженной головы, гибкой мощной силы здорового тела! И поговорить с ним – одно удовольствие. Умненький! Самой вот так взять и отдать такое богатство другой? Ни за что! Пусть время рассудит! Оно – лучший советчик.

ЭПИЛОГ

«...Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно...»

Данте Алигьери

А время ничего не насоветовало. И она решилась.

Перед ноябрьскими праздниками Александра вызвали в штаб. Причем – бегом. Думал – ненадолго, а пошла такая мутота! Обсуждали по пунктам план торжеств – спортсменам было отведено достаточно много времени. И выйти позвонить неудобно, и Надька давно ждет. Что ж, служба есть служба. После совещания до конца рабочего дня оставалось всего ничего. Он и не торопился – больше часа она ждать не станет. А когда пришел домой... Первое, что увидел – чемодан и сумка. Надин одиноко сидела на кухне. Даже чаю не согрела!

– Вот так, Аристов! Я – насовсем! С дочкой потом как-нибудь решим. Я ее к маме в Чашники на праздники с сопровождающим отправила.

Сказать, что он был огорошен – ничего не сказать!

– Я не замуж за тебя прошусь. Успокойся. Просто – останусь. Не прогонишь?

Он молчал недолго.

– Меня на Урале скоро может не быть. Предстоит длительная командировка. Здесь станет жить другой человек. Как ты это все себе представляешь?

И она не медлила. Молча поднялась, молча подхватила вещи. Решительно прошла к двери. Потом остановилась на минуту, бросила вещи. Вернулась на кухню. Чуть ли не в лицо Александру полетели ключи.

– Лови! Не понадобятся больше!

Как она была эффектна в этот момент! Аристов – как был в форме, не переодеваясь – хлобыстнул стакан водки без закуски, опустил голову на руки – тем же жестом, как когда-то главреж перед Заостровским. Хотя той сцены видеть не мог. «И кому я вру? Себе? Ей? Кто знает?»

Однако через год он вновь оказался на Кубе. Тому были две причины. Вышла новая книжка крупного писателя, полковника кубинской армии в переводе майора Аристова. Она произвела впечатление на командование обеих стран, и генералитет кубинцев обратился с просьбой к руководству армии СССР о командировке переводчика на остров Свободы для дальнейшего плодотворного сотрудничества с присвоением ему досрочного звания подполковника. В Москве немного поудивлялись – эдак уралец в чинах космонавтов обскачет, но в прошении не отказали.

А тут еще подполковник Рамос затребовал друга для нового спецзадания, полученного непосредственно от Фиделя – осуществить отбор и подготовку атлетов к Первым Зимним Панамериканским Играм 1991 года. Так что затея могла затянуться больше чем на год – а то и на все два.

С Надин Александр больше не виделся – даже попыток не делал. Так же, как и она. Вскоре Заостровская получила звание заслуженной, и у нее начался роман с народным артистом Геннадием Заславским – тот долго и безуспешно претендовал на сердце красавицы, но почему-то робел как мальчишка. А тут случился его полувековой юбилей, и они как-то неожиданно легко сблизились. Нашлось много общего – и во взглядах на жизнь, и на творчество...

На молодого – не по годам – подполковника обратила свой взыскательный взор сотрудница посольства СССР в Гаване, роскошная блондинка в стиле «а ля рюс» Ольга Барышникова. Она как раз курировала и культурные, и физкультурные связи. Формально Ольга, которая обожала, чтобы ее называли Хэльга – на европейский манер – была замужем за шофером диппредставительства. Но – очень формально. Пользуясь положением, она выговорила себе отдельные апартаменты от мужа – водителям далеко не все положено знать о круге забот дипломатов. Для Аристова все опять повторилось: те же тридцать два года любовницы, те же притязания на габариты и мужские возможности борца-международника в постели. И Александр понял: это – карма! От нее никуда не деться!

